

ГРИГОРИЙ ШУР

ЕВРЕИ В ВИЛЬНО

хроника 1941–1944 гг.

«ОБРАЗОВАНИЕ – КУЛЬТУРА»

ББК 83.3(0)9 : 63.3(2 Ли)

Шур Григорий. Евреи в Вильно. Хроника 1941–1944 гг. — СПб.:
Издательство «Образование—Культура», 2000. — 224 с., ил.

Опубликовано с согласия издательства
UITGEVERIJ JAN METS, Amsterdam

*Издательство благодарит за помощь в подготовке русского
издания книги Stichting Ruslandbulletin (Амстердам, Нидерланды)
и лично г-на де Бурга и г-жу Дриссен*

*Литературная обработка и вступительная статья
В. Порудоминского*

*Послесловие В. Кавторина
Комментарии Т. Бурковой*

И сегодня годы Второй мировой войны, унесшие около 6 миллионов еврейских жизней, остаются трагедией всего еврейского народа, а создававшиеся фашистами гетто — одним из символов античеловеческой идеологии нацизма.

Более 70 тысяч евреев погибли в гетто Вильнюса. Перед вами — записи Григория Шура, одного из его обитателей. День за днем автор описывает жизнь, а точнее, мучения виленских евреев: постоянный страх за себя и родных, издевательства гестаповцев, массовые “чистки”, жуткие условия существования... И все же в книге Г. Шура нет обреченности — даже в самые тяжелые минуты он верил в добро, справедливость, человечность.

ISBN 5–88857–066–4

© Miriam Povimonski-Schur: 2000.

© Utgevirij Jan Mets, Amsterdam: 2000.

© В. Порудоминский, вступление: 2000.

© В.В. Кавторин, послесловие: 2000.

© Издательство «Образование—Культура»
подготовка издания на рус. яз.,
оформление: 2000.

Григорий ШУР

ЕВРЕИ В ВИЛЬНО

хроника 1941–1944 гг.

«ОБРАЗОВАНИЕ – КУЛЬТУРА»

Санкт-Петербург

2000

Посвящаю самоотверженному и благородному человеку, идеальному и дорогому товарищу Гершену МАЛАКЕВИЧУ в знак благоговения, поклонения и удивления перед его жизнью и смертью.

Автор

Гершен Малакевич — друг автора, журналист. В первые дни оккупации он заявил, что не намерен умирать, как собака на живодерне. Г. Малакевич сам отправился в гестапо, высказал там все, что думал о национал-социализме, и был немедленно расстрелян.

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ

ЗНАКОМСТВО ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Перед нами записки Григория Шура, повествующие о жизни и смерти евреев в Виленском гетто. Эта книга относится к числу тех немногих книг о Катастрофе, которые создавались не после нее, а во время, — книга не о происходившем, а о происходящем, не о пережитом, а о переживаемом. Григорий Шур рассказывает о чудовишных “акциях” нацистов, когда эти “акции” еще продолжают. Он подробно сообщает “о способах убийства на Понарах” (место неподалеку от Вильнюса — литовский Бабий Яр), убежденный, что Понары у него впереди. Он заносит в тетрадь, что решен вопрос об окончательной ликвидации гетто и рабочих блоков, свидетельствуя о собственной близкой гибели. Это — бесстрашная книга.

«Ни места, ни бумаги, ни чернил. Писал в страшной тесноте, иногда в клозете, иногда в сарае, когда не имел чернил, то писал карандашом, писал на колене или на подоконнике, почти никогда за столом»... Прибавим: каждая минута, проведенная им с карандашом в руке над сво-

ими листками, будь он застигнут, неумолимо оказалась бы последней в его жизни. Но он — писал...

Всех тетрадей — тридцать девять. Судя по хронологической разрозненности записей, Шур, похоже, вел сразу несколько тетрадей, которые прятал в разных местах, всякий раз заполняя ту, которая оказывалась под рукой.

Рукопись не похожа на дневник, хотя многие записи озаглавлены датами. Нередко датой отмечается не самый день записи, а число, месяц и год, когда произошло то или иное событие, ставшее вехой в жизни тысяч заточенных в гетто виленских евреев, точнее — вехой на их пути к гибели. Нередко под одной датой собраны события, происходившие на протяжении достаточно длительного отрезка времени, — дата фиксирует определенный рубеж в работе автора. Некоторые страницы рукописи являются уже обобщением материала и, совершенно очевидно, представляют собой наброски глав будущей книги, которую, если вдруг останется в живых, предполагал написать Григорий Шур.

Заметки Григория Шура отличаются от дневника еще и тем, что речь почти никогда не ведется от первого лица, местоимение “Я”, неизбежное во всяком дневнике, практически отсутствует (кажется, лишь единственный раз, рассказывая о сошедших с ума детях, чудом уцелевших во время убийства всех близких, он признается, что не чувствовал в себе — Я! — душевных сил, чтобы оставаться с ними). Он не находит места для рассказа о своей судьбе отдельно от судьбы своего народа. Даже в повествовании об уничтожении — “похищении” — последних еврейских детей, после ликвидации гетто еще обитавших в рабочих блоках, он не упоминает о том, что среди “похищенных” был и его тринадцатилетний сын. Утром, когда взрослых выстроили, чтобы вести на работы, и объявили, что всех детей увозят на “медосмотр”, мальчик сумел выбежать из подъезда дома, уже оцепленного полицейскими: “Мамочка, где взять чистую рубашку — нас ведут к врачу...” (Знаю об этом не из рукописи.)

Позиция автора записок, его взгляд на происходящее вокруг, суждения, симпатии и антипатии, самый тон повествования достаточно полно и глубоко открывают нам его личность. Для знакомства же с внешней стороной жизни Григория Шура ограничимся скухими сведениями, содержащимися в письме его дочери Мириам Повимонской-Шур, с помощью отца бежавшей из гетто (ее “одиссея” сама по себе могла бы стать темой книги) и в настоящее время живущей в Израиле (вся работа по подготовке рукописи к печати велась с ее ведома и в полном соответствии с ее пожеланиями). Она сообщает:

«Отец, Григорий (Гирш) Шур, родился в Вильне в 1888 году, в ноябре. Его отец, Арон, был маляром вывесок и имел магазин красок. Отец рос в религиозной семье, до шести лет ходил в хедер*. Потом поступил в русскую коммерческую гимназию, где училось 10% еврейских учеников. Отец успешно окончил гимназию. В юности занимался политикой. Кажется, был членом социал-демократической партии. Был редактором газеты “Одна копейка”. Был арестован и сослан в Астраханскую губернию, в прикаспийские степи. Там он жил среди переселенных в те же степи русских религиозных сектантов, молокан и субботников. В конце 1913 года вернулся в Вильно. В 1914 году, когда немцы оккупировали Вильно, издавал газету на немецком языке; как она называлась, не знаю. После революции он, вроде бы (не знаю точно, отец не хотел об этом вспоминать при поляках, но что-то дошло до меня), короткое время служил в Красной Армии. Поляки его судили, он сидел, с трудом освободился. Получил в наследство от отца магазин красок, потом открыл также магазин электрических товаров. Долгое время сторонился политики. В 30-е годы участвовал в создании партии “Фридланд”. Ее задачей была организация еврейских сельскохозяйственных кооперативов. Я знаю один такой коо-

---

* Комментарии к словам, отмеченным звездочкой, см. на с. 222. — *Прим. ред.*

ператив, который за год или за два до войны 1939 года был ликвидирован как нерентабельный. В 1940 году, после установления советской власти в Литве, отец был редактором газеты “Гудок”. Это была маленькая газета железнодорожного управления. В сентябре 1941 года, когда город был захвачен немецкими войсками, нашу семью, как и всех остальных евреев, загнали в гетто. Позже отца перевели в лагерь (рабочий блок) при меховой фабрике “Кайлис”. Был оформлен электротехником, но работал на сортировке солдатской одежды, разбирал — которая на починку, которая на латы. Меховые вещи доставляли с передовой, реквизировали у местных крестьян, евреям в гетто тоже приказано было сдать все, включая воротники и подкладки от зимних пальто. На складе, в сарае, где работал отец, если не было строгого надзора, он выбирал время писать свои заметки. Случалось, он спешил записать что-то важное и устраивался подальше, в сторонке, за полками, столами, кучами сваленной для переработки меховой одежды; напарник стоял на страже, а над головой раздавались шаги обитавшего на втором этаже эсэсовца Рихтера, беспощадного надсмотрщика и палача, поставленного следить за всеми и за всем в рабочих блоках “Кайлиса” (у эсэсовца была небольшая голова на непомерно длинной красной шее — в разговорах жителей блоков он фигурировал под прозвищем “голошейка”). Иногда отец писал дома, найдя себе местечко в углу многолюдной квартиры. Квартира в гетто состояла из комнаты с окном и маленькой комнаты без окна — кухни. Жили: бабушка Нехама, тети и дяди с детьми — Маня, Давид, Хая с сестрой, Ася, Женя, Соломон, Таня, Мироша, родственники — глухонемая Мария, сестра бабушки, Гинда, Лева, Рая, Ефим, еще Люба Галынская, наша семья — четверо, Комиссаровы — трое, Ольга Поляк, невестка Хаи. Всех вместе — 24 человека. Если бы я умела описать, как дружно мы жили в такой тесноте, это было бы поучительно...»

К этим немногим строкам прибавлю, что в молодости Григорий Шур посетил в Ясной Поляне Льва Толстого,

беседовал с ним и даже получил от него в подарок автограф на большой фотографии с картины Репина “Лев Толстой на пашне” (фотография до войны хранилась в доме Шура), а также упомяну о приятельских отношениях, связывавших Григория Шура с Семеном Ан-ским*, создателем всемирно известной трагедии “Гадибук”. Если интерес к Толстому мог явить себя во вдумчивом, неоднозначном отношении автора записок к людям, к их помыслам и поступкам, которые он наблюдал в экстремальных условиях гетто, то дружба с Ан-ским оказалась важной побудительной причиной самой работы над записками. Слушая рассказы Шура об астраханской ссылке, Ан-ский требовал, чтобы он записал свои впечатления, и серьезно упрекал его, что он не сделал этого. Работая над записками в гетто, Шур часто вспоминал наставления уже покойного друга и говорил, что теперь его уже никто не сможет упрекнуть.

Как видим, внешние контуры жизни и судьбы Григория Шура, в общем, не дают особых оснований вывести его из круга “обыкновенных людей”. Но типическая биография, типические жизненные коллизии не опровергают, а, как раз наоборот, по-своему подтверждают мысль, что каждый живущий на земле человек (каждый из нас) есть, в известном смысле, лицо историческое. Подробности жизни и судьбы “обыкновенного человека” составляют, иллюстрируют, уточняют те, на первый взгляд незначительные, частные пути и события, из которых, в конце концов, складываются события первостепенной важности, направление движения народов и государств — история. Впрочем, сама по себе работа над записками под прицелом смерти, стремление, даже ценой собственной жизни, запечатлеть историю, придает личности Григория Шура безусловную неповторимость.

В книге Шура мы найдем описание массовых убийств и планомерно проводимых “акций” постепенного уничтожения еврейского населения, жестокости, садизма, лицемерия нацистов. Мы, казалось, уже основательно вы-

учили и запомнили все, что касается преступлений немцев, литовских и многих прочих боевиков и добровольцев. Картины Катастрофы, которые открываются на страницах этой книги, множество подробностей, прежде неизвестных, оживляют нашу память, заставляют с новой силой проживать их в мыслях, чувствах и воображении.

Но записки предлагают нам и иные уроки. Самый горький из них — очевидный успех (в Виленском гетто во всяком случае) древней, обращенной к худшим сторонам человеческой души, политики “разделяй и властвуй”. На одном полюсе Катастрофы — собранные убийцами все без исключения евреи с целью их всеобщего уничтожения, на другом — часто — разобшение на краю братской могилы, стремление любой ценой, пусть ценой жизни другого, других, устоять, удержаться на скользком, крутом обрыве.

Пишу это с трудом: желание выжить — один из мощнейших стимулов человеческого поведения, оно к тому же вооружает человека изобретательнейшей способностью самооправдания, особой логикой обоснования своих поступков, — нам ли судить вчерашних смертников?.. Но есть нравственный предел, переступив который, человек обрекает себя на жизнь, утратившую главные человеческие ценности, самый смысл бытия, если не видеть его только в продлении существования, — и это нам из нашего Сегодня, пожалуй, виднее.

Горько читать про еврейских полицейских, старательная жестокость которых была не только покорным исполнением тягостных обязанностей ради собственного спасения, но, в значительной степени, — проникнутым дольствием собой, горделивым самоутверждением, властолюбием, корыстью. Недаром еврейские полицейские выслужили доверие палачей, которые, конечно же, в конце концов, станут и их палачами (какое нужно низменно высокомерное самодольствие, чтобы не сознавать этого!).

В книге, на всем ее пространстве, сталкиваются две идеи и, соответственно, две политики, возможные в эпоху

Катастрофы: героическая и прагматическая. Одни полагали, что лучше умереть в борьбе, чем дать уничтожить себя безнаказанно, с растоптанной душой покорно ожидать смерти. Другим представлялось, что сговором с убийцами, лавированием, уступками удастся уберечь от гибели некоторое число евреев.

Сегодня новое поколение требует у старшего ответа: почему позволяли убивать себя, не сопротивлялись? Исторический опыт молодых несравнимо больше нашего: он включает в себя также историю и опыт Катастрофы. Сегодня вопрос о возможности соглашения с национал-социалистами решался бы, наверно, иначе. В истории еврейского народа есть героическая страница Масады: в I веке н. э. все защитники этой крепости, осажденной римлянами, будучи не в силах далее сопротивляться, убили друг друга, в том числе женщин и детей, или покончили с собой, но не сдались на милость победителей. “Масаду” не объявишь приказом, не начнешь по доброму совету — к ней приходят в единении мысли и чувства. История восстания Варшавского гетто открывает нам, как вызревает дух Масады.

В Вильне были сторонники героического пути, группы сопротивления. Григорий Шур пишет о них немного: чего-то он, конечно, не знает, что-то, можем предположить, не хочет доверять бумаге. Но здесь, в силу обстоятельств, главенствовали прагматики. Не поспешим осудить их, как не спешит с безоговорочным осуждением Григорий Шур. Герои прекрасны (автор неизменно любит себя ими), но всякое их деяние, как оно ни привлекательно, влечет за собой смертный приговор сотням и тысячам остальных, цепляющимся за жизнь и надеющимся на чудо. Нам, с нашим сегодняшним знанием, что все равно все погибли, легче гипотетически решать судьбы этих сотен и тысяч (хотя тех, кто остался в живых благодаря спискам всевозможных Шиндлеров, а затем быстрому наступлению Советской Армии, тоже из памяти не вычеркнешь).

Героизм, без сомнения, вел к многочисленным жертвам,

но он возвышал души. Прагматизм, с его практикой выгадывать жизнь одним за счет других, растлевал души, учил подставлять ближнего под пулю, убеждать палачей в своей верности и необходимости. Прагматики, без сомнения, надеялись, что хоть кому-то даруют жизнь, а не только оттягивают смерть. И все же трудно себе представить, как можно согласовывать с убийцами число завтрашних жертв, определять пригодность того или иного человека к дальнейшей жизни, деловито составлять и передавать палачам списки предназначенных к убийству живущих рядом людей, провожать их на расстрел, еще и доказывая себе и другим, что действуешь с благими, прямо-таки человеколюбивыми целями. Нравственный предел прагматизма нередко опускается до уровня беспредела, соучастия в убийстве. В записках Григория Шура мы постоянно встречаемся с тем, как всякого рода попытки еврейских руководителей гетто уберечь его население от гибели неизменно обрекаются на провал, оставленных сегодня в живых убивают завтра, сами руководители, действующие, может быть, даже из самых благородных побуждений, остаются обманутыми, в глазах же населения гетто нередко оказываются предателями.

Григорий Шур рассказывает, как отряд еврейской полиции, направленный из Вильно в Ошмяны, провел, по приказу гестапо, “чистку” евреев в местечке. Руководители “операции” ставили себе в заслугу, что вместо 1500 человек, которых предполагали уничтожить немцы, по сговору с ними было уничтожено “только” 406. Неужели, сговариваясь, не осознали, не почувствовали, что эти 406 евреев, убитых еврейскими же руками, обращаются в величину бесконечную, никакой статистике неподвластную?.. Неужели 1094 человека, ненадолго оставленные в живых, и впрямь благодарили убийц своих близких?.. Неужели так уж иначе видится нам все из нашего Сегодня?.. Но и того мало. Еврей-полицейские, назначенные в Ошмяны, были распираемы тщеславием “избранничества”, с гордостью нахлобучивали они на головы фуражки

литовских карателей, те самые, которые постоянно внушали ужас им самим. Маленькая подробность: на литовские фуражки им приказано было нацепить значки со Звездой Давида — знак не только их национальной принадлежности, но и их собственной обреченности.

Пока мы тешим себя удачами соглашения (406 смертников вместо 1500) с теми, кто будет нас убивать завтра, пока мы уверяем самих себя в своей нужности завтрашним палачам и — того более — кичимся этой нужностью, мы бессильны перед новой Катастрофой.

Записки Григория Шура еще раз свидетельствуют, что и бездны на краю человек не перестает жить: любить и изменять, тянуться к знаниям и хлопотать о пропитании, мыслить, совершенствоваться, стремиться к обогащению, завидовать, заботиться о ближнем и предавать его, плакать, радоваться. В книге пылают страсти человеческие, но в эпоху Катастрофы, в гетто, этом “государстве в государстве” (как именует его Шур), все население которого выведено на рубеж уничтожения, эти страсти переплавляются в нечто новое, неизмеримо более значимое, обретают мифологическую обобщенность и крупноту. Когда Григорий Шур пишет о порядочности, доброжелательности, самоотвержении, благородстве и о предательстве, алчности, эгоизме, которыми полнится постоянно заряженная смертью повседневность, страницы его записок оборачиваются повествованием о Жизни вообще, о Добре и Зле, Любви и Ненависти, Истине и Лжи. Лишенный всего, что принадлежит человеку по праву рождения и приобретает жизнью, лишенный, по сути, и самой жизни, ибо, не будучи конфискована сегодня, она непременно будет конфискована завтра, автор не утратил способности изумляться творимому вокруг Злу, не перестает негодовать и печалиться и этим помогает нам, читателям его повествования, сохранять надежду на победу Добра в человеке и человечестве.

О том, как важно хранить Надежду, верить в Добро, повествует история самой рукописи Григория Шура.

Григорий Шур с женой и детьми, Мириам и Ароном.
Фотография из коллекции Мириам Повимонской-Шур

Она (Анна) Шимайте, литовская антифашистка, благодаря которой были спасены записки Григория Шура

Может быть, точнее было бы сказать, что не будь рядом с ним воплощенных в людях Надежды и Добра, ему неизмеримо труднее было бы (если бы вообще возможно было) и работать над ней, и, главное, не терять мечты, что она когда-нибудь увидит свет.

В истории книги, которую мы открываем, решающую роль сыграла известная литовская антифашистка Она (Анна) Шимайте. Именно она, своим отношением к работе Григория Шура, как последний долг возложенной им на себя, побуждала смертника ни при каких обстоятельствах не откладывать в сторону пера летописца. Именно она, рискуя собственной жизнью, тайно проникала в гетто, чтобы забрать исписанные листки и тетради и затем спрятать их под полом в библиотеке Вильнюсского университета, где сама работала.

Сведения об Оне Шимайте можно найти в литературе по истории литовского и еврейского сопротивления, но даже одно участие в судьбе записок Григория Шура характеризует ее достаточно глубоко и полно, в особенности если представить себе не только внешние условия, но и общее настроение, среди которого, вопреки которому (!) она действовала. Другая замечательная литовская женщина, доктор Е. Будвидайте-Куторгене, в ее недавно опубликованном дневнике 1941 года с болью и возмущением пишет об охватившем большую часть населения “патриотическом садистском упоении”, — страшные проявления этого “упоения” нам предстоит то и дело встречать на страницах записок Григория Шура.

Приведем, однако, еще несколько строк из письма дочери автора, Мириам Повимонской-Шур:

«С Анной Шимайте отец был знаком как с социал-демократкой еще до революции 1917 года. Затем дороги их надолго разошлись: она оказалась в Литве, а отец в Польше. Они снова встретились только в 1939 году, после присоединения Вильно к Литве. Во время немецкой оккупации Анна Шимайте оказывала большую помощь евреям, в том числе и нашей семье. Больших средств у

нее и у самой не было, но она делилась последним куском хлеба. Имела она всего два платья. Помню, когда хотели дать ей еще одно, она отказалась: “Не надо, а то возникнет проблема, какое надеть. А так — одно я ношу, другое стираю”. Все деньги, которые она зарабатывала, будучи библиотекаршей в Университете, она тратила на продукты, которые приносила и передавала евреям на месте их работ. Много раз она тайными путями приходила в гетто, часто бывала и у нас, в рабочих блоках лагеря “Кайлис”. Для нее это было связано с большим риском. Но отец во многом только благодаря ей вел записки. Он знал, что она спрячет его тетради как надо. Она всячески поддерживала его, чтобы он писал, приносила ему тетради и чернила. Отец, по большей части, писал автоматической ручкой — “вечным пером”, а достать чернила в гетто была задача нелегкая и опасная. Анна Шимайте была связана с подпольной организацией. Она добыла для меня поддельный паспорт на имя польской девушки. Благодаря этому паспорту, убежав из гетто, я сумела продержаться в оккупированном городе. Анна прятала у себя одну еврейскую девочку, которая как-то уцелела во время ликвидации гетто и пришла к ней. Каким образом немцы обнаружили эту девочку — я точно не знаю. Это было весной 1944 года, перед освобождением Вильно. Был слух, что кто-то заметил, что она прячет еврейку. Анну арестовали и вывезли в концлагерь в Германию. В конце войны ее освободили американцы. Она жила немного во Франции, потом в Израиле. Но когда я в 1960 году приехала в Израиль, я ее уже не застала, — она снова перебралась во Францию. Там она умерла. Анна Шимайте была светлая личность. Когда она приходила в гетто или в блоки “Кайлиса”, это был “луч солнца во мраке”».

Тотчас после войны Она Шимайте прислала из Франции письмо в созданный тогда в Вильнюсе Еврейский музей: она указала, где находится тайник, в котором спрятана рукопись Григория Шура (две поднимающиеся доски в

полу университетской библиотеки), — и записки были извлечены на свет.

Еврейский музей появился в Вильнюсе в 1944 году, вскоре после освобождения города. Создан он был, что называется, под горячую руку, без необходимого одобрения высших властей: антисемитская политика сталинского руководства, не всегда замечаемая и понимаемая на местах, “внизу” прорисовывалась уже вполне явственно. До убийства С. Михоэлса, ликвидации Еврейского антифашистского комитета (члены его были арестованы, многие из них впоследствии казнены) оставалось четыре года. С первых шагов сотрудники музея не знали ни сочувствия, ни поддержки “верхов”, едва не всякое их начинание встречало недоброжелательство, порой сопротивление и прямые помехи. Для музея не нашлось подходящего помещения. Горы книг, газет, рукописей, архивных материалов и документов, чудом уцелевших, извлеченных из-под развалин домов, из подвалов недавнего гестапо, найденных на чердаках и в подвалах зданий в районе бывшего гетто, ютились в тесном чулане, лежали на дворе, под открытым небом, уничтожались мышами и непогодой. Но и этого мало: 30 тонн (!) материалов, относящихся к еврейской истории, истории виленских евреев и виленского гетто, власти, вопреки сопротивлению нескольких сотрудников музея и их помощников из числа добровольцев, вообще отправили в качестве макулатуры на бумажную фабрику. В 1949 году, когда Сталин открыто и энергично взялся завершить то, что не довел до конца Гитлер, Еврейский музей был ликвидирован (в начале 1953 года, когда было сострепано провокационное “дело врачей-убийц”, готовилась массовая депортация евреев, я навестил Мириам Повимонскую-Шур: в передней у нее я заметил два небольших, уже наполненных заплечных мешка, приготовленных для себя и для мужа, на случай нового гетто).

Ну разве не чудо, что во всех этих перипетиях ветхие тетради Григория Шура остались живы?..

При ликвидации Еврейского музея все принадлежавшие ему экспонаты раздали другим музеям. Узнать, куда попал тот или иной документ, запечатлевший страницу еврейской истории, в частности истории Катастрофы, и уже по одному этому ставший “ненужным”, того более — “вредным”, стало непросто. Но запискам Григория Шура опять “повезло”: удалось не только узнать, что попали они в Историко-революционный музей, — здесь, в этом музее, у Мириам Повимонской-Шур нашлась знакомая сотрудница, которая взялась (огромный риск!) тайком сделать для нее машинописную их копию. Она потребовала при этом, чтобы ей достали для работы “стороннюю” пишущую машинку: если бы копию обнаружили, шрифт музейной машинки способствовал бы быстрому разоблачению. В ту пору это было непросто: и не купишь, и не у всякого попросишь, и те немногие, у кого есть машинка, неохотно ее дают — опасно! — мало ли что можно на ней напечатать. Наконец, все препятствия были преодолены, и Мириам Повимонская-Шур получила долгожданный текст — “слепой” шрифт на папиросной бумаге. Эту копию она увезла с собой, покидая Советский Союз.

Еврейский музей восстановлен в 1989 году, в эпоху перестройки. В 1994 году Мириам Повимонская-Шур впервые после эмиграции посетила Вильнюс — ныне столицу обретшей самостоятельность Литвы. В музее для нее подготовили ксерокопию тетрадей отца...

Позволю себе сказать несколько слов о своем личном отношении к запискам Григория Шура. Это отношение не исчерпывается мыслями, чувствами, которые, естественно, охватывают человека, когда он узнает новые подробности о Катастрофе, в особенности, если этот человек — современник Катастрофы и, более того, еврей. Оно не исчерпывается тем более ни естественным интересом писателя и историка к уникальному историческому документу, ни увлеченностью редактора необычным текстом, над которым он работает.

С автором этой книги я должен был познакомиться в самый день нападения Германии на Советский Союз — 22 июня 1941 года. Григорий Шур был женат на сестре моего отца. Со своим многочисленным семейством отец расстался накануне Первой мировой войны. Революция в России и дальнейшие события, в результате которых Вильно, в котором родился и вырос отец, где жила его семья, оказался в Польше, затем в Литве, воздвигли между отцом и его родными непреодолимую преграду (опасная пометка в документах: “родственники за границей”). Насильственное присоединение Литвы к Советскому Союзу летом 1940 года сделало возможным долгожданное свидание. Мы списались с родней (до этого несколько лет — годы “большого террора” — страшилось обмениваться письмами), добыли разрешение — для поездки в только что присоединенную Прибалтику требовалось разрешение, купили билет на 20 июня (смысл был в том, чтобы приехать на место в выходной день, воскресенье, 22 июня!) и отправились в милицию получать “пропуск” — нужен был еще и пропуск. Милицейский капитан, притулившийся за своим выдавшим виды, заляпанным чернилами канцелярским столом в углу неярко освещенной комнаты райотдела, между бюстом Сталина на обтянутом красной материей постаменте и тяжелым, защитного цвета, сейфом, повертел в пальцах предъявленные нами бумажки, поднял на нас недовольный взгляд прищуренных глаз, задержал его на лице моего отца, на моем лице (мы собрались ехать вдвоем, у матери отпуск не выпадал на эти числа), в раздумье почесал концом ученической ручки над переносицей, потом быстро обмакнул перо в чернила и писарским, с завитушками почерком вывел на сером шершавом бланке пропуска: “26.06.41”. “Вот так!” — поставил точку капитан, самым тоном пресекая попытки объясняться и возражать. “А билеты?” — только и вывел растерянно законопослушный отец. “Поменяете на вокзале”, — капитан потянул из отцовских пальцев билеты и пристукнул их печаткой, оставляя на кусочках картона лиловые рас-

плывшиея прямоугольники. Уныло сутулясь, без объяснений и возражений (за что дома нам досталось от матери, не любившей оставлять поле боя без единого выстрела), покинули мы райотдел, не ведая, что милицейский капитан, конечно же, сам того тоже не ведавший и действовавший в соответствии с квотой выдаваемых на неделю пропусков или вовсе по случайной прихоти, даровал нам жизнь, спас от участи 76 тысяч виленских евреев, о последнем пути которых повествует Григорий Шур. Полвека спустя читая и перечитывая его записки, я не могу отделаться от мысли, что читаю книгу о моей несостоявшейся судьбе. Впрочем, только ли о моей?..

«Мне кажется, я не успею все переработать, переписать и подготовить к печати. Пусть это сделает тот, кто будет иметь мои черновики, да простит он мне неряшливость, неразборчивость и несистематичность писания. Условия работы были очень ненормальные...»

Обращенные в будущее слова Григория Шура были побуждением и оправданием нашей работы над рукописью, внесенной в нее редакторской правки. В целом мы исходили при этом из того, что “черновики”, каковыми именует Григорий Шур свою рукопись, требуют так называемого “академического” издания, доступного (к тому же более для исследования, нежели для чтения) узкому кругу специалистов, — помыслы же автора, о чем в полный голос свидетельствуют и замысел, и дух, и направленность книги, и предпринятые им первые попытки переработать материал в нечто целое, устремлены к самому широкому кругу читателей, городу и миру, к будущему, — недаром в одной из тетрадей, размышляя о своих записках, он вспоминает Летописца, героя пушкинской трагедии “Борис Годунов”, видевшего свое назначение в том, чтобы поведать потомкам “земли родной минувшую судьбу”.

Весь материал, в соответствии с намерениями самого автора, о чем свидетельствуют некоторые в большей или меньшей степени переработанные им отрывки, выстроен

строго хронологически: начальные записи относятся к последним предвоенным и первым дням войны (июнь 1941 года), последняя рассказывает о событиях конца марта 1944 года. Между тем в бумагах Григория Шура хронологическая последовательность нередко нарушена: это, видимо, связано с тем, что он по разным причинам не имел возможности вести записи в строгой очередности, соответственно сменяя исписанную тетрадь следующей. Но именно шаг за шагом наблюдая происходившее, вполне понимаешь развитие событий, движение человеческих судеб, в полной мере ощущаешь восходящую с каждым днем трагедию Катастрофы.

В тексте рукописи немало стилистических неточностей. Автор, в молодости хорошо знавший русский язык, долгие годы жил не в русскоязычной среде, русский язык и для него самого, и для его ближайшего окружения не был языком постоянного общения. Мы убежденно выправили слог книги, полагая, что язык ее ни в коей мере не должен смущать читателя, препятствовать ему постигать тот потрясающий материал, которым она полнится; в случае же перевода на другие языки, на что мы рассчитываем, правильный слог упростит процесс перевода и уточнит сам перевод.

В тексте, что легко объяснимо условиями его создания, встречаются заведомые повторы и, наоборот, пропуски, неоконченные фразы, незавершенные наброски записей. При редактировании мы в каждом подобном случае старались исходить из логики текста. Вместе с тем из рукописи исключены длинноты, не содержащие каких-либо фактических сведений, не помогающие к тому же и эмоционально освоить материал, — как правило, это повторяющиеся рассуждения на общеполитические темы, и по мысли, и по тому, как она подана, ни в малейшей степени не носящие оригинального характера.

Возможно, что-то из сделанного нами не встретило бы одобрения автора. Но если Григорий Шур просит прощения у “того, кто будет иметь его черновики”, то уж нам

и вовсе не зазорно попросить у него прощения за то, что не всегда, наверно, сумели обойтись с его черновиками сообразно его желанию.

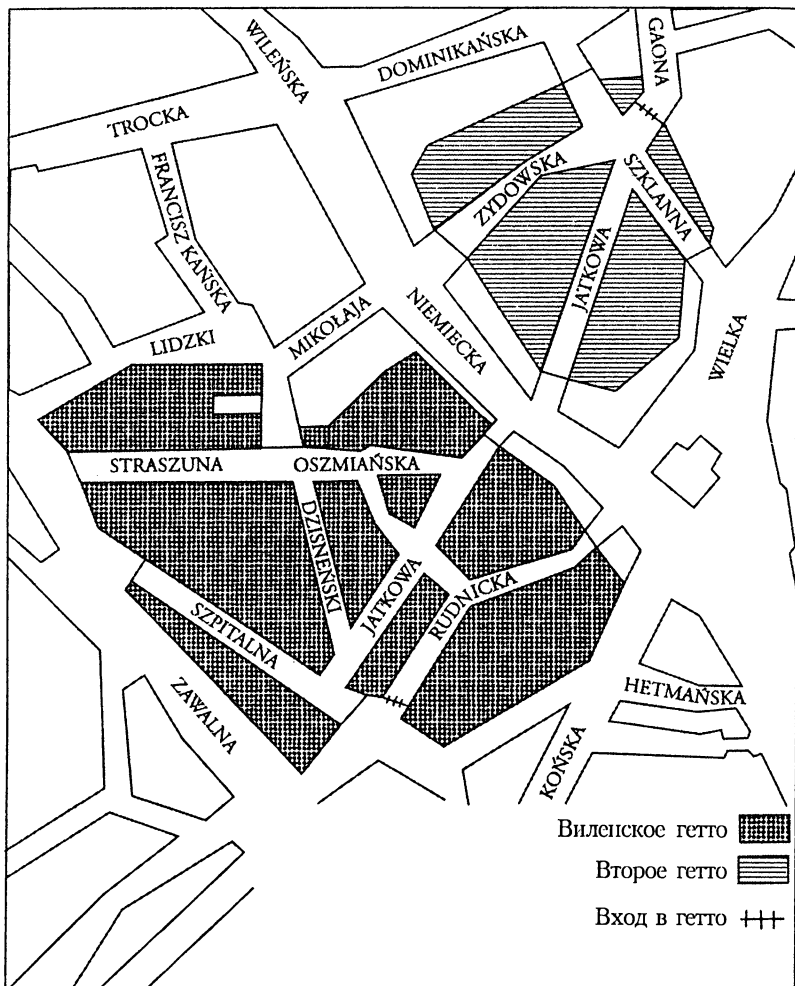
«А если бы я сам смог переработать и подготовить материал, то я был бы счастлив...» Не выпало Григорию Шуру этого счастья.

Говорят, писатель не умирает, пока не закончит книгу. Но когда книга закончена, писатель тем более не умирает. И есть особая — высшая, быть может, — законченность книги, работа над которой оборвана смертью.

Из записок

Григория ШУРА

План Виленского гетто

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА

...Кто мог поверить, что в XX веке, в центре Европы, в стране, где человеческая культура достигла своего полного расцвета, появится расовая теория, найдутся люди, которые во имя осуществления этой теории способны совершать деяния, невозможные, кажется, и во времена дикости. Ложь, демагогия, brutальное насилие, жестокое подавление всякого инакомыслия и расправы над инакомыслящими, густая сеть доносчиков и тайных агентов, повсеместно развязанный кровавый террор помогли национал-социализму деморализовать собственный народ и покоренные народы, вовлечь многие тысячи людей в уничтожение себе подобных и прежде всего — евреев.

События разворачивались повсюду почти одинаково. Пишущему эти строки пришлось пережить их в Литве, бывшей до войны своего рода центром еврейской духовной жизни, ему пришлось оказаться участником многих страшных событий, беседовать со свидетелями того, что

ему не довелось, или, можно сказать, посчастливилось не видеть собственными глазами. Часто казалось, что все уже погребено для евреев, что солнце навсегда скрылось от них, но снова и снова сердца оживлялись надеждой, и пишущий эти строки брался за перо, чтобы в тяжелой, почти невозможной обстановке урывками записывать для будущего происходящее.

Но как рассказать о сплошном ужасе, который никогда не изгладится из памяти переживших его современников, от которого содрогнутся сердца будущих поколений? Самые обширные описания никогда не передадут вполне тех подробностей, из которых складывалась жизнь тысяч людей, изгнанных убийцами из собственных домов, измученных непосильным трудом, голодом, истязаниями и в конце концов расстрелянных и сваленных в огромные общие ямы. Даже если знаешь, что происходило со многими из них в помещениях гетто, на работах, в тюрьме, в лесу, где пуля оборвала их жизнь, как передать лихорадочные переживания, сердцебиение, страх, панику преследуемых, постоянно чувствующих за спиной оружие палача? Как перенести на эти страницы плач детей, крики матерей? Как запечатлеть на них последний взгляд жертвы? И как помочь читателю увидеть лица извергов: немцев-гестаповцев, литовских “активистов”, солдат, издевающихся над своими жертвами, — без этого картина тоже окажется неполной. Чтобы попытаться рассказать “все”, необходим коллективный труд многих свидетелей событий, нужны фотографические снимки, киноленты. Поэтому мы ограничимся лишь описанием некоторых фактов, которые были нам доступны и за достоверность которых мы можем ручаться.

Хотелось бы, чтобы эти факты не остались на страницах холодной, равнодушной истории, но чтобы они огненными буквами врезались в память тех, кто прочитает этот скромный труд, наполнили бы их сердца любовью к невинным жертвам и ненавистью к палачам, вознамерившимся повернуть колесо истории вспять, уничтожить все светлое

и доброе, что успело тысячелетиями создать и накопить человечество. Хотелось бы, чтобы эпоха зла, переживаемая человечеством, не повторилась больше ради претворения в жизнь национальной, расовой или любой иной столь же лживой теории, чтобы навсегда ушла из жизни ненависть человека к человеку, чтобы на измученной, напитавшейся кровью земле торжествовали любовь и братство народов.

ИЮНЬ—ИЮЛЬ 1941 ГОДА. НАЧАЛО

События нагрянули неожиданно и разворачивались с молниеносной быстротой. Ночью с субботы на воскресенье 22 июня 1941 года немецкая армия без объявления войны перешла установленную границу и стремительным маршем двинулась в глубь страны. Выбор дня и часа наступления, надо признать, был очень удачным: советские военные и гражданские служащие проводили канун выходного дня и самый выходной день в беспечных гуляниях, вечеринках, попойках. Начало войны застигло большую часть должностных лиц врасплох.

В подготовке нападения немцев немаловажную роль сыграли местные гитлеровские организации. В прибалтийских странах давно существовала широко разветвленная немецкая шпионская сеть, опиравшаяся на местных сторонников нацистской Германии. Немецкий генштаб был, конечно, детально информирован о военной и гражданской жизни страны, о численности и расположении советских войск и т. д. Местные гитлеровцы за месяцы совет-

ской власти в Литве заняли ответственные посты во многих учреждениях, народных комиссариатах, на фабриках и заводах. Советские руководители, поощряя быстрое повсеместное выдвижение национальных кадров, нередко оказывались излишне доверчивыми и неразборчивыми.

Вместе с тем на настроение населения сильно повлияла депортация огромного числа людей на восток Советского Союза.

За восемь дней до начала военных действий, 13 июня 1941 года, одновременно во всей Прибалтике, в Литве, Латвии и Эстонии, начались, по заранее составленным спискам, массовые аресты и вывоз всех, кто был признан нежелательным для советской власти элементом. Много страха пережило население этих стран. Целую неделю днем и ночью по городам и селам забирали людей и отвозили на железнодорожные станции, где загружали в заранее подготовленные товарные вагоны. Длинные эшелоны, битком набитые высылаемыми, — в одних вагонах женщины с детьми, в других мужчины, — двигались по прибалтийским железным дорогам или часами простаивали на узловых станциях. Вагоны были крест-накрест заколочены досками, из маленького четырехугольного отверстия, вырезанного в нижней части двери, стекали нечистоты. Стояло жаркое лето. Арестованные, набитые в душные вагоны, как скот, изнемогали от тесноты, от жажды, от голода, но солдаты НКВД, охранявшие эшелоны, не подпускали к ним никого, кто желал бы подать высылаемым хлеба, молока или воды. Картина была страшная. Эта депортация привела к тяжелым последствиям для советских войск в начале военных действий, повлияла на поведение местного населения после прихода немцев. Для многих немцы стали действительными или возможными спасителями от грядущей высылки, без всяких усилий они приобрели себе новых друзей, а в скором будущем и ревностных исполнителей предпринимаемых ими акций. Массовый вывоз местного населения был на руку и немецкому командованию: все товарные вагоны, имевшиеся в

Прибалтийском крае, были заняты высылаемыми, узловые станции заперты проезжавшими или стоявшими на путях эшелонами, — в итоге, когда руководству Красной Армии понадобилось срочно перебросить сюда новые силы, не оказалось ни вагонов, ни свободных железнодорожных путей.

Возможность натравливать одну часть населения враждебного государства на другую постоянно используется противоборствующими сторонами перед началом войны; существенное место при этом почти непременно отводится разжиганию антисемитизма. Думается, что известное дело Бейлиса*, нашумевшее незадолго перед началом Первой мировой войны, было сфабриковано не без участия немецкого генштаба. Перед нападением германской армии на Польшу в 1939 году немецкая агентура также организовала активную антисемитскую кампанию. В сейме был, через жену министра Пристера, поднят нелепый вопрос о ритуальном убийстве скота. С помощью польских националистов проводился бойкот еврейских торговых и промышленных предприятий (у входа в еврейские магазины выставлялись специальные пикеты с плакатами: “Свой к своему и по свое!”). Действовавшие в толпе провокаторы подстрекали к избиению евреев на улицах. Антисемитизм был пробужден и в студенческой среде, где дело тоже подчас доходило до рукоприкладства. Наблюдательный человек мог без труда заметить рост антисемитских настроений и в 1941 году в Прибалтике. Несмотря на установление там советской власти, для многих не было секретом существование замаскированных националистических и сочувствующих национал-социализму организаций.

О начале военных действий в Вильне стало известно уже с утра 22 июня 1941 года. Одиночные немецкие солдаты появились под городом около 10 часов утра, но их принимали за красноармейцев, так как накануне объявили, что здесь будут проводиться учения, и подавали пробные сигналы воздушной тревоги. В 11 часов по радио выступал Молотов. Около 12 часов немецкие самолеты начали

бомбить город, а также места отдыха, куда многие жители выехали, чтобы провести выходной день на природе. В городе поднялась тревога. Те, что решили бежать, поспешно готовились к отъезду, некоторые оставляли город немедленно, уезжая на велосипедах или отправляясь на восток пешком.

Вечером 22 июня началась уже серьезная бомбардировка города. Немцы, видимо, хотели уничтожить большой Зеленый мост через реку Вилию и сбросили около 50 бомб; мост остался цел, бомбы повредили окрестные дома и здание газового завода.

На другой день тревога в городе усилилась. На вокзале была уже настоящая суматоха. Множество людей, вчера еще не веривших в серьезность положения, теперь толпились здесь с наспех захваченными вещами, стараясь проникнуть на перрон и попасть в какой-нибудь поезд. Литовские железнодорожники почему-то заперли решетчатую железную дверь, ведущую прямо на перрон; люди, помогая друг другу, бросились перелезть через забор. Увидев это, советские железнодорожники распорядились снова отворить дверь, и толпа повалила прямо на железнодорожные пути, где на пятой линии находился состав более чем из 50 вагонов, без паровоза, а на первой линии маленький состав всего из 6 пассажирских вагонов, одного товарного и паровоза под паром. В большой поезд пускали всех желающих уехать, и он был битком набит, в маленький могли попасть только начальствующие лица по специальным пропускам. Особенно тяжким было положение женщин, жен большевиков: они хотели со своими детьми поскорее пробраться в поезд, чтобы уехать отсюда, но никто не обращал на них внимания, не помогал им. Неожиданно над вокзалом показался одиночный немецкий самолет. Люди в страхе попрятались в подземные туннели, по которым в обычное время проходили с перронов в здание вокзала. Находящиеся тут советские военные стали обстреливать самолет из ружей и револьверов. Но самолет был высоко, описав несколько кругов над террито-

рией станции и не бросив ни одной бомбы, он улетел в направлении Ковно. По перрону расхаживали литовские и советские железнодорожники, а также группа членов городского исполнительного комитета. Литовские железнодорожники всячески задерживали отправление поездов. Наконец подали паровоз под большой состав, и поезд был отправлен. Следом отошел и маленький состав с последними советскими властями.

К вечеру небо над городом осветилось сброшенными на парашютах ракетами, немецкие самолеты бомбили жилые дома в центре города и на окраинах. Советских войск в городе почти не было. Они вместе с подразделениями литовской армии еще месяцем-другим раньше выехали в летние лагеря. Отдельные советские военные грузовики мчались через город, удирая без оглядки. В некоторых местах литовцы устроили засады и ночью обстреливали проезжавшие советские автомашины. Значительная группа литовских солдат вместе с литовскими добровольцами укрылась в садике францисканской церкви на Троцкой улице, где находились небольшие литовские казармы, ночью они обстреливали каждый следовавший мимо советский грузовик. Такую же засаду литовские добровольцы и солдаты устроили на Замковой горе еще днем, но легкий советский танк поднялся туда и расстрелял засевшую группу.

Во вторник 24 июня, на рассвете, в город вошли первые немецкие части. За ними следовали мотоциклы, вооруженные пулеметами, по три солдата на каждом. А затем несколько дней и ночей безостановочно, как стальная лавина, катилась через город немецкая армия. Пехота почти вся на автомашинах, большое количество моторизованной артиллерии на гусеничных лентах, с каждой частью следовало значительное число зенитных орудий, приготовленных к стрельбе на ходу. Кавалерии и больших танков было сравнительно мало.

С появлением в городе первых немецких частей так называемые литовские “активисты”, многие из которых

при советской власти занимали значительные должности, начали охоту на большевиков и евреев. “Активисты” оказались хорошо вооружены, на рукаве они носили повязку со свастикой: На улицах города, на вокзале они избивали, арестовывали всех, кого им вздумалось, некоторых задержанных без суда и следствия расстреливали. Кое-кто из местного населения сейчас же использовал ситуацию в целях личной наживы: начались грабежи в квартирах, где жили евреи, у них отнимали деньги, искали золото, драгоценности.

С самого утра 24 июня в садике францисканской церкви на Трокской улице (там, где ночью литовские “активисты” и солдаты устроили засаду) начались расстрелы задержанных на улице или приведенных по доносам евреев и советских военных. Первой доставили сюда молодую еврейскую девушку. По-видимому, она шла на службу, не подозревая об опасности. Ее подвели под установленный в саду пулемет и тут же застрелили. Затем привели группу советских солдат, человек пятнадцать. Их поставили в ряд с поднятыми вверх руками, наскоро обыскали, вынули из карманов какие-то бумаги и одного за другим подвели под пулемет. Подпрыгивая как-то странно, бочком, они падали, пронзенные пулями, как подрезанные колосья. Вскоре точно так же были убиты несколько командиров Красной Армии: они, по-видимому, заблудились и спросили дорогу у литовцев, стоявших возле костела св. Николая. Эти литовцы, оказавшиеся “активистами”, охотно взялись услужить им, но вместо того, чтобы вывести их из города, предательски проводили под пулемет, все в тот же садик францисканской церкви. Один за другим оказывались здесь схваченные где-то евреи; над ними долго издевались, били по лицу, отнимали у них все, что они имели, и потом уже расстреливали.

За считанные часы в церковном саду было убито несколько десятков человек. Тела лежали на земле, убирать их не разрешали. День выдался очень жаркий. Вскоре над садом начал подниматься тяжелый трупный запах.

Приехали городские пожарные и полили водой начавшие уже разлагаться трупы. Весь день приходили посмотреть на убитых, как на привлекательное зрелище, празднично одетые люди, преимущественно литовские и польские женщины. “Публика” всячески выражала свое удовольствие, все наперебой ругали большевиков и евреев. Только к вечеру тела расстрелянных были убраны и вывезены за город.

Те, кто в воскресенье и в понедельник, 22 и 23 июня, ушли из города пешком, отправились на велосипедах и на подводах, добрались только до г. Радошкович. Здесь же, у бывшей советской границы, были задержаны и те, кто выехали поездом. В дороге их несколько раз настигали немецкие самолеты. Люди выбегали из вагонов, прятались в траве, во ржи, в придорожных канавах и кустах, но немецкие летчики, пролетая низко над землей, расстреливали их из пулеметов, бросали бомбы на состав и на укрывавшихся вокруг него людей. Многие нашли смерть на этом недолгом пути.

И как велико было горе беженцев, все же достигших бывшей советской границы: здесь встретили их войска НКВД, имевшие приказ стрелять по каждому, кто попытается перейти границу. Исключение делалось для лиц, обладавших специальным пропуском, и для членов коммунистической партии при предъявлении ими партбилета.

Таковых оказалось очень немного, тем более что в день начала войны, в воскресенье, учреждения были закрыты и получить пропуск было негде, а в понедельник в городе царили уже суматоха и паника. Основная масса беженцев должна была повернуть обратно. Это означало идти прямо в руки к немцам, уже захватившим все оставленное позади пространство. Несуразный запрет перехода границы для беженцев, равно как и вывоз большей части местного населения перед началом военных действий, должны бы стать предметом особого расследования после войны: оба эти “мероприятия” повлекли за собой слишком много дорогих жертв.

Измученные, с опухшими ногами, порастеряв большую часть и без того немногих взятых с собой вещей, притащились беженцы несколько дней спустя назад в Вильно. Некоторые задержались по дороге в небольших городках и деревнях, по той или иной причине не имея возможности возвратиться на прежнее место своего жительства. Немало пережив за эти дни, они и представить себе не могли, какие муки, какие страдания ждут их еще впереди.

Евреи знали, что на захваченной немецкой армией территории положение их будет тяжелым, но никто не допускал и мысли, что большинству из них вообще не суждено остаться в живых. Казалось, что после первых тревожных, переходных дней все как-то войдет в свою колею, мирные жители будут жить своей обычной жизнью, быть может, бедной, трудной жизнью, но во всяком случае — будут жить.

Но уже в приказе № 1 первого военного коменданта г. Вильно фон Остмана (под приказом стояла также подпись председателя Виленского городского комитета Ст. Жакевичуса) о введении в городе военного положения, в последнем 10-м параграфе говорилось, что гарантией исполнения приказа будут 60 заложников-евреев и 20 поляков. В самый короткий срок представители немецких властей проехали на легковых машинах по городу и, на основании составленного ими списка, отобрали заложников. Неизвестно, как выполнялся приказ № 1, но никто из 60 увезенных в тюрьму заложников-евреев назад не вернулся...

Фронт быстро двигался вперед, за ним точно установленными этапами следовали и военные власти, поначалу военный комендант сменялся в городе каждые десять дней. Всякий новый комендант успевал издать свои приказы населению, нередко отменяя или изменяя приказы предыдущего. Первый военный комендант фон Остман 3 июля 1941 года издал приказ, согласно которому все евреи мужского и женского пола, без различия возраста, с 8 июля нашили на верхнее платье, спереди и сзади, на груди и на

спине, с левой стороны кружки желтой материи, размером в диаметре 10 сантиметров, с буквой “J” (“Jude”) посередине. Образец этого знака был вывешен во всех полицейских участках. Некоторые евреи за неимением желтой материи сделали этот отличительный знак из куска белого полотна, окаймив его желтой краской или лентой. И хотя евреи знали, что в Германии уже давно введены позорные знаки, многие горько плакали, нашивая эти желтые кружки на одежду своим домочадцам, в особенности детям. Этим же приказом фон Остман запретил евреям ходить по улицам с 18 часов до 6 часов утра. Нарушение этого запрета каралось смертью. Новый комендант Цепфениг отменил желтые знаки на спине и на груди. Взамен он приказал носить на правом рукаве белую повязку с желтой звездой Сиона или квадратной “латой” с буквой “J” посередине. Даже такая мелочь, как повязка взамен нашивки на груди, уменьшила боль от поругания человеческого достоинства и подарила евреям надежду на улучшение их положения в будущем.

В своем приказе г. Цепфениг определял, кто является евреем: «Евреем является тот, у кого деда и бабушки в трех поколениях были чистокровными евреями. Евреем считается также тот, у кого оба деда и обе бабушки были евреями. Евреем считается также тот, кто: а) 22 июня 1941 г. исповедовал еврейскую религию, б) во время объявления этого приказа был повенчан с евреем».

День за днем евреи получали все новые жестокие уроки, убеждавшие их в том, что они не являются больше такими же людьми, как остальные. Так как с самого начала войны возникли сложности с продуктами, возле магазинов, хлебопекарен, лавок выстраивались длинные очереди. Сначала евреи стояли здесь вместе с другими горожанами. Но скоро литовцы и поляки начали с руганью выбрасывать их из очередей: “Жид!”, “Коммунист!”, “Иди за хлебом к Сталину!”, ругательства нередко сопровождались побоями. С 5 июля евреям было разрешено покупать продукты только в специальных магазинах. Для этой цели

отвели 30 лавок и 10 хлебопекарен. Во всех остальных торговых точках города евреям уже ничего не продавали. Были определены также часы торговли для евреев: всего два часа в день, с 16 до 18 часов, когда товара в магазинах, как правило, уже почти не оставалось. Было запрещено ритуальное убийство скота, в результате чего оказалось невозможным получить кошерное мясо*.

Зловещим сигналом было массовое увольнение евреев с работы. Лишь кое-где на предприятиях некоторое время разрешили держать специалистов, без которых нельзя было обойтись, с тем, чтобы они в кратчайший срок передали свой опыт и открыли “тайны производства” тем, кто пришел им на смену. Теперь большинство евреев осталось без средств к существованию.

Печальной была картина изгнания маленьких еврейских детей-сирот из приюта. Этот приют заменял круглым сиротам родительский дом: здесь они жили, учились, развлекались. Теперь детей выбросили на улицу, на произвол судьбы. В одном из доносов, послуживших основанием для закрытия приюта, указывалось, что маленькие “преступники” при советской власти пели советские песни. И вот теперь приют закрыт. Небольшими группами и в одиночку, с узелками в руках, бродили дети по улицам, спрашивая встречных, куда им идти. Но кто отворит дверь сироте, когда весь город точно замер в страхе. Евреи забились, как мыши, в свои норы, никто не выходил из дома, боясь быть пойманным и застреленным. Только темные элементы торжествуют, снуют по еврейским кварталам, грабят, доносят, разными способами мстят за какие-то неведомые обиды своим прежним товарищам, вынуждают их платить выкуп деньгами или вещами. Едва детишек выгнали из приюта, окрестные жители расхитили запасы провианта, приготовленного для детей.

У евреев, как, впрочем, и у остальных горожан, были конфискованы все средства передвижения — автомашины, мотоциклы, велосипеды (мужские). Радиоаппаратура конфисковывалась прежде всего у еврейского населе-

ния. Литовские “активисты” ходили по квартирам, получив на почте списки зарегистрированных радиоприемников, и приказывали самим владельцам относить их в полицейское управление на Доминиканской улице № 3. Часто туда отправлялись женщины: мужчины боялись, что из полиции домой их уже не выпустят. Вскоре у евреев были сняты телефоны.

Евреям было запрещено лечиться у врачей-неевреев и в общих больницах. Для них предназначили больницу № 2 на Завальной улице, которая должна была содержаться на средства еврейской общины. В эту больницу перевезли всех евреев-больных из остальных больниц и госпиталей города. Врачам-евреям запретили лечить лиц нееврейского происхождения и уволили их из всех лечебных учреждений.

Особый приказ не разрешал евреям здороваться с неевреями.

Важной заботой немецких властей стала конфискация еврейского имущества. При советской власти промышленные предприятия и крупные магазины, принадлежавшие прежде евреям (как и все прочие, конечно), были национализированы. В руки немцев попали небольшие еврейские лавки и мастерские, оставленные при советской власти в собственности их прежних владельцев, но приказано было свозить на специально назначенные склады также еврейское имущество, национализированное советским руководством. Эту работу возглавили литовцы, бывшие директора национализированных заводов, фабрик, магазинов, в большинстве назначенные еще при советской власти. Значительная часть оборудования и товаров была расхищена, распродана и припрятана. Одновременно в газете “Новая Литва” от 5 июля 1941 года была напечатана статья, в которой виновниками хищений объявлялись евреи, бывшие владельцы имущества, и содержался призыв произвести массовые обыски в квартирах евреев, в подвалах и на чердаках заселенных ими домов. Управляющие домами, которыми были назначены исключительно

литовцы, вместе с добровольными помощниками, получившими в народе название “хапунов” (с таким же рвением “хапали” они и самих евреев), самовольно проводили такие обыски и наживались, не брезгуя ничем. Немало перепадало и дворникам, которым был дан строгий приказ следить за евреями-жильцами с тем, чтобы никто из них не передавал и не продавал каких-либо вещей. Позже о награбленном еврейском имуществе напоминали своеобразные объявления в литовских и польских газетах, вроде: “Меняю различные докторские инструменты на дрова” или “Меняю рояль на токарный станок”.

С 21 июля евреям запретили обменивать квартиры, а также перевозить или переносить на другое место домашнее имущество. Дело в том, что некоторые евреи, предполагая, что скоро будут переселены в гетто, отдали кое-что из своих вещей на сохранение знакомым неевреям. Немцы посчитали, что слишком много еврейского имущества уплывает из их рук, и строжайшим постановлением — под угрозой сурового наказания — потребовали его регистрации. Проводить ее должны были как сами владельцы, так и лица, взявшие что-либо из имущества на хранение. Управляющие домами подробно описывали все вещи в еврейских квартирах — мебель, одежду, посуду, утварь и проч., дворники пресекали всякую попытку жильцов-евреев вынести что-либо из дома. Охотников сообщать немецким властям о переданных им на хранение евреями вещах нашлось, конечно, немного: большинство сочло за лучшее просто их присвоить. Чтобы показать, что означают слова постановления о “суровом наказании”, немецкие власти повесили в Пушкинском саду на Кафедральной площади человека, признанного виновным в сокрытии от регистрации взятого им еврейского имущества. О его вине сообщала надпись на доске, прикрепленной у него на груди. Человек этот, несмотря на летнюю пору одетый в теплое пальто с меховым воротником, в шляпке-котелке, с желтым, как воск, лицом, висел на ветке дерева и производил страшное впечатление.

АВГУСТ—ОКТЯБРЬ 1941 ГОДА.

ПОСЛЕ ПРОВОКАЦИИ: ДВА ГЕТТО

В августе немецкие власти предложили еврейской общине г. Вильно выплатить контрибуцию в размере 5 миллионов рублей. За выплату этой суммы в течение 24 часов руководители общины отвечали головой. Выполнить это требование, конечно, было невозможно: жители города были ограблены, многие уже вывезены, евреи были ограничены в общении с остальным населением, в передвижении по улицам, в распоряжении собственным имуществом. После переговоров немцы согласились продлить срок выплаты на несколько дней. Руководители общины в панике обратились к евреям с просьбой пожертвовать для контрибуции всем, чем только возможно. Сперва принимали только деньги, потом также изделия из золота и серебра, меха, меховую и кожаную одежду. Немцы, руководившие этой акцией, старательно все взвешивали, оценивали, переводили на рубли. Здесь члены общины впервые увидели г. Мурера, ведавшего в виленском гестапо всем, что касалось евреев. Когда доктор Выготский попросил продлить

срок выплаты контрибуции еще на три дня, Мурер закричал: “Проклятый старый еврей!” — и приказал ему замолчать. Тогда заговорила доктор Холемова, но гестаповец встретил и ее слова такими же проклятиями. Еще несколько дней сверх установленного срока евреи продолжали приносить деньги и ценные вещи. Собрать удалось что-то около двух миллионов. Кое-кто наивно полагал, что контрибуция спасет евреям жизнь, тогда как это была лишь очередная мера “психологического воздействия”. Мурер потребовал, чтобы из членов общины, занятых поисками средств для выплаты контрибуции, осталось только десять мужчин. Все они, за исключением одного, были арестованы и вывезены неизвестно куда.

В воскресенье 31 августа произошло событие, получившее среди евреев название “провокация”. В этот день два литовских “партизана”, одетых в штатское, зашли в одну из квартир дома № 29 на углу улиц Стекло́нной и Большо́й — в квартире жил старик-христианин — и сделали из окна два выстрела. Было два часа дня, выходной день, под окном у входа в кинотеатр “Пан” (“Ударник”) стояло много немецких солдат. “Партизаны” выбежали на улицу и стали кричать, что стреляли живущие в доме евреи. Вместе с немецкими солдатами они ворвались в квартиру, где в самом деле жили евреи, там находилось два человека из числа жильцов, их вытащили на улицу, нещадно избили и расстреляли на месте. Это послужило сигналом к погрому и очистке района, предназначенного, как вскоре выяснилось, для гетто № 2.

“Акция” началась в два часа дня в воскресенье и продолжалась до полудня понедельника. Всю ночь литовские “активисты” и “партизаны” выгоняли на улицу, избивая прикладами и не позволяя брать с собой ничего из вещей, жителей улиц Стекло́нной, Ятковой, Гаона, Еврейской, части Немецко́й улицы, Страшуна, Шавельской, Госпита́льной, а также Николаевского, Лидского, Доминиканского переулков. Выгоняли всех — стариков, больных, детей, женщин с грудными малышами на руках. Многим не дава-

ли одеться, и они оказались на улице в одном белье. Квартиры оставались открытыми на расхищение желающим. Этот район был сотни лет населен еврейской беднотой — ремесленниками, мелкими торговцами. Но литовские “партизаны” и горожане расхватывали все до последней нитки, даже кухонную посуду, горшки, щетки. Часть взятых людей погнали в тюрьму, других отправили сразу на Понары*, — здесь, неподалеку от города, было выбрано место для расстрела виленских евреев. Тех, кто оказался в тюрьме, зверски избивали, загоняли им ножи в спину, а оставшихся в живых через несколько дней тоже отправили на Понары — мужчин повели пешком, женщин, детей и тех, кто не мог идти сам, увезли на грузовиках.

Лишь немногие были освобождены из тюрьмы, находившейся тогда в руках литовских “партизан”. Это удалось благодаря вмешательству представителей вермахта, требовавших отпустить евреев-специалистов, к тому времени уже работавших в немецких учреждениях. Надо отдать справедливость некоторым немецким военным, не только добивавшимся освобождения своих работников, но и, по их просьбе, пополнявшим списки именами посторонних людей, которые таким образом были также спасены от немедленной гибели. Все остальные, арестованные в ночь “провокации”, — это были тысячи евреев — стали первыми, кого увели на Понары.

Через семь дней после “провокации”, 6 сентября 1941 года, началось напомнившее о самых мрачных днях Средневековья переселение евреев в гетто*. В других городах Прибалтики на это давали две недели, даже около месяца, но, как сообщила заметка в немецкой газете, в Вильно литовские пособники нацистов взялись осуществить мероприятие за 24 часа.

Первоначально было создано два гетто: № 1, территория которого вобрала часть Рудницкой улицы, Диспенскую, Мясную, Госпитальную, улицу Страшуна и позже часть Лидского переуллка, и № 2, занимавшее часть улицы Антокольского, Еврейскую, Стекланную улицы и улицу

Гаона. Гетто № 1 имело ворота на Рудницкую улицу, гетто № 2 — на улицу Гаона.

Сгоняя евреев в гетто, исполнители действовали по собственному произволу. Многих вместо гетто они доставляли в тюрьму, откуда почти никто уже не выходил живым, других вели в 1-е гетто (район Рудницкой улицы) или во 2-е (район Еврейской). Случалось, из одного дома, из одной семьи “активисты” отправляли кого-то в тюрьму, кого-то в гетто. Иногда это зависело от возможностей и сообразительности схваченных евреев, которые, вручив конвоирам деньги или припрятанные дорогие вещи, избегали губительной тюрьмы. Тюремные камеры были переполнены, особенно женские, там царила такая невероятная давка и неразбериха, что иной раз человека, которого немецкие власти приказывали выпустить, просто нельзя было найти. Специалистам, освобожденным для работы в немецких учреждениях, не удавалось отыскать в набитых до отказа камерах своих жен и детей.

Население 1-го гетто в начале сентября 1941 года составляло приблизительно 29 тысяч человек, 2-го гетто — 9 тысяч (к началу войны в Вильно проживало свыше 70 тысяч евреев).

Оба гетто были переполнены, как муравейники. Ежедневно на рассвете большинство их обитателей отправлялось на работу — на фабрики, на стройки, в немецкие части. Тяжело приходилось тем, кто работал на торфяниках, на прокладке железнодорожных путей и шоссе, грузчиками на складах. На работу шли колоннами, как солдаты, по правой стороне мостовой. Все работающие имели свидетельства белого цвета, первым словом в которых было: “Дер Юде” или “Ди юдин” — “еврей” или “еврейка”. Далее значилось: такой-то или такая-то работает там-то в качестве (указана специальность) и не может без разрешения полевой, военной или местной комендатуры использоваться на других работах. Свидетельство предъявляется вместе с удостоверением личности и действительно до такого-то срока, по истечении которого должно быть

schen hatten wir aber schon die ersten notwendigen Aufgaben ange-

fasst.

des G
hatte
reichs
Angeh
des S

„Da musste zunächst einmal der jüdisch-parasitäre Einfluss, der sich überall in Wirtschaft, Verwaltung und Kultur breitmachte, beseitigt werden. Wir schafften die schwarzen Brüder ins Ghetto, sie durften die Bürgersteige nicht mehr benutzen. Fahrzeuge standen ihnen nicht mehr zur Verfügung. Sie wurden kalt gestellt. So haben wir an einem Tage 65 000 Juden ins Ghetto — das ist das auch schon früher zumeist von Juden bewohnte Viertel — gesteckt. Das ging alles über Nacht. Gleichzeitig war eine Maurerkolonne am Werk, die die Ausgänge aus dem Viertel vermauerte. Als am nächsten Morgen die schwarzen Kaftane sich die Augen wischten, werden sie wohl erstaunt festgestellt haben, dass für sie die Welt mit Brettern vernagelt war.“

bände
zu ei
Der A
fühl
und c
zufüh

In
sprach
Aufga
die
Krieg
Deuts
len

Situat
er und
die St
troffe
ungeh
niema
von
werd

an de
und
Natic
Bolsc
der

von c

Reinigung der Verwaltung

... es kaum glauben, wie

“M.II.” (немецкая газета, о которой рассказывается на с. 96-97) через год после реальной даты с гордостью сообщила о создании гетто. Эта газетная вырезка была найдена среди тетрадок автора

Допрос у ворот гетто

возвращено выдавшему его учреждению. Люди, имевшие рабочие свидетельства, чувствовали себя спокойнее при налетах “активистов”. Хотя случалось, что, проверяя документы на улице, “активист” преспокойно разрывал свидетельство и уводил не понравившегося ему чем-то человека в тюрьму.

Некоторое время в городе находились прибывшие из Германии рабочие команды РАД (Рейхсарбейтсдинст). Это были по преимуществу молодые немцы, призванные для выполнения разного рода трудовых обязанностей, но, в действительности, их одновременно обучали по сокращенному курсу военному делу и затем отправляли на фронт. Эти молодые солдаты всячески издевались над рабочими из гетто — заставляли, например, всякий раз при встрече с ними снимать шапку, отходить далеко в сторону с их пути, — того, кто зазевался, били по лицу, избивали хлыстами, палками. Да и сама работа, которую они поручали евреям, нередко больше походила на издевательство. Мужчин заставляли, например, взбегать с деревянными колодами на плечах вверх на гору, — того, кто падал, избивали хлыстами; женщинам приказывали собирать руками лошадиный навоз, запрягали их в телеги и перевозили таким образом строительные материалы. Если женщинам предлагали убирать казарменные дворы, то им не давали метел, и они выполняли это сорванными с деревьев ветками или голыми руками; если им приказывали мыть полы, окна и двери в казармах, то не давали тряпок, и они должны были пользоваться снятыми с себя платьями. Люди терпели любые истязания “радистов”, как называли немцев из РАД, и всех остальных поставленных над ними начальников, потому что всего более боялись потерять рабочие свидетельства, а с ними право на жизнь.

Когда была намечена новая ликвидация большой группы евреев, у многих начали отбирать их белые рабочие свидетельства, так называемые “шайны”, под тем предлогом, что на работах могут оставаться люди лишь определенных, особо нужных профессий. Тем, у кого отобрали

их свидетельства, было уже запрещено выходить из гетто, а так как с 10 октября особым распоряжением на территорию гетто запретили вносить какие-либо продукты, положение этих людей и их семей становилось безысходным.

Новые “шайны” получила только половина прежнего числа рабочих. Эти свидетельства были тоже белого цвета, но с красной печатью “специалист” (“фахарбейтер”); кроме того, на них имелась печать Биржи Труда (“Арbeitsamt-Vilno”) со свастикой. Стало известно, что получившие новые свидетельства будут помещены в 1-е гетто, тогда как остальные — во 2-е, из чего можно было заключить, что 2-е гетто будет уничтожено.

15 сентября из 1-го гетто было уведено 1200 человек, вечером Судного дня, 1 октября, — еще 2300 человек. Ночью с 3 на 4 октября из 2-го гетто было уведено 2000 человек, 16-го — 3000 человек, пятью днями позже — 1300 человек (с ними 60 парализованных и умственно больных). Тем самым 2-е гетто прекратило существование. С этого времени в Вильно существует только одно гетто.

ОКТАБРЬ 1941 ГОДА. “ЧИСТКИ”

Обыкновенно “чистка” проводилась следующим образом. Ночью неожиданно все население гетто будили силами еврейских полицейских. Следовал приказ немедленно идти в Еврейский Совет (“Юденрат”), созданный с первых дней существования гетто, для регистрации своих “шайнов” — рабочих свидетельств. Офицеры гестапо проверяли рабочие свидетельства, обладателей таковых выпускали с семьями, и они уходили на места работы. После ухода этих счастливых в гетто впускались литовские солдаты, полицейские и тайные агенты, и они делали там свое страшное дело. На их усмотрение было оставлено все: и жизнь, и состояние несчастных людей. Ворвавшись в гетто, литовские исполнители, как хищные звери, набрасывались на свои жертвы, грабили, избивали и уводили с собой.

Выведенных из квартир, а также из обнаруженных потаенных мест (“малин”), несчастных людей на улице окружали литовские солдаты и с криками, избивая прикладами

ружей, уводили иногда в тюрьму, а иногда прямо на Понары, на расстрел. Из тюрьмы удавалось кое-кого спасти благодаря связям, то есть деньгам, переданным через ловких дельцов или представителей военных частей, под началом которых работал арестованный, но по большей части люди, попавшие во время “чистки” в тюрьму, шли оттуда на Понары.

Картина разорения, грабежа и погрома после ухода исполнителей и увода жертв была поистине страшная: поломанная мебель, разрезанные подушки и мягкие вещи, разбитые стены, разваленные печи, разобранные полы и потолки, разодранные чемоданы со взломанными замками — все вещи перерыты, разбросаны на полу, съестные припасы рассыпаны и разлиты по квартирам и дворам. Нередко вещи и съестные припасы уведенных на расстрел забирали еврейские полицейские, так как они оставались тут полными хозяевами.

“Чистки” проводились обычно по субботам или в еврейские праздники...

Особенно кошмарной оказалась “чистка”, приуроченная к важнейшему годовичному празднику — Судному Дню. Этот день, 1 октября 1941 года, все набожные, в первую очередь старшее население гетто, а также многие из молодых, душевно измученных событиями последних месяцев, провели, как принято, в молитвах, соблюдая строжайший пост. Вечером же, когда старики возвратились домой после молитвы, а молодые с работ, на которые были назначены, неожиданно нагрянули гестаповцы и литовские “партизаны”. От Еврейского Совета, полицейских, управдомов немедленно потребовали ломы, топоры и свечи. Немецкие солдаты и литовцы, проводившие акцию, начали вскрывать подвалы, склады, чердаки, стараясь побывать всюду, где могли спрятаться перепуганные люди. Надо сказать, что к этому времени жители гетто, не имевшие нужных рабочих свидетельств, стали прятаться в так называемых “малинах”, специально оборудованных в погребах, чуланах, на чердаках, иногда в жилых комнатах, коридо-

рах, часть которых отгораживалась мебелью, фальшивыми стенами, маскировалась.

Мы уже говорили, что из числа многих, первоначально обладавших “белыми шайнами”, отобрали лишь некоторых, кому заменили эти “белые шайны” на “фахарбейтсаусвейзе”, свидетельства специалистов. Но, видно, и это число “белых шайнов” с печатью “специалист” было слишком велико. Поэтому немцы ввели новые, так называемые “желтые шайны”. Эти “шайны” были введены 15 октября 1941 года и строго ограничены числом 3000 (три тысячи) — и ни за какие блага нельзя было получить больше. О том, что будет введено это строго ограниченное число “желтых шайнов”, с ужасом и страхом говорили еще раньше. Удивительно, что вообще обо всех бедах и несчастьях люди узнавали заблаговременно и старались принять возможные меры для спасения, но обычно такие меры не приносили успеха. И на этот раз сделать что-нибудь существенное для увеличения общего числа “желтых шайнов” было очень трудно.

“Шайны” выдавала немецкая Биржа Труда (“Арбейтс-амт”, позже переименованная в “Социаламт”), и там велась строгая регистрация их обладателей. На практике дело с выдачей “желтых шайнов” обставило так. Каждое немецкое учреждение, имевшее еврейских рабочих и работниц, получало очень ограниченное число желтых рабочих свидетельств (меховое предприятие “Кайлис” получило 1200 “шайнов”) и должно было в силу этого произвести сильное сокращение числа своих рабочих. Также Еврейский Совет имел определенное количество “желтых шайнов”, распределявшихся среди специалистов на основании диплома или показания двух свидетелей. Тут открылось широкое поле для несправедливостей и спекуляций. Очень часто случалось, что действительно квалифицированные специалисты-рабочие оказывались обойденными и выброшенными за борт, а неспециалисты разными способами и уловками, главным образом за деньги, получали эти драгоценные “желтые шайны”. При этом

было обделано много темных делишек, в результате которых те, кто не получил “желтых шайнов”, поплатились жизнью. Потом оказалось, что эти “шайны” равноценны жизни, так как при дальнейших “чистках” именно желтое рабочее свидетельство спасало людей от расстрела. Уже когда вводили эти “желтые шайны”, шли разговоры, что они будут иметь какое-то особое значение для их обладателей, но никто не мог предположить, что цена их будет так высока, какой оказалась на самом деле.

Когда осенью 1941 года немецкие и литовские учреждения раздавали избранным рабочим “желтые шайны”, некоторые не придавали им должного значения, то есть не использовали всех возможностей, чтобы получить такое свидетельство. Вначале “желтый шайн” можно было купить (курс постоянно возрастал — от 15 до 80 тысяч рублей за свидетельство), но спустя какое-то время эти “шайны” уже ни за какие деньги получить было нельзя.

После раздачи строго ограниченного числа “желтых шайнов” были произведены большие “чистки” 23 и 31 октября 1941 года. Несколько “чисток” было уже и до этих, особенно больших, устроенных вслед за введением “желтых шайнов”, и каждый раз они следовали за учреждением новых образцов свидетельств. После выдачи первых “белых шайнов” (еще без пометки “специалист”) хватали людей из квартир днем и ночью — тогда брали тех, кто не имел белых свидетельств. Новая “чистка” последовала за введением “шайнов” с надписью “специалист” — забирали обладателей прежних “белых шайнов” без такой надписи. Когда же ввели “желтые шайны”, произвели “чистку”, забирая уже тех, кто имел свидетельство специалиста. Это была планомерная политика истребления, проводимая по приказу свыше.

Были случаи, когда и надпись “специалист”, которая должна была стать гарантией, не спасала человека от ареста, а, значит, и от смерти. 1 октября 1941 года в гетто появились литовские чиновники, многие пьяные, врываются в квартиры, стучали оружием по столам и требовали,

чтобы люди немедленно одевались и выходили на улицу, где их ждали литовские солдаты. Когда им предъявляли “шайны” с пометкой “специалист”, они часто разрывали свидетельство пополам и приказывали обладателям его идти с ними. Это вызвало страшную панику среди тех, кто имел “шайны” с такой пометкой, они со своими семьями стали прятаться на чердаках или в погребках. Вопли женщин и детей, избиваемых прикладами и резиновыми нагайками, были страшны. Чтобы заглушить их, литовские солдаты открыли беспорядочную, безалаберную стрельбу, пока испуганные люди от страха смерти не перестали кричать. Всех схваченных выводили на улицу, а затем, окруженных литовскими солдатами, вели на Понары...

Все “чистки”, проведенные по приказу немецких высших властей осенью 1941 года, начинались совершенно неожиданно для населения гетто... Так, например, когда проводили “чистку” тех, кто не имел “желтых шайнов”, то совершенно неожиданно, ночью, когда все люди уже спали, в каждый двор явились еврейские полицейские и выкрикивали, чтобы все обладатели “желтых шайнов” немедленно шли в Еврейский Совет (Юденрат) регистрировать свои свидетельства. Поднялась страшная суматоха. Все знали, что опять готовится что-то недоброе, но что именно означает эта регистрация, никто из непосвященных не знал, а “посвященные” таинственно молчали. Лил дождь. Темнота была кромешная, зги не видать. Зажигать огонь было строжайше запрещено из-за налетов. Люди толпились в темноте, натываясь друг на друга. Все спешили в Еврейский Совет.

Уже на улице, перед домом, где помещался Совет, собралось множество народа. Но на дворе и особенно на лестницах, ведущих на второй этаж, где проводилась регистрация, давка была просто невероятная. Некоторые падали в обморок от духоты, изнеможения, невозможности пробиться в комнаты, где шла регистрация. Что творилось, просто не в силах представить тот, кто сам не был там. Хаос, крик, плач, толкотня и драки доводили людей

до исступления. За столиками сидели специальные уполномоченные, записывавшие номера “желтых шайнов”, имена обладателей свидетельств и членов их семей. Для членов семьи тут же выдавались маленькие, простые карточки голубого цвета с номерком. Эти карточки, как потом оказалось, давали право выхода из гетто во время очередной “чистки”, и таким образом эти ничтожные клочки бумаги с номерком, отбитым нумератором, спасали жизнь людям.

Какие душераздирающие сцены, какие трагедии разыгрывались тут, в этих тесных коридорах, где люди, не имеющие “желтых шайнов”, умоляли счастливцев спасти им жизнь и приписать к семейным спискам, чтобы получить этот номерочек. Люди готовы были отдать за это все, что имели. Не все оказались на высоте человеческого достоинства. Некоторые брали у несчастных за номерок и приписку огромные суммы, по 5–10 тысяч рублей, обещая только провести через ворота.

Все думали, что будет строгий контроль, и боялись помочь своим братьям в беде, опасаясь за собственную жизнь. Увы, никто не знал, как легко это все можно было устроить, как легко, в сущности, было спасти жизнь тысячам людей. Если бы не было этого панического страха, нагнанного ночной суматохой, страха смерти, которой так щедро и безжалостно карает немецкая администрация, люди могли бы спасти тысячи стоявших рядом с ними, и совесть их была бы чиста. Эта кошмарная “хаотическая” регистрация, которая никогда не изгладится из памяти тех, кто ее пережил, продолжалась всю ночь, а на рассвете люди, не получившие карточек, должны были наскоро попрятаться в “малины”, где всю ночь в смертельном страхе прятались те, которые не имели даже надежды к кому-нибудь приписаться в качестве члена семьи.

В шесть часов утра начали выпускать обладателей “желтых шайнов” с их семьями из гетто к местам работы. Тех, у кого номера свидетельств были до 2000, выпускали через ворота на Рудницкой улице, а с номерами

выше 2000 — через ворота на Мясной улице. На расстоянии нескольких сот шагов от ворот стояли высшие немецкие офицеры гестапо и литовцы из особого отряда и проверяли бегло “желтые шайны” и карточки членов семьи. Никакой, собственно, проверки личности обладателя “желтого шайна” не было, так как для евреев не существует необходимость иметь паспорт или другие какие-нибудь документы, — нужна была только эта желтая бумажка с номером и маленькие карточки с пропечатанными на них номерами для членов семьи, то есть для жены и детей моложе 16-ти лет...

Тех, у кого номера были до 2000, выпускали через ворота на Рудницкой улице, а с номерами выше 2000 — через ворота на Мясной улице. У ворот гетто стояли по бокам немцы и литовцы — любопытные. Выходившие должны были держать наготове развернутые “желтые шайны” и карточки с номерами и проходить сквозь строй агентов безопасности. Проверка сводилась, в основном, к установлению возраста проводимых членов семьи. Детей старше 16-ти лет и родителей обладателям желтых свидетельств брать с собой не разрешалось. Те и другие (возраст определялся по наружному виду) безжалостно задерживались, их вталкивали в ворота последнего дома у выхода из гетто, а потом уводили на убой. Застрелили 11-летнюю девочку в воротах за то, что пыталась пройти без номера. Много было трагедий при расставании детей с родителями и родителей со старшими детьми. Неодиночны были случаи самоубийства при помощи разных ядов. У входа в гетто уже стояло наготове несколько сот литовских солдат, которых впустили туда для “чистки”, как только ушли все “желтые шайны”. Тут же находились грузовые автомашины, в них заталкивали женщин, детей и стариков, всех, кому на этот раз не была сохранена жизнь. Уходящие “счастливы” знали, что ждет оставленных ими, попрытавшихся где придется близких. Некоторые из оставшихся пытались бежать через заборы и по крышам и были тут же расстреляны.

Вторая “чистка” (октябрь 1941 года) продолжалась целых три дня и три ночи. За это время гетто переживало страшные мучения. Люди, спрятавшиеся в разных укрытиях, часто добровольно замураванные за каменными стенами, задыхались от тесноты, изнемогали от отсутствия воздуха, воды, пищи под страхом быть каждую минуту открытыми и увезенными на убой. В этих “малинах” разыгрывались страшнейшие трагедии. Когда в погребах и подвалах, быстро заделанных наглухо кирпичами и оштукатуренных, раздавался крик или плач ребенка, прятавшиеся в “малине” люди, иногда сами родители, дрожащие за свою жизнь, собственными руками душили детей, и мать обливала умершего ребенка горячими слезами... Было немало случаев, когда эти потайные места обнаруживали, случайно или по чьему-нибудь указанию, и тогда всех несчастных выводили, били и забирали на смерть. Указывали такие места иногда продажные и подлые еврейские полицейские, которые хотели прислужиться к немецким властям, а иногда и несчастные из числа ищущих убежища людей, если кого-нибудь не могли или не хотели взять в “хранилище”. Они в отчаянии, не видя спасения для себя и из чувства слепой мести, губили всех, которые укрылись сами и не захотели спасти их. Обнаруженных большей частью отправляли прямо на Понары, то есть на смерть.

Иногда людей сперва сажали в Лукишскую тюрьму, а в некоторых случаях, когда, например, эта огромная тюрьма была уже переполнена после “чистки” 1-го гетто, переводили во 2-е гетто, где большинству из обитателей пришлось пережить много горя и в конце концов дожидаться “ликвидации” гетто и вместе с ним “ликвидации” своей жизни.

Во время одной из “чисток” произошел такой случай. Молодую женщину по фамилии Рехтдик, не имевшую “желтого шайна”, уже втолкнули в ворота, где находились люди, намеченные к увозу на расстрел. Якоб Генс, представлявший Юденрат, попросил ее помиловать и сказал

ARBEITSAMT WILNA

Wilna, den

10. 10. 1941

Facharbeiter Ausweis Nr. 743

Der Jude *Herhard* (Zuname) *Walter* (Vorname)

Generalflugzeugmeister
ist bei *Luftwaffenabteilung* in *Wilna* als *Ingenieur*

beschäftigt und darf ohne Einwilligung des Arbeitsamts nicht anderweitig verwendet werden.

Dieser Ausweis hat nur Gültigkeit in Verbindung mit dem Personalausweis und ist befristet bis *31. 12. 41*

Nach Ablauf ist der Ausweis der Beschäftigungsstelle zurückzugeben

Siegel *Im Auftrage*

1 Staatsdruckerei, Wilna -- 171

*Der Jude Herhard Walter ist befristet
auf seine Angehörigen die Personen zu passieren*

Wilna, den 15. November 1941.

*Putzger
K. V. J.*

Handwritten notes and signatures in the bottom right corner.

ARBEITSAMT
1941/10/15

“Желтый шайн”

Воротная стража у главного входа в гетто
с улицы Рудницкой, среди них Ме́йр Левас

гестаповцу Герингу, руководившему “чисткой”, что она хорошая пианистка. Геринг согласился оставить ее в живых, если она действительно талантлива. На место событий был доставлен нашедшийся где-то инструмент, женщина, казалось, уже обреченная на смерть, прекрасно, с огромным чувством сыграла рапсодию Листа (некоторые из присутствовавших так и говорили потом: “играла — как перед смертью”). Геринг остался доволен и выдал ей спасительный “шайн”.

В промежутке между первой и второй “чистками”, устроенными, чтобы выявить не имевших “желтые шайны”, была устроена ловушка для тех, кому прежде были выданы “белые шайны”. Еврейские полицейские оповестили по дворам, что все эти лица должны переселиться во 2-е гетто, отныне предназначенное специально для них, — оттуда они будут ходить на работы, точно так же как обладатели желтых свидетельств из 1-го гетто; причем тем, кто пойдет немедленно и добровольно, разрешается взять с собой любые вещи (им даже предоставляется повозка), а также право занять лучшую квартиру. Измученные постоянными ужасами “чисток”, ночными ревизиями и прочими висевшими над их головами страхами люди поверили оповещению и поспешили немедленно направиться во 2-е гетто, хотя это гетто уже имело заслуженную репутацию подступа к бойне. Когда значительная часть “белых шайнов”, с погруженными на двухколесные повозки вещами, прошла через ворота, ведущие со стороны Мясной улицы во 2-е гетто, то неожиданно перед главным входом в 1-е гетто на Рудницкой улице показался отряд литовских солдат, который по ошибке явился сюда вместо того, чтобы следовать во 2-е гетто, и немедленно завернул назад, к месту действительного назначения. По горькому опыту было уже известно, что значат эти литовские солдаты. Всем сразу стало ясно, что люди, доверчиво отправившиеся во 2-е гетто, попались в искусно расставленные сети; так в действительности оно и было. Всех добровольно перешедших туда литовские солдаты немедленно схватили

и увезли на расстрел. Еще один улов! В живых остались только единичные люди, которые успели хорошо спрятаться или откупиться деньгами или ценными вещами.

Дело с выкупом было очень индивидуальным и сомнительным. Кое-кому это удавалось, но нередко были случаи, когда литовские солдаты, получившие выкуп, подсылали сейчас же своих товарищей по “работе”, которые брали у тех же лиц новый выкуп, и так повторялось до тех пор, пока жертва имела еще что давать, в конце же концов она попадала в руки палачей.

Перед окончательной ликвидацией 2-го гетто туда отправились сотрудники еврейского госпиталя — врачи Шапиро, Шер, Берлинер, Антоколец, электротехник Сегалович, две или три сестры милосердия. Они взяли с собой носилки и белые медицинские халаты. За два дня им удалось вывести из обреченного уже гетто несколько десятков приговоренных к смерти. Одних они одели в белые халаты и вывели под видом медицинского персонала, других вынесли на носилках как больных. Когда стоявшие у ворот 1-го гетто литовские солдаты не захотели пропускать этих “санитаров”, доктор Пейсахович (он был из Шауляя и хорошо знал литовский язык) отправился в 4-й литовский полицейский участок, в ведении которого была охрана гетто, и добился официального разрешения на “эвакуацию” больных.

Спустя некоторое время после ликвидации 2-го гетто сотрудники госпиталя, посланные на место недавнего его расположения, чтобы собрать кое-что из оставшегося там госпитального оборудования, увидели многочисленные трупы убитых и умерших от истощения людей, а также небольшое число чудом уцелевших больных, “по недосмотру” не увезенных на расстрел. Одиравшие кошки бегали по улицам, дворам и лестницам, — следуя за ними, узнавали, где лежат еще необнаруженные трупы: кошки питались убитыми людьми, у многих мертвецов были изъедены лица. Санитары сносили найденные трупы в пустой магазин на ул. Гаона.

В районе 2-го гетто было много “малин”, так как в этой части города стоят старинные дома с погребями, пещерами, подземными ходами, сохранившимися еще со времен средневекового гетто, которое располагалось на этих же улицах. Сотрудники госпиталя, проходя по этим улицам, громко окликали всех, кто остался в живых, звали их выйти из убежищ.

Всякий раз, когда принималось решение отправить на смерть новую партию евреев, среди обитателей гетто искусственно вызывалась паника. Особенно показательна была суматоха перед чисткой 24 октября 1941 года, вызванная переселением людей внутри самого гетто с одной улицы на другую и из одного дома в другой...

Неожиданно (как прочие мероприятия немцев) всем жителям гетто, кое-как уместившимся в углах, на полу или на нарах, в тесноте и давке, но все же уже устроившимся, “живущим” на крошечном кусочке пространства, пусть даже в проходах и дырах, пробитых в стенах из одной улицы в другую, вдруг приказано было переселиться в дома, отводимые теперь для определенных групп рабочих, занятых на одном и том же предприятии. Если рабочих данного предприятия оказывалось слишком мало, чтобы занять целый дом, то в одном и том же доме размещали рабочих нескольких предприятий. Такие дома назывались “блоками”. Рабочие, прежде жившие в домах, оказавшихся теперь блоками, должны были переселиться в другие, предназначенные для предприятия, где работали они сами. А не работавшие на предприятиях были расселены в оставшихся домах.

Каждое предприятие старалось всеми возможными способами получить для себя в жилотделе гетто лучший дом. Для этого приводили знакомых немцев (большой частью фельдфебелей — это у немцев большой чин) или приносили письма от немецких военных частей на форменных бланках с приложением казенных печатей, или просто приходили в жилищный отдел гетто с криками, скандалами и “выторговывали” облюбованные, заранее выбранные дома

хоть с некоторыми удобствами. Тут, в жилищном отделе, весь день до глубокой ночи были толкотня и давка, шум и крик. Торговались о лучшем месте для ночлега, когда не знали наверное, остаются ли вообще в живых. Но такова уж психика человека...

Это шумное и мучительное “великое переселение народов” имело опять-таки свою скрытую цель. Во-первых, измучить и затуманить население перед новой “чисткой”, которая состоялась через день после въезда в блоки. А во-вторых, собрать в определенных домах всех неработающих, то есть имеющих “белые шайны”, выловить всех “лишних” людей, прежних рабочих, с их женами, детьми, родителями, расстрелять еще несколько тысяч невинных людей, не имевших счастья или возможности получить спасительный и роковой “желтый шайн”.

1942 ГОД. ГЕТТО

В ходе постоянных “чисток” население гетто продолжало сокращаться. Выдача “желтых шайнов” привела к гибели тех, кто их не получил. Так, 23 октября 1941 года все обладатели этих “шайнов” были отправлены на места работы вместе с семьями. В этот день из числа оставшихся в гетто увели на расстрел около 5000 человек. 3 ноября всех, имевших желтые свидетельства, перевели в район бывшего 2-го гетто, где они пробыли три дня, в течение которых из 1-го гетто увели еще 1200 человек. 3–4 декабря на Понары отправили 78 человек. При проверке блока, где обитали евреи, назначенные рабочими в хозяйственные подразделения гестапо, гетто потеряло еще 300 человек. Наконец, 20–22 декабря был проведен общий контроль квартир в гетто и взято еще 400 человек.

Итак, в сентябре 1941 года население 1-го гетто составляли 29 тысяч человек, 2-го гетто — 9 тысяч человек. Всего, таким образом, — 38 тысяч. К весне 1942 года в гетто находилось всего 15 тысяч человек, что подтверждается

количеством выданных на март хлебных карточек (15216). Еврейское население Вильно, насчитывавшее к началу войны примерно 76 тысяч человек, менее чем за год сократилось в пять раз.

Жизнь в гетто между тем шла “своим чередом” и приняла определенные формы. На пяти маленьких улочках удалось создать целую систему для организации, поддержания и облегчения жизни нескольких тысяч человек, оставшихся пока в живых. С этой целью была проведена поистине гигантская работа и сделано все, что возможно, и почти все, что необходимо, для того маленького “государства в государстве”, которым стало гетто.

Здесь действовали отделы труда, здравоохранения, социального обеспечения, продовольственный и квартирный отделы, полиция, суд, почта, школы, госпиталь, аптека, мастерские, бани, парикмахерские и т. д.

Отдел труда был главным в гетто; он был, как значилось в распоряжении руководителя (или, как его именовали, “представителя”) гетто г. Якоба Генса от 12 июля 1942 года, основой существования евреев. В этом отделе велись картотеки всех евреев-рабочих. Сюда немецкие и литовские учреждения присылали запросы на рабочую силу, отсюда, согласно требованиям, высылались в нужном количестве рабочие. Тут в октябре 1941 года распределялись спасительные желтые свидетельства, а впоследствии, с 18 апреля 1942 года, — рабочие книжки (розового цвета). Правила, помещенные в рабочей книжке, требовали, чтобы рабочий брался за любую предложенную ему работу и неукоснительно ее исполнял; отказ от работы или неисполнение ее карались смертью. Обо всем этом евреям можно было не напоминать: они старались трудиться как можно лучше. Им очень хотелось жить и дожить до лучших времен.

Был в гетто отдел социального обеспечения, который раздавал пособия бедным и нуждающимся, решал вопрос об освобождении их от квартирной платы, от платы за лечение в госпитале, за лекарства, за услуги, предостав-

ляемые другими учреждениями. Когда в июле 1942 года немецкие власти приказали собрать стариков и всех, кто не может самостоятельно себя содержать, т. е. прибегает к помощи отдела социального обеспечения, люди, прежде получавшие пособия, предпочли держаться подальше от этого учреждения. Родилась даже горькая шутка, что нашлись такие, которые готовы заплатить, чтобы их вычеркнули из списков нуждающихся.

Имелся также финансовый отдел, которым руководил бывший директор банка г. С. Кашук. Все работавшие евреи, находившиеся в гетто, должны были платить налоги. Налог “от головы” назначался так: для мужчин от 18 до 20 лет и от 50 до 60 лет — 10 рейхсмарок (100 рублей), от 20 до 50 лет — 15 рейхсмарок (150 рублей), для женщин от 18 до 20 лет — 8 рейхсмарок (80 рублей), от 20 до 40 лет — 12 рейхсмарок (120 рублей). За детей до 16 лет, бывших на содержании родителей, брали 15 % от этих сумм. Мера взыскания за неуплату налогов была всегда одна и та же: виновного лишали продуктов, выдаваемых в очень скудном количестве и по карточкам. Все это касалось людей, имевших рабочие книжки: о жителях гетто, не имевших рабочих книжек и не работавших, вообще не говорилось, — их официально не существовало.

Полиция, явная и тайная, наблюдала за порядком на улицах и в домах, вела следствие при совершении краж и других уголовных преступлений. Полицейские подчинялись сначала Еврейскому Совету (Юденрату), а после его упразднения (в июле 1942 года) — руководителю (представителю) гетто г. Якобу Генсу, который считался одновременно шефом полиции. Была организована главная комендатура и три полицейских участка с внутренним распорядком по образцу литовских и немецких полицейских учреждений. Здесь велось круглосуточное дежурство, существовала необходимая документация, помещения были соответствующим образом оформлены (плакаты, инструкции, правила и т. п.). Полицейские носили на левом рукаве повязку голубого цвета с белой Звездой Давида —

у нижних чинов на повязке стоял номер, для старших чинов существовали дополнительные знаки.

Никакой специальной формы, кроме повязок, полицейские не имели, носили собственное платье и сапоги. Тут же надо сказать — хорошее платье и хорошие сапоги. Полицейские занимались очисткой квартир увезенных на расстрел людей и присваивали найденные там вещи, которые частью брали себе, частью продавали. Находки иногда бывали весьма значительные: кроме одежды и обуви, запасов продовольствия, предметов домашнего обихода, они обнаруживали тайники, где были припрятаны деньги, ценности. Писать об этом нет охоты — факты, к сожалению, некрасивые.

В составе полиции была особо выделена стража ворот (“Торвахе”), от которой особенно страдало население гетто. Стража “контролировала” всех при входе в гетто и выходе из него и зарабатывала на общем несчастье, отбирая у людей все, что ни пожелает. Свои пакости стражники объясняли необходимостью постоянно доказывать немцам свою ретивость: иначе, говорили они, евреям будет много хуже, так как у ворот поставят литовцев или немецких солдат.

Почта начала понемногу работать с конца 1941 года. Роль ее была очень ограничена, так как евреям самостоятельные сношения с внешним миром были запрещены. Почта продавала знаки почтовой оплаты, поначалу пересылала также письма на главный почтамт, получала оттуда письма, предназначенные евреям, и вывешивала на улице списки лиц, на имя которых они получены. Вскоре всякая переписка с гетто была приостановлена, в апреле 1942 года почта как таковая перестала существовать, но некоторые ее сотрудники взяли на себя обязанность передавать адресатам письма, получаемые через приезжих из других мест, приветы, записки, принесенные в гетто добрыми, смелыми людьми, имеющими право входа.

Технический отдел, которым руководил М.С. Шрейберг, организовал образцовые мастерские разного профиля.

Мебельные мастерские изготавливали как примитивные предметы обстановки, так и самые изящные гарнитуры. Немецкие руководители заказывали для себя мебель именно в мастерских гетто. Электротехнические мастерские производили ремонт различных бытовых приборов. Строительная секция занималась ремонтом водопровода и канализации. Мастеров из этой секции нередко направляли на работы в городе. Были устроены артели — сапожные, швейные, часовых дел и другие, где, кроме починки старых вещей, изготавливались и новые, из материала заказчиков. Мастера обращали особое внимание на внутренние нужды гетто. Столярные мастерские, например, делали в большом количестве деревянную обувь (“клумпы”), широко употребляемую за неимением кожаной. Технические мастерские сконструировали специальные печи трех типов, требующие мало дров, — дрова были очень дороги и вносить их в гетто, также как продукты питания, строго запрещалось. Печи, изготовленные в гетто, сравнительно с теми, что продавались в городе, стоили очень дешево (50–70 против 250 рублей), — технический отдел получал заказы на них от немецких и литовских властей, а через их посредство — и от частных учреждений. В связи с тем, что мастерские и артели работали очень успешно, Еврейский Совет оплачивал администрацию артелей, предоставлял им помещение, освещение, отопление и брал за это 60 % выручки, а 40 % оставалось работникам.

Квартирный отдел распределял жилплощадь между обитателями гетто, через управдомов и сторожей следил за порядком и чистотой в домах. Сторожа, в большинстве никогда прежде и не помышлявшие, что им придется выполнять такого рода обязанности, тем не менее прекрасно с ними справлялись: чистили отхожие места, подметали и поливали улицы, зимой убирали снег, летом пыль. Немцы удивлялись чистоте в гетто.

Перед продовольственным отделом стояла задача снабжения населения гетто продуктами. Было открыто четыре магазина, где выдавали продукты по карточкам (туда

поступали все съестные припасы, поступавшие в гетто), и пять кухонь — здесь приготавливалось ежедневно 4000 обедов. Продукты для кухонь добывались путем маленьких удержаний из причитающихся по карточкам пайков. Так, если на человека полагалось 70 декаграмм хлеба в неделю, то выдавали только по 55 декаграмм, вместо 50 грамм масла — 40 грамм и т. д., а остаток поступал в общие кухни. Так же попадали туда крупы, соль и другие продукты (как говорится, с миру по нитке — голому рубаха). Но не всем голодным доставались эти обеды, да и насытиться ими было трудно. Люди недоедали, пухли от голода и постепенно умирали. Стараясь помочь продовольственному отделу, отдел здравоохранения открыл чайные, где за пару грошей можно было получить кипяток. Это было большим облегчением, особенно зимой, когда было очень трудно раздобыть хоть немного дров (люди сжигали в печах все, что можно было сжечь своего и — украдкой — чужого, разбирали деревянные сооружения, порой лестницы).

Отдел здравоохранения вообще в условиях гетто делал чудеса. Хорошо работал старый, образцово оборудованный еврейский госпиталь, который находился как раз в том районе, где создали гетто. Здесь было 165 кроватей, но в первое время существования гетто люди заполнили все коридоры и переходы здания. Больные и здоровые старались найти тут приют, держаться поближе к этому учреждению. Многим казалось, что пребывание в госпитале каким-то образом обеспечивает их безопасность. Но немцы скоро рассеяли это заблуждение. Они все чаще и все больше требовали для уничтожения именно больных. Место, казавшееся надежным убежищем, стало особенно опасным для жизни, и теперь многие действительно больные люди стали поспешно покидать госпиталь. Но амбулатория со всеми отделениями для проходящих больных и отделением скорой помощи продолжала работать и работала прекрасно. Врачей в гетто было много, первое время они принимали больных совершенно безвозмездно, но с усложнением жизни в гетто начали брать гонорар.

Якоб Генс, руководитель виленского гетто
с октября 1941 года по 14 сентября 1943 года

Члены Еврейского Совета, среди них
Якоб Генс и Саул Деслер, на спортивном состязании

Отдел здравоохранения открыл две бани и дезинфекционные камеры с пропускной способностью 14 тысяч человек в месяц, где сперва за три рубля, а потом за десять можно было помыться и продезинфицировать свою одежду. Поначалу давали в бане и кусочек мыла, но позже цена на мыло очень выросла, и каждый, как мог, приобретал его сам. Была также устроена механическая прачечная с пропускной способностью сто килограмм белья в день. Поскольку достать мыло стало очень трудно и стоило оно дорого, возле прачечной постоянно выстраивались длинные очереди.

Особенно энергично работала санитарно-эпидемическая секция отдела здравоохранения. Зимой, когда все уборные, все проходы и пробоины между улицами, домами, дворами были завалены человеческими нечистотами и разными отбросами, ужас охватывал при мысли, что произойдет с наступлением теплых дней. Учитывая к тому же тесноту жилищ и физическую ослабленность людей, эпидемии казались неминуемыми. Но благодаря усилиям секции территория была быстро и основательно убрана, гетто встретило весну чистыми улицами и дворами.

Трудно представить себе, как могли одичать и опуститься запертые в гетто евреи, если бы не труды Культурного отдела. Особенно пагубно влияла жизнь в гетто на детей. Они стали свидетелями самых ужасных событий, постоянно видели мучительство, убийство, извечали нужду, тесноту, голод. В гетто открыли четыре школы, где учились дети, начиная с семи лет, два детских сада для детей от трех до шести лет, интернат для беспризорных, курсы для детей старшего возраста, прежде уже посещавших гимназии. Для появившихся в гетто беспризорных, уличных детей были организованы трудовые бригады — дети работали и получали пищу и кров. Жилось им, конечно, несладко, но все же обед из одного блюда, суп, хлеб, иногда молоко им выдавали. Все эти учреждения работали постоянно, нормально, как в доброе

старое время, будто ничего не изменилось вокруг. Вместе с распространением знаний они прежде всего заботились о том, чтобы спасти от моральной гибели, падения будущее поколение. Даже музыкальная школа существовала в гетто. В ней было 11 учителей и около 100 учеников. Немцы выступали иногда как благодетели и ценители искусства, предоставляя евреям возможность получить музыкальные инструменты и ноты, оставленные ими в своих квартирах 6 сентября 1941 года, при переселении в гетто. 17 апреля 1942 года шеф полиции гетто приказал всем жителям зарегистрировать собственные музыкальные инструменты, а также те, что найдены в занятых ими квартирах; согласно приказу, все незарегистрированные инструменты должны быть конфискованы, а виновные в их хранении наказаны.

Работала также старая библиотека Общества распространения знаний (“Мефицей-Гашкола”) на ул. Страшуна № 6, где после изъятия по приказу немецких властей небольшого числа книг коммунистического содержания еще осталось много прекрасных книг на разных языках по многим отраслям знаний, а также художественной литературы. При библиотеке был читальный зал. Как приятно было видеть тут сидевших за длинными столами людей, молодых и старых, углубившихся в чтение; некоторые умудрялись даже работать над собственными произведениями.

Существовал в гетто и театр, где давали концерты, а потом ставили и спектакли. Как это ни покажется странно, билеты часто были распроданы задолго до начала представления. В августе 1942 года в обоих блоках фабрики “Кайлис” устраивали детские спектакли на чердаке и в сарае.

Но больше всего удивляла спортивная площадка. Во дворе дома № 6 по ул. Страшуна были снесены старые мясные ряды, выровнен грунт, установлены столбы с сетками, старый двор превратился в просторную, чистую площадку для спортивных игр. Здесь молодые люди обоего

пола ежедневно занимались гимнастикой, соревновались в спортивных играх. Трудно было глазам поверить, хотелось крикнуть: “Что это — сон или явь?” От парадоксальности происходящего хотелось радоваться и плакать. И, может быть, правы те, кто живет так, словно нет вокруг этого кошмара, кто не хочет видеть окружающей нас стены, словно забыл, что мы находимся на ладони железной руки, которая может захлопнуться в любой момент и раздавить всех, как мух.

ЯНВАРЬ 1942 ГОДА. ОСКАР ГЛИК

Имя Оскара Глика, без сомнения, останется в истории виленского гетто. Этот сравнительно молодой человек (ему было около сорока лет) родился в Польше, но еще в раннем детстве переехал с родителями в Вену, где вырос и получил образование. После “аншлюса”, присоединения к гитлеровской Германии, в Австрии начались преследования евреев, и Оскар Глик вместе со многими беженцами перебрался сначала в Варшаву, затем в Ригу и в конце концов оказался в Вильно. Здесь в первые же дни оккупации Оскар Глик случайно встретил друга детства, арийца, служившего в немецкой армии. Старый приятель устроил его на работу, сначала в дирекцию железных дорог, а затем снабженцем на фабрику меховых изделий “Кайлис”. Оскару Глику удалось скрыть свое еврейское происхождение — получить новый, “чистый” паспорт и исправить соответствующую рубрику в домовый книге. Он начал действовать уже как немец из Вены, поставив своей целью в этой роли спасти от гибели как можно больше

евреев. Будучи близок к местным немецким властям, он заблаговременно узнавал о подготовке разного рода распоряжений, направленных против евреев, главное же — для него раньше, чем для многих других, стало ясно, что речь идет о постепенном уничтожении всего еврейского населения.

Поскольку в первые же дни после прихода немцев вместе с остальными евреями погибло много специалистов, и некоторые производства, важные для немецкой армии, например, кожевенная фабрика, оказались на грани остановки, Оскар Глик выступил перед начальником снабжения округа майором Гаузлером, находящимся в Риге, с проектом восстановления этой фабрики, а также увеличения выпуска военной продукции на меховой фабрике “Кайлис”. Для этого он предложил вывести из гетто значительное число рабочих-специалистов с их семьями и разместить их в отдельных блоках (где, как предполагал Оскар Глик, их участь окажется в меньшей зависимости от случайных прихотей гестаповцев и их местных пособников). Проект Оскара Глика рассматривался в Берлине и был принят с учетом важности продукции, производимой на этих предприятиях. Принятие проекта Оскара Глика если не спасло, то продлило жизнь не только нескольким тысячам рабочих указанных фабрик, но косвенным образом еще почти двадцати тысячам евреев из тех, что остались в гетто, так как центральные власти, утвердив проект, приостановили общее уничтожение еврейского населения и приказали сохранить для нужд военного производства значительное количество специалистов разных профессий, как-то: столяров, маляров, сапожников, электриков, слесарей, механиков, кожевников, скорняков и проч. С этой целью было выдано три тысячи дополнительных “желтых шайнов”, тысячу из них получил для раздачи сам Оскар Глик. Добыть такой “шайн” было для евреев вопросом жизни и смерти, тот, кто сумел сохранить деньги или какие-либо ценности, не жалел ничего, чтобы приобрести его, но к чести Оскара Глика надо

сказать, что он раздавал спасительные удостоверения совершенно безвозмездно, широкой рукой, выбирая людей, каждый из которых имел прочную репутацию порядочно-го человека, — это было для него главное.

Оскар Глик заведовал хозяйственной частью кожевенной и меховой фабрик, но благодаря наилучшим отношениям с представителями немецкой администрации (он выполнял их различные “коммерческие” поручения, разъезжал на предоставленной ими в его распоряжение красивой легковой машине и часто весело проводил с ними время), был фактически руководителем этих производств и полновластным хозяином над блоками, жителей которых старательно ограждал от опасности.

Концом деятельности и жизни Оскара Глика оказался пожар на фабрике меховых изделий “Кайлис” 18 января 1942 года. Пожар начался от оставленного включенным большого электрического утюга — была ли это случайность или здесь орудовала злонамеренная рука, следствие не установило. Пожар случился в воскресенье вечером. По приказу немецких властей фабрика впервые работала в праздничный день, многие рабочие-поляки были возмущены приказом и демонстративно пили водку прямо на производстве; возможно, кто-нибудь из них по недосмотру оставил, уходя, утюг включенным. Через три дня, 21 января, на фабрику приехали гестаповцы и арестовали 39 скорняков, исключительно евреев. Их продержали десять дней в неотопливаемых подвалах Лукишской тюрьмы, несколько человек отморозили ноги, все были измучены холодом, голодом, допросами, страхом смерти. По вопросам, которые ставились арестованным в ходе следствия, было ясно, что судьба Оскара Глика решена: всех спрашивали с пристрастием, известно ли им, что Оскар Глик — еврей. Арестованные отвечали, что считали его немцем. Друзья из немецкой администрации предупреждали Оскара Глика, что в гестапо имеются доносы, обвиняющие его в том, что он еврей, и советовали ему скрыться из Вильно. Но Оскар Глик полагал, что ему удастся

реабилитировать себя. Стало известно, что окончательно погубили Оскара Глика доносы двух мастеров-неевреев фабрики “Кайлис”: механического отдела — Эдуарда Вищулиса и портняжного отдела — Керна; они докладывали об антинацистских высказываниях Оскара Глика, о том, что на какой-то свадьбе, будучи пьян, он разорвал немецкие деньги и даже якобы произнес: “Долой Гитлера!”

Оскара Глика арестовали в квартире военного коменданта и вскоре расстреляли. Через несколько дней, 28 января, арестовали его жену Мину Долгицер и тоже расстреляли.

ИЮНЬ 1942 ГОДА. ГЕТТО ИМЕЕТ СВОИХ ПАЛАЧЕЙ

Многие города и местечки Литвы и Белоруссии совершенно очищены от евреев. Разве только отдельные, чудом уцелевшие люди прячутся пока в лесах, в пещерах и ямах, у человеколюбивых крестьян, которые за деньги или по дружбе держат их у себя, рискуя поплатиться собственной жизнью.

В некоторых местечках, например, в Игналине, евреев перебили прямо в их кроватях, ворвавшись ночью к ним в дома. Из местечек вокруг Троков евреев собрали на остров, где находится исторический замок; здесь их держали без пищи девять дней, после чего, когда люди ослабели, расстреляли без лишних усилий. На военном полигоне возле Побрадзы евреев держали без пищи двенадцать дней и добили уже полумертвых. Говорят, что в Н-Вилейке раввину предложили уйти, куда он захочет, когда остальных евреев повели на расстрел в Велючаны, но он не пожелал оставить свое стадо и как истинный

пастырь пошел впереди, первый по приказу разделся и встал под пули.

Большинство виленских евреев, как и евреев из окрестных городов и местечек, погибли на Понарах, в огромных ямах, — поначалу это были ямы, подготовленные русской армией для оборудования складов горючего, но с приходом немцев им нашли другое применение. Когда они оказались доверху заполнены трупами расстрелянных, пришлось рыть новые. После знаменитой “провокации” и массовых “чисток” 1941 года на Понары гнали группы по несколько тысяч человек: одних уводили прямо из квартир, других — после нескольких дней пребывания в тюрьме, уже измученных, избитых литовскими тюремщиками. Тех, кто был покрепче, вели пешком, остальных, а также женщин и детей, везли в грузовиках.

В лесистой местности, огороженной колючей проволокой, прибывших встречали находившиеся там отряды литовцев (“партизаны”, “активисты”, добровольцы), по большей части пьяных. Они всячески издевались над доставленными жертвами, били их рукоятками револьверов, прикладами ружей, просто дубинками по голове. Отделяли мужчин от женщин и детей и загоняли в ямы. Там заставляли всех снимать одежду, и тотчас начиналась отчаянная стрельба. Мужчин расстреливали в первую очередь, затем на глазах матерей убивали детей, маленьким, чтобы не трогать пули, разбивали головы о стволы деревьев, грудных топили в ведрах с водой, женщин расстреливали последними.

Бывали случаи, когда из-под груды трупов ночью выбирались недобитые люди, прокрадывались за ограждение и возвращались в город. Одна женщина, раненная в руку, слышала, лежа в яме, как пьяные литовцы спрашивали один другого, засыпать ли сначала убитых землей или прямо сейчас идти пить водку. Они вылезли из ямы и ушли. Следом вылезла из ямы и женщина, кое-как оделась, перевязала рану на руке и уползла. Своего ребенка

она оставила в яме, считая его мертвым, хотя никакой раны на нем не видела; вероятно, он был задушен или находился в глубоком обмороке. Женщина не может себе простить, что оставила ребенка в яме. Она вышла на дорогу, попросила у встреченной крестьянки платок, серп, вязанку дров (прикрыть раненую руку) и добрела до Вильно. Эти спасшиеся люди рассказывают остальным о том, что видели и пережили.

На Понары часто вели людей, измученных побоями, усталостью, голодом, страхом, почти лишенных способности сопротивляться. Отряд литовских солдат вел, например, из тюрьмы на Понары группу в 200 человек. Все они были ослаблены жестоким тюремным режимом, несколько дней их попросту морили голодом. Всю дорогу солдаты били евреев нагайками, подгоняя, чтобы шли на смерть быстрее, быстрее. Потерявшего сознание молодого парня лет восемнадцати еще долго били лежачего, потом приказали остальным поднять его и нести дальше. Позади колонны ехал на велосипеде один-единственный немец.

Однажды подобную группу обогнало несколько немцев, ехавших в такси. Они остановили машину, выругали конвойных за жестокость, приказали задержать группу и дать людям немного отдохнуть. Как только такси тронулось в дальнейший путь и скрылось из глаз (немцы еще долго выглядывали из окон машины), литовские солдаты стали обходиться с теми, кого вели на смерть, еще более жестоко.

Местечки уже очищены от евреев, но в больших городах гетто еще сохранились. Теперь их сделали полностью закрытыми, т. е. огородили стенами и обнесли проволокой, в то время как раньше в некоторых городах евреи имели право выходить из гетто, передвигаться по улицам, покупать на рынках продукты. Но и при закрытых гетто нигде нет таких строгостей, как в Вильно, где полицейские во главе с начальником "Торвахе", воротной стражи, Левасом зверски избивают каждого входя-

шего за найденный у него кусочек хлеба, две или три картофелины; каждые несколько дней у ворот гетто появляются гестаповцы, чтобы наблюдать за избиениями и производить аресты.

Впрочем, опустошительные “чистки” проводятся повсюду. В Лиде в один несчастный день немецкие власти вывели всех евреев за город, в поле; здесь им приказали идти “налево”, “направо” и “просто”. Тот, кто пошел “налево”, остался жить, а пошедшие “направо” и “просто” были расстреляны из пулеметов, забросаны ручными гранатами, а потом, убитые и недобитые — всего около 5000 человек, — брошены в огромную общую яму и погребены. По слегка засыпанной яме проехал танк и придавил тех, кто еще дышал.

Во время одной из “чисток” в Лиде произошел следующий случай. Некто Янкель Авидан, участвовавший в ограблении священника и после разоблачения переданный тамошним Еврейским Советом немецким властям, из мести сообщил немцам, что Еврейский Совет выдавал виленским евреям, бежавшим в Лиду во время страшных “чисток” в Вильно, документы лидских жителей. Немцы согнали еврейское население Лиды на площадь, и Янкель Авидан указал всех известных ему виленских беженцев, которые были немедленно расстреляны.

После этого Авидану дали возможность перебраться в Вильно, где он как еврей должен был жить в гетто. Тут его узнали некоторые сумевшие возвратиться из Лиды евреи, которые догадались не явиться по зову немцев на площадь; они указали на него Еврейскому Совету, и Янкеля Авидана арестовали.

Как раз в это время в гетто были приговорены к повешению пять евреев. Они были из числа уголовников, тех, кого называют “подонками”. Пока людей работающих, честных, интеллигентных убивали, эти умели по-воровски спрятаться, прислуживались к властям, обделывали темные делишки, даже с немцами и литовцами, — обкрадывали, к примеру, магазины и через них

сбывали товары, а, случалось, совершали грабежи и убийства.

3 июня в погребе на улице Шавельской № 1 нашли обнаженный, обезглавленный труп. Оказалось, это был молодой человек, в свое время бежавший в Вильно из Польши, поторговывавший разными вещами, а также где-то приобретающий и перепродававший золотые монеты. Шайка “подонков” предложила ему, как потом выяснилось, “выгодную сделку” — покупку десятирублевых золотых монет по низкой цене. Для этого он одолжил крупную сумму денег, но в последнюю минуту решил оставить деньги у своей знакомой и прежде осмотреть “товар”. Шайка заманила его в подвальное помещение, которыми так богато гетто, там, сначала оглушив, его убили ударом ножа, затем у убитого отрезали голову, а тело зарыли. Знакомая, у которой он ненадолго оставил деньги (говорят, невеста молодого человека), не дождавшись возвращения жениха, сообщила о его пропаже в полицию. Некоторые известные полиции “подонки” были поставлены перед альтернативой: либо они со своими семьями отправляются на Понары, либо выдают убийц. Назвали одного, другого, которые, будучи арестованы и страшно избиты, выдали остальных участников “дела”.

4 июня 1942 года в 4 часа дня евреи в присутствии немецких властей у себя в гетто повесили убийц. Немцы были очень довольны: евреи сами научились быть палачами. Какое падение нравов! В гетто, где, кажется, все равны в постоянном ожидании смерти, есть свои воры, убийцы, провокаторы, доносчики, тайные немецкие агенты, наконец — палачи. Повешенных было шесть. Пять из них — Исаак и Илья Гивуши, Яков Политковский, Гирш Витухавский, Лейба Гродзенский — повешены за убийство Иосифа Герштейна (так звали молодого человека) и за одно прежнее убийство, о котором преступники сообщили уже в ходе следствия, — шестью неделями раньше они убили и спрятали в подвале дома на ул. Страшуна № 9 Герцеля Лидеса, которого с тех пор считали пропавшим без вести.

Шестым повешенным был Янкель Авидан, официально обвиненный в избиении еврейского полицейского, но на самом деле понесший расплату за гибель в Лиде нескольких сот виленских евреев, уничтоженных по его доносу.

Казнь состоялась во дворе бывших мясных рядов, убийц повесили на крюках, на которых в мирное время висели говяжьи туши. Жители гетто могли до 6 часов вечера любоваться повешенными.

24 ИЮНЯ 1942 ГОДА. ГОДОВЩИНА

Сегодня годовщина занятия немцами Вильно. Нет сомнения, что удар, нанесенный немецкой армией русским войскам тут, в Литве, был сокрушительным. Казалось, что им уже не удастся сдержать наступательный порыв немцев, что скоро будет взята Москва, что молниеносная победа обеспечена. Но прошел год — Москва не взята, русская армия жива и борется. Это — будто чудо, сон. Не верится, но — факт.

...Когда началась война, никто не мог вообразить, что в середине XX века возможны все те ужасы, беды, горе, на которые оказались обречены евреи. В одном только Вильно более чем из 70 тысяч евреев до сего дня, до годовщины начала военных действий, дожило лишь 15–16 тысяч. Все остальные за этот год систематически и планомерно уничтожены.

Едва задумаешься об этом, тотчас возникает роковой вопрос: как все эти тысячи людей позволили себя убить без всякого противодействия?

Применяемая немцами система уничтожения евреев строится на старой тактике “Divide et impera” — “разделяй и властвуй”. Не забрали сразу всех, а ввели категории, разделили на привилегированных и непривилегированных. Обладатели белых рабочих свидетельств считали себя поначалу избранниками, теми счастливцами, которых как работающих на немцев оставят жить. Ведь они приносят несомненную пользу, нужны государству, а что до остальных, до неудачников, то ничего не поделаешь, трудно — война. Но вскоре “счастливыцы”, как известно, оказались обманутыми: ввели надпечатки “Facharbeiter” — и уже тех, кто вчера был привилегированным, забирали на убой как ненужный элемент. Затем этих новых “счастливцев” с печатью “специалист” тоже ликвидировали, а “счастливцами” считали себя уже лишь обладатели желтых рабочих свидетельств. Так немцы частями забирали и выводили в расход эти тысячи людей — стариков и молодых, женщин и детей, богатых и бедных, ученых и простых.

Деление на “привилегированных” и “остальных” постоянно заметно в жизни гетто. Когда евреи, занятые на том или ином предприятии, идут колонной на работу, один из них назначается руководителем группы. Он должен следить, чтобы никто в его группе не нарушал наложенных на евреев запретов: не проносил в гетто съестные припасы, не общался ни с кем на улице, не позволял посторонним примыкать к колонне. Таким рабочим выдают белую повязку с надписью “Kolonnenführer” (“Колонновожатый”), которую они должны носить на правом рукаве. И, надо сказать, удостоенные этих повязок в своем ничтожестве мнят себя такими важными особами, что позволяют себе разные пакости по отношению к своим же товарищам: кричат на них, ругаются, а нередко и доносят на ушко кому следует из еврейской полиции, стоящей у ворот, что такой-то прячет под одеждой продукты, а такой-то вообще не принадлежит к данной группе и примкнул к колонне по дороге, чтобы пройти в гетто. Еврейские полицейские часто не хуже литовцев расправляются с провинившимися. Получившие от

немцев “власть” над своими же собратьями, они ведут себя омерзительно, их действия, случается, вызывают возмущение не только у евреев, но и у оказавшихся неподалеку посторонних наблюдателей.

И еще. Забираемые врасплох и уводимые из гетто на смерть евреи долго не могли поверить, что их действительно ведут на смерть, что будут убивать абсолютно ни в чем не повинных людей, — разум не мог вместить этого абсурда. Обреченные надеялись, что будет все же какое-то следствие, разбирательство, что накажут замешанных в коммунизме или виновных в каких-либо преступлениях, накажут “обыкновенно”, нельзя же всех убивать... С такими мыслями и надеждами шли несчастные люди в лесистую местность Понары, чтобы там погибнуть. И ни у кого не было оружия.

Оставались лишь немногие возможности протеста. Лечь посреди улицы и ни в коем случае не идти дальше — пусть расстреляют всех тут же, на месте. Или — броситься бежать в разные стороны, в случае удачи даже обезоружив конвоиров. При этом, конечно, погибло бы несколько сот человек, зато остальные спаслись бы пока от смерти. Но для этого нужны дружба, уговор, общая мысль, объединяющая смелых людей. Увы! Ничего этого не было и в помине. Люди шли на убой разрозненно, как стадо баранов, не выражая никакого протеста, в глубокой апатии, до последней минуты цепляясь за призрачную надежду, что как-нибудь уцелеют, что случится чудо, что им будет сохранена жизнь.

ИЮЛЬ 1942 ГОДА. ЯКОБ ГЕНС

5 июля 1942 года. Нет в гетто ни одной семьи, в которой страшный ураган не вырвал бы с корнем одно или несколько деревьев. Тут увели отца, мужа или детей, нередко в одном белье, без шапки, как схватили; там навсегда пропали расстрелянные на Понарах жена, мать, дочь, сестра, взятые во время “провокации” или из гетто в отсутствие мужа, отца, брата, отправленных в это время куда-нибудь на торфяники или на сельскохозяйственные работы. Сколько разбитых сердец, сколько пролитых слез, сколько горя беспредельного...

Но всего страшнее участь маленьких детей, оставшихся без отца и матери, без сестер и братьев, совершенно одиноких, каким-то чудом уцелевших в этом море смерти.

Вот один из таких — мальчик лет шести. Его спрятали на чердаке, он лежит на деревянных нарах у приютивших его людей и убаюкивает сам себя трогательной сказочкой, которую рассказывает себе вслух. В этой сказочке он что-то бормочет про домик, кровать, маму —

разбойничьи руки убили его мать и отца, двух братьев и сестру. Мальчик тихо и монотонно говорит что-то, пока не засыпает. Чье сердце такое выдержит, кто не заплачет? Невозможно было находиться здесь дальше, ждать нужного человека. Я спустился с чердака, где спал мальчик, вышел на улицу, слезы катились из моих глаз.

Еще одна трагедия гетто — сумасшествие. Психические заболевания наступают по большей части женщин и девушек. Даже первый приказ носить унижающие достоинство желтые латы и ходить по мостовой стал причиной помешательства некоторых из них. Эти женщины набрасывались на проходивших мимо людей с желтыми нашивками, требовали, чтобы они сорвали позорные знаки рабства, растоптали их. Но особенно много безумных появилось после массовых “чисток” и расстрелов.

Такую девушку я видел сегодня. Совсем недавно вместе с отцом, матерью и двумя братьями она стояла в группе людей, уводимых на смерть. Кто-то сумел чудом выхватить ее из толпы обреченных и сохранить ей жизнь. Но — какую жизнь! Красивая, с черными, как смоль, волосами и большими глубокими глазами, она лежит на досках у добрых людей, взявших ее к себе и поместивших вместе с собственной дочерью. Ее черные глаза открыты, но она ничего не видит, ничего не слышит, не отвечает на вопросы. Связь с внешним миром прервана. Внутренний же ее мир заполнен ей одной ведомыми и понятными картинками. Она непрерывно говорит что-то о черной собаке, которая хочет ее укусить, зовет брата Зелика отвести ее к матери, ей надо рассказать матери что-то важное. Слезы льются из ее широко открытых, тупо глядящих перед собой глаз. И вместе с ней над ее судьбой плачут люди, давшие ей кров, плачет ее случайная подруга, дочь этих людей.

Всех сошедших с ума немцы забирают из частных домов и из госпиталя и немедленно расстреливают.

12 июля 1942 года. До этого дня всей жизнью в гетто ведал Еврейский Совет (Юденрат). Но 11 июля немецкие власти распустили Совет. Нечего советовать, рассуждать, искать решения: все должно быть по-военному, должно делаться по приказу, отданному единолично. В этот день в гетто появилось следующее объявление: “С завтрашнего дня, 12 июля 1942 года, по приказу городского комиссара г. Вильно г. Гингста я беру на себя все руководство Виленским гетто. Моими заместителями назначаются: 1) инженер Анатолий Фрид — по административным делам; 2) Давид Деслер — по делам полиции. Якоб Генс, представитель гетто и начальник еврейской полиции. 11 июля 1942 г.”

Объявление вызвало среди жителей гетто большой переполох. Страхась малейшей перемены, они видят в любой из них начало ликвидации всего еврейского населения. Выступление г. Генса несколько успокоило евреев. Он объяснил, что меняется лишь форма правления: немцы хотят точного и быстрого исполнения их приказов, а это возможно лишь в том случае, когда во главе гетто стоит один человек, ответственный перед властями. Якоб Генс объявил благодарность прежним своим сотрудникам по Совету и большинство из них оставил в качестве руководителей отделов, подчиненных теперь ему лично. Руководящие лица гетто были назначены одним из первых его распоряжений. Во главе общего отдела поставлен Абрам Нотес, технического — инженер Григорий Гухман, квартирного — Иосиф Глазман, Шепсель Милькаповицкий возглавил отдел здравоохранения, Бенямин Сролович — социального обеспечения, Григорий Яшунский — просвещения и культуры, Хаим Трапидо — продовольственный отдел, Иоель Фишман — ремесленные мастерские, Мариан Нисбаум — отдел труда; г. Бройдо было по-прежнему поручено осуществлять связь между этим отделом и немецкой Биржей Труда. Тут же, в распоряжении, значилось, что все указанные лица утверждены представителем гестапо г. Мурером. Чтобы успокоить испуганное население

ние, новый единоличный правитель гетто объявил “амнистию” и освободил несколько человек, сидевших в арестантском отделении гетто в Лидском переулке; говорили также, что по просьбе г. Генса городской комиссар согласился “амнистировать” нескольких евреев, находящихся в Лукишской тюрьме. Пошли также слухи, будто немцы несколько увеличат территорию гетто за счет домов на прилегающих к нему улицах, так как теснота в гетто невообразима — 1–1,5 кв. м на человека.

Люди понемногу успокоились, “жизнь” потекла по-прежнему. По-прежнему с 6.30–7 часов утра до 4–5 вечера — работа и постоянное ожидание “чисток”. По-прежнему в гетто запрещено вносить съестные припасы, и всякого за попытку совершить такое “преступление” жестоко избивали при входе и сажали под арест, — и по-прежнему некоторые руководящие лица в гетто и чины еврейской полиции добывали продукты у спекулянтов и устраивали кутежи. Так, бал, устроенный для Генса, Фрида и Деслера в связи с переменой образа правления в гетто, обошелся в 10 тысяч рублей — на столе были гуси, рыба, дорогие вина, водка, торты. Если еврейской администрации гетто удастся освободить из тюрьмы кого-нибудь, арестованного за самовольное появление на улице или за появление на улице без желтых нашивок (о том, что все евреи старше семи лет под страхом тюрьмы — для большинства это означало под страхом смерти — обязаны носить на груди и на спине желтую шестиконечную звезду, г. Генс напомнил также в первых своих распоряжениях), то родные и друзья освобожденного, сверх взимаемых за “труды” денег, должны отметить событие “балом” для начальствующих лиц.

17 июля 1942 года. Сегодня все население гетто снова встревожено. После некоторого времени относительного спокойствия — “чистка”. Требование немецких властей на этот раз — “только” 500 человек. Говорят, что еще недавно немцы потребовали “отдать” им детей до 13 лет,

но Еврейский Совет под разными предлогами оттягивал исполнение этого распоряжения. Существует даже мнение, что это и послужило причиной роспуска Совета. Теперь немцы “доверили” новым руководителям гетто самим составить списки людей, обреченных на уничтожение. Якоб Генс отнесся к приказу трезво: лучше пожертвовать некоторым числом людей, чем потерять всех. Зато ему удалось заменить пока выдачу детей назначением на уничтожение людей старшего возраста, слабых, больных, не имеющих возможности зарабатывать и жить самостоятельно, прибегающих к общественной помощи.

По составленному списку еврейская полиция в 3–4 часа ночи обошла квартиры, собрала всех приговоренных к смерти, числом около ста, и поместила в арестантское отделение в Лидском переулке. Чтобы успокоить население, и самим попавшим в списки, и окружающим говорили, что всех отобранных людей повезут в летнюю колонию для укрепления здоровья; в подтверждение подлинности сказанного им предложили взять с собой постельное белье и кое-какую посуду. Более того, около 20 человек, которых обязались содержать родственники, вообще освободили. 17 июля днем еврейская полиция увезла 80 остальных в местечко Поспешки, где прежде находилась колония для еврейских детей от общества “Тоз”. Еврейская полиция утверждает, что через несколько дней туда приедут немецкие врачи и решат, кого оставить в колонии, а кого вернуть в гетто. Рассказывают также, что на этих днях в Вильно должна побывать комиссия Международного Красного Креста и немецкие власти хотят продемонстрировать свою гуманность и доказать всему свету, что разговоры о расстрелах евреев — клевета, распространяемая врагами Германии. Насколько основательны все эти разговоры, покажет самое близкое будущее. Об этом поведают люди, возвратившиеся из колонии. Но пока в их возвращение никто не верит: люди, увезенные из гетто, обратно не возвращаются. Все живут, парализованные страхом за сегодняшнюю ночь,

за завтрашний день, страхом перед надвигающейся новой катастрофой.

24 июля 1942 года. До сих пор никто из увезенных в Поспешки не вернулся обратно. Но, говорят, они живы, лежат на полу на своих тряпках. Охраняют их там шесть еврейских полицейских, которые дежурят посменно. Есть им дают. А в гетто тем временем продолжают хватать понемногу днем и ночью таких же больных, слабых, не имеющих возможности себя содержать, просто старых по наружному виду. Акция проходит пока “без жестокостей”: если, например, находятся родственники, которые берутся содержать взятых в тюрьму в Лидском переулке, то таких арестованных освобождают и в колонию не увозят. Число “пенсионеров”, однако, постепенно увеличивается, и ходят слухи, что, когда оно достигнет требуемой цифры, их отравят и что уже выкопаны ямы для их захоронения. Но надо признать, что способ медленного выбора жертв действует на окружающих успокоительно. Диктатор гетто г. Генс собрал всех “колоннфюрер”, колонновожатых (которые водят группы на работу), и произнес перед ними речь; он объявил, что требование немецких властей о выдаче детей категорически отвергает и что пока он, Генс, руководит гетто, это требование выполнено не будет, но стариков, больных и тех, кто не может себя прокормить, он будет забирать. Что же это означает?

27 июля 1942 года. Можно уже сказать: финита ля комедия. Нет уже в живых стариков, больных, немощных, собранных в летней колонии “Тоз”. Всего три счастливица успели за эти дни умереть там собственной смертью. Остальных в три приема отвезли в закрытой грузовой машине на Понары и расстреляли. Вчера через ночные ворота со стороны Лидского переулка № 9 привезли обратно их постельное белье. Так закончилась еще одна страничка истории гетто.

30 июля 1942 года. Приказ не курить по вечерам на улице, а также иметь на карманных фонариках стекла синего и красного цвета показался жителям гетто шагом к каким-то новым строгостям. Тем более, что он был издан вскоре после того, как несколько немецких офицеров вдруг пришли в еврейский госпиталь и заявили, что из окон госпиталя, выходящих на Завальную улицу, подавались световые сигналы пролетающим над городом советским бомбардировщикам. Представитель гетто Я. Генс отверг это обвинение. Но по всему видно, что немецкие власти и, в частности, поставленные владыками над жизнью и смертью виленских евреев гестаповцы Мурер и Вайс ищут к чему придраться, что атмосфера снова начинает накаляться.

После убийства в летней колонии стариков и больных начали опять распространяться зловещие слухи о том, что немцы требуют новых жертв. Во все военные и гражданские учреждения, где работают евреи, разосланы запросы, хорошо ли они работают, занимают ли места согласно специальности и не могут ли быть заменены специалистами-нееврейями. Что это значит, всем известно. Ставших ненужными евреев расстреливают.

Вечером 30 июля Якоб Генс собрал еврейских полицейских и заявил им, что слухи о новых “чистках” не имеют под собой никакого основания, что лиц, которые их распространяют, следует арестовывать. Он уверял своих слушателей, что гетто будет существовать и дальше, что недавняя “чистка” стариков, больных, одиноких была намечена еще до того, как он взял в свои руки управление гетто, что удалось к тому же ограничиться несравнимо меньшим числом жертв, чем предполагалось. Эта речь перед полицией возымела свое действие.

Измученные, полуголодные люди, живущие в постоянном напряжении и тревоге, ищут успокоения и рады ухватиться за протянутую им “соломинку”.

АВГУСТ—СЕНТЯБРЬ 1942 ГОДА.

ПАРАДОКСЫ

20 августа 1942 года. Парадоксальным и несогласным с окружающей действительностью явилось разрешение евреям купаться в определенном месте реки Вилии. Это объявление появилось в немецкой газете “М.Ц.” и показалось всем какой-то неожиданностью. Как! Евреям, которые лишены самых элементарных человеческих прав, даже прав, дарованных животным, которым нельзя ходить по тротуарам, а по мостовой, нельзя ездить на извозчике, которым даже разговаривать с арийцами запрещено, им, этим самым евреям, — вдруг разрешается купаться в реке, к тому же — в привлекательной лесистой местности! Зачем это нужно и почему об этом объявлено в газетах? Видимо, кому-то нужно, чтобы кто-то знал, что евреи еще живы и даже купаться в реке имеют право (правда, в той ее части, где вода очень грязная). Чтобы кто-то думал, что имеющимся в Вильне евреям живется хорошо, что о них заботятся, вот даже и купаться им позволяют, и через лес пройти. Да! Это было странно, даже очень стран-

но, и для самих евреев непонятно! Как-то не верилось. Просто не укладывалось в уме.

Но вот минула пара недель со дня появления газетной новости, и евреям гетто на самом деле разрешено было купаться, кроме субботы и воскресенья, в определенном месте, на самом дальнем конце леса, в “Закретах”, на известной части берега реки Вилии (около 400 метров), направляясь туда и возвращаясь обратно установленным порядком, в рабочих колоннах (по три в ряд), под началом колонновожатого с повязкой на рукаве, ведущего евреев, как обычно, по мостовой, по правой стороне улицы.

Когда загнанные, как дикие звери, евреи, униженные, морально придавленные, и особенно еврейские дети под руководством своих учителей, впервые были выведены из гетто и приведены в лес — то это всем показалось каким-то сном, а не действительностью. Люди ходили по лесу, смотрели на зеленую траву, на высокие деревья, на настоящую реку, друг на друга — и просто не верили своим глазам. Некоторые испуганно оглядывались кругом, щупали деревья, траву и самих себя, как бы желая убедиться, наяву ли все это происходит. Бесшумно и тихо раздевались люди, входили в воду без радости, дети без веселых криков, и никто не верил в счастливую действительность. Взрослые люди опасались ловушки, многие родители вовсе не отпускали от себя своих детей. А как недавно еще все было иначе! Всего лишь какой-нибудь год назад. И вдруг такая трагическая, роковая перемена. Дождутся ли эти несчастные новой, человеческой жизни? Припоминаются тут слова поэта:

*Ведало бы сердце, что в дали безвестной
Не блеснет приветно яркая звезда,
Вырвалось б на волю из темницы тесной,
Разорвав оковы жизни без труда.
Но покровом тайны скрыта даль немая.
Даль, что сердце манит все вперед, вперед...*

*И живет больное, робко ожидая,
Что в дали туманной свет зари блеснет...*

Да, если бы не было надежды, той малой согревающей искры, веры в спасение, в лучшую жизнь, — не одна сотня людей уже давно покончила бы расчеты с жизнью, освободилась от мучительной и кошмарной действительности. Но люди живут и надеются на лучшую жизнь. Дождутся ли?..

23 августа 1942 года. В воскресенье 23 августа, в 4.30 по полудню, вся Рудницкая улица от входа в гетто до противоположного конца, огражденного высоким деревянным забором, была неожиданно очищена от находящейся там обычно по воскресеньям густой толпы евреев. Никто не должен был ходить по этой улице ни по направлению к прилегающей к ней Мясной улочке, ни обратно. Теперь эта улица была закрыта для всякого движения. Никто не должен был теперь даже смотреть из окон домов, выходящих на эту улицу. Особенно дома № 6, где помещается концертная зала еврейского театра. “Что же тут должно произойти?” — тревожно спрашивали люди. К счастью, на этот раз ничего страшного. Евреям приказано было дать концерт для избранных немцев, для руководителей частей, для группы Розенберга — теоретика национал-социализма. Немцам захотелось, чтобы евреи, которые, как известно, были устранены от всякого участия в хозяйственной и культурной жизни, дали музыкальный концерт для знатных и сильных мира сего. Что за парадокс?! Немцам захотелось услышать истинную, высокую музыку, талантливую игру, и они приезжают в еврейское гетто, где на заборе при входных дверях, на специальном большом щите, черным по белому написано: “Внимание! Зараза — Чума! Вход для посторонних воспрещен!” Приходят немцы к этим зачумленным, прокаженным, отверженным евреям, чтобы они

своей игрой усладили их души, наполненные ненавистью к этим же евреям...

И как тут совместить эти два мира, эти две крайности: волшебные звуки симфонии (Листа, Шуберта) и звериные чувства людей, направленные на истребление таких же людей, более того — тех самых талантов, которые они пожелали услышать? Или, быть может, люди, пришедшие слушать этот концерт, совсем не хотят никого уничтожить? Быть может, ни те люди, которые теперь сидят в маленькой зале гетто и ждут начала концерта, ни многие другие, действительно, не хотят этого, не хотят делать зла ни в чем неповинным людям, а кто-то другой, который оторвал их от обычных мирных забот-занятий, отравил их души злобой и ненавистью к людям и намерен использовать их как орудие для достижения своих собственных целей, диких, нечеловеческих, для воплощения новых, лживых учений?..

В последнюю минуту, когда музыканты в своих оборванных рабочих костюмах, числом 27 человек, уже сидели на сцене и настраивали свои инструменты и дирижер Дурмашкин уже должен был начать концерт, вдруг — приказом свыше — назначенный концерт был отменен, и сидевшие в зале немцы немедленно удалились. Кто-то наверху спохватился и не допустил парадокса. Но парадоксом был уже сам факт, что 23 августа 1942 года в 5 часов вечера в гетто евреи должны были дать симфонический концерт специально для немцев, и таковой — тоже парадокс — в последнюю минуту был запрещен...

В пятницу, 28 августа 1942 года, гетто было всполошено новой акцией. Интересно, что почти все акции против евреев немцы проводили в ночь с пятницы на субботу, накануне наиважнейшего еврейского праздника, святейшего дня для всех евреев. В этом немцы видели особое удовольствие — причинять зло евреям именно в праздничные дни. Так и на этот раз: когда евреи возвращались в пятницу вечером с работы, как обычно в колоннах, при

входе в гетто каждую группу отдельно задерживали и проверяли рабочие книжки. У тех, кто работал в немецких частях и литовских учреждениях не по специальности, рабочие книжки отбирались, и им велено было на другое утро, то есть в субботу, отправляться на медицинский осмотр в комиссию врачей на Рудницкую улицу № 6. Этой же ночью еврейские полицейские производили проверку книжек у всех мужчин, находившихся в гетто, и таким образом было отобрано около 700 книжек. Годными к какой-то нужной работе комиссией врачей было признано около 100 человек (требований было на 138), и они под конвоем немцев, относящихся к ведомству СД, были отправлены с маленькими котомками в руках неизвестно куда. Говорили, что их отправляют в Вержболово на какие-то тяжелые работы. Но из других районов уже происходили такие отправки рабочих, и, как говорили, даже крепкие люди не выдерживали условий работ и умирали, а слабых просто пристреливали. Режим был каторжный: пищи давали утром и вечером кипяток с цикорием, на обед суп и 20 декаграмм хлеба в сутки. Почти никто долго не выдерживал. Нет ничего удивительного, что оставшиеся в гетто с плачем проводили уводимых, что повсюду при проводах можно было видеть сцены безутешного отчаяния.

Тревога объяла также и женщин, так как говорили, что в ближайшие дни наступит и их очередь. В городе появилось объявление немецких властей, что все неработающие мужчины от 14 до 18 лет должны зарегистрироваться для выполнения обязательных работ в сельском хозяйстве. От этих обязательных работ освобождаются женщины, кормящие грудных детей или имеющие двух и более детей, женщины моложе 14 лет, а также беременные женщины. Прочие женщины от обязательных работ в сельском хозяйстве не освобождаются. Регистрация будет происходить с 27 августа по 4 сентября 1942 года.

Это распоряжение касалось, правда, не только евреев, но вообще всего населения, евреи же как раз не счита-

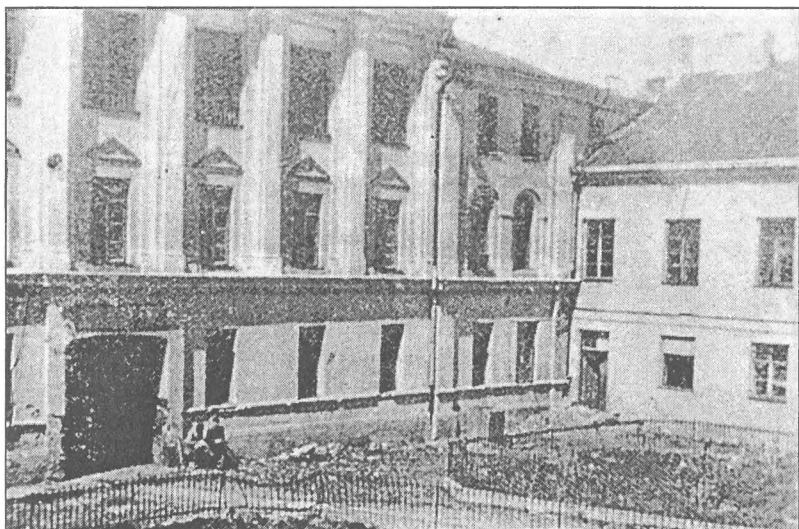
лись “населением”, так как они были в гетто, как бы тюрьме, вне общей жизни, но евреи понимали, что их оно коснется больше, чем всех других, и раньше, чем всех других, и отправят их на работы способом самым бесцеремонным. Многие женщины, зная по опыту, что самое лучшее — это спрятаться, начали ночевать в “малинах”. Но “малины” были плохим убежищем, так как теперь спрятавшихся искали еврейские полицейские, знавшие почти все “малины”, — поэтому некоторые разными способами выбирались за стены гетто и, кто имел такую возможность, ночевал у своих знакомых в городе, пока не выяснится положение вещей и не пройдет нависшая над гетто новая гроза.

Тревожное настроение среди населения гетто распространилось и в связи с тем, что неожиданно начали заново заделывать выходы из 1-го гетто. Со дня 6 сентября 1941 года, когда еврейское население города Вильно было загнано в гетто, все восемь выходов из гетто были наскоро забиты простыми досками, — в августе же месяце 1942 года эти деревянные заборы были заменены крепкими каменными стенами. Когда выходы из гетто были забиты только тонкими досками, через щели в которых можно было даже видеть опустевшие улицы города, то казалось, что это не навсегда, что в нужную минуту можно будет легко сломать эти доски и разбежаться по городу в разные стороны. Когда же люди увидели, что каменщики начинают возводить крепкие каменные стены, то чувство глубокой скорби объяло всех в гетто. Запахло кладбищем, холодной могилой. Чем-то зловещим веяло от этого на вид маловажного факта, о котором представитель гетто г. Генс заявил в первом начавшем выходить в гетто с 24 августа 1942 года бюллетене, что это будет только более красиво: “В скором времени с согласия областного комиссара деревянные заборы гетто будут заменены более эстетичными”. Но дело было, конечно, не в эстетике, не в “красоте форм”, а в создании более замкнутой тюрьмы, более прочной системы изоляции евреев от остального мира. Население гетто

правильно увидело в этом плохое предзнаменование. Оно не ошиблось.

В понедельник, 31 августа 1942 года, днем, началась охота за женщинами. Нужно было доставить 400 женщин в возрасте от 16 до 26 лет. В гетто на другой день было вывешено объявление г. Генса о необходимости зарегистрироваться всем неработающим женщинам от 16 до 25-летнего возраста. О регистрации женщин старше 25 лет будет объявлено особо. Из этого было видно, что акция еще не окончена. Когда в понедельник, 31 августа, началась охота за женщинами, то у них тогда только отобрали их “шайны” (белые, розовые и голубые), а их самих не трогали. Но так как количество отобранных “шайнов” было невелико, а на призыв объявления добровольно никто не откликнулся, то в ночь со среды на четверг — со 2-го на 3-е сентября — еврейская полиция гетто произвела проверку людей по всем квартирам и забирала женщин в возрасте от 16 до 25 лет, а те женщины, у которых раньше уже были отобраны их “шайны”, должны были теперь явиться на Биржу Труда. Тяжелые условия жизни ждали этих женщин. Измученные голодом, оборванные, исхудалые, они ждали отправки на неизвестные работы, неизвестно куда. Когда они вернуться, сколько из них вернется и вернуться ли они вообще, — этот вопрос тяжелым кошмаром давил самих высылаемых женщин и всех тех, кто был свидетелем этой отправки.

5 сентября 1942 года. Год тому назад, опять-таки в субботу, только днем позже — 6 сентября 1941 года, евреи были изгнаны из своих жилищ и заперты в гетто. Как бы для того, чтобы ознаменовать эту историческую дату, годовщину виленского гетто, к воротам гетто явился владыка над жизнью и судьбой евреев, всесильный г. М. (Мурер). Он был одет в штатское и, незаметно для посторонних наблюдая за происходящим, подкрадывался все ближе к воротам. Тут он неожиданно приказал обыскивать

Двор здания, в котором располагался
Еврейский Совет (ул. Рудницкая, д. 6)

Поздравление с Новым годом на воротах гетто

всех мужчин и женщин, возвращающихся с работы. Тех, у кого находили самое малое количество хлеба или других съестных припасов, он велел немедленно пороть. Некоторые получали продукты по месту работы: немного хлеба, рыбы. Виновных вводили в пустое помещение около ворот гетто или в караульное помещение еврейской полиции и по оголенному телу били палками. Женщины выходили из этих помещений экзекуции заплаканные и оправляли свои платья, а мужчины, придерживая руками спущенные еще штаны, молча, со стиснутыми в бессильной злобе зубами. Били еврейские полицейские — начальник воротной стражи Левас, ему помогал полицейский Шмильговский, а сам М. стоял тут же, руководил экзекуцией и наслаждался видом опозоренных, оскорбленных и униженных людей. За желание съесть кусок хлеба и внести в гетто немного еды для своего ребенка эти несчастные и беззащитные люди подвергались гнусной мере наказания. Высекли около 150 человек. После этого появилось специальное объявление от Генса о том, что запрещается строжайшим образом вносить в гетто что-нибудь съестное. И действительно, в последующие дни никто уже не мог пронести, возвращаясь с работы, никаких съестных припасов. Жители гетто начали голодать. Через два дня опять повторилась экзекуция, но в меньшем масштабе. Высекли человек тридцать — тех, которые не могли удержаться и, несмотря на запрет, все-таки имели при себе хлеб.

12 сентября 1942 года. Суббота. Сегодня еврейский Новый год. Евреи в трауре его праздновали. Все должны были обязательно идти на работу. Администрация гетто предупредила, что за прогул этого дня виновные будут строго наказаны. Евреи пришли с работы в три часа и тогда пошли молиться. Женщины в печали тихо сидели дома. Вместо обычного праздничного настроения всюду в тесных и темных жилищах царило уныние и горе. Люди встречали праздник, как приговоренные к смертной казни, без радости и без надежды на избавление. Глубокая

скорбь покрывала гетто в его первую годовщину. Вот почему иронией и насмешкой звучали надписи — ленты над воротами гетто (с внутренней стороны, конечно), на которых красовались приветствия от имени воротной стражи: “Мы желаем всем евреям счастливого года”. По-еврейски эти поздравления звучали дословно так. На воротах с Рудницкой улицы: “Вир виншен але идн а хсимо ихсимо тойве. Ди тейер вах”, с Госпитальной улицы: “Але идн, але идн а гутен йор виншт ди тейер вах”. Такое же приветствие всем евреям направил представитель гетто г. Генс. В специальном послании, расклеенном на стенах гетто и в обоих блоках рабочего лагеря “Кайлис”, он писал: “Я приветствую всех жителей гетто по случаю Нового Года. Я желаю всем здоровья, спокойствия и счастливой будущности. 12 сентября 1942 г. Вильно—Гетто. Новый год”. Если пожелание г. Генса можно было принять с дружелюбием и доверием, так как он искренно хотел добра евреям, то приветствие от имени воротной стражи звучало злой шуткой — полицейские весь год били и обыскивали евреев, отнимали у обитателей гетто всякую малость, которая могла облегчить им жизнь. Они имели больше оснований направить благодарность своим несчастным “клиентам”, вынужденно дарившим им оплаченные унижением и кровью продукты.

Через десять дней, 22 сентября 1942 года, вечером наступил Судный День — самый главный праздник в году. Этот день евреи отмечают постом. Обычно в этот день евреи не работают, не едят, не пьют и проводят его в молитвах. Теперь на стенах появились объявления г. Генса, чтобы все евреи непременно шли на работы и чтобы никто не оставался дома под каким-нибудь предлогом, так как это грозит тяжелыми последствиями для всех. Кроме того, были закрыты все синагоги, находящиеся в гетто, дабы люди не могли остаться в них и молиться. Таким образом, этот важный для евреев праздник прошел как обычный рабочий день. Люди отправились на работы, а остаток дня

провели в слезах, в печальных воспоминаниях об убитых родственниках, уведенных год назад. Но лучше уж было работать в этом году, чем праздновать этот день, как в прошлом, когда множество евреев вечером повели на смерть...

28 сентября 1942 года. Вчера умер учитель музыки Яков Герштейн. Виленское гетто провожало в последний путь любимого педагога, который тридцать лет сеял вечное, светлое и разумное. Это был активный деятель на ниве еврейской культуры, воспитатель нового поколения. Его знали во многих виленских школах, особенно долго и прочно был он связан с Новой еврейской реальной гимназией и еврейской учительской семинарией. Яков Герштейн организовал хорошо известные в городе ученический и народный хоры. Его чуткое сердце не выдержало происходящей трагедии и в печальное воскресенье, 27 сентября, перестало биться.

ОКТАБРЬ—НОЯБРЬ 1942 ГОДА. КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И ЛЮБОВЬ

19 октября 1942 года. После “чистки” стариков, увезенных на “поправку” в Поспешки и там погибших, в Вильно было до сего дня спокойно. И вот 19 октября 1942 года, в понедельник, из Вильно выехала “карательная экспедиция” в Ошмяны. Эта экспедиция была назначена для “чистки” евреев в Ошмянах. К великому стыду и позору, экспедиция состояла из евреев, которые должны были сами произвести эту “чистку” своих несчастных собратьев. Цинизм или, вернее, садизм немцев в том и состоял, чтобы сами евреи провели это ужасное дело. Еще на день раньше, в воскресенье 18 октября, пришел в гетто г. Вайс, представитель гестапо, и принес форменные фуражки литовских солдат, только с металлическими значками Звезды Давида. В тот же день еврейские полицейские стали снимать у проходящих по улицам гетто евреев кожаные пальто. Это нужно было для экипировки карательной “экспедиции” еврейских полицейских. Мало им было участвовать в омерзительной миссии, они желали для пущей

важности иметь “солидную” внешность. Всего было одето в форменные солдатские фуражки 22 полицейских. Утром 19 октября они, возглавляемые Деслером, заместителем представителя гетто по полицейской части, и под начальством г. Вайса поехали в Ошмяны “чистить” евреев.

“Работа” свелась к тому, что участники экспедиции выбрали 406 евреев и застрелили самым холодным и циничным образом. И нечего спрашивать — почему? Очень просто. Первоначально гестапо требовало 1500 молодых женщин и детей, жен и детей 1000 молодых мужчин, которых в прошлом году “ликвидировали” в Ошмянах. Но благодаря стараниям представителя гетто г. Генса удалось “отделаться дешевле”: выбрали 404 человека старшего возраста и двух малых детей и их-то отдали в руки палачей. Это считалось за “удачу”... Вид вернувшихся еврейских полицейских в форменных литовских фуражках являл собой картину низкого падения людей, служащих своим убийцам. Они — еврейские полицейские — вошли в роль, стали дерзки, нахальны, грубы, жестоки и воображали себя истинными владыками над жизнью и смертью прочих несчастных своих братьев в беде. Они воображали себя почти немцами из гестапо и думали, что гарантируют себе жизнь своей низостью и послушанием. Но, как тут теперь стало известно, немецкое гестапо в Барановичах вырезало все еврейское гетто в числе 9000 человек, в том числе всех полицейских во главе с комендантом и Советом гетто.

29 октября 1942 года. По сведениям, дошедшим сюда из Варшавы, там уничтожили около 400 тысяч евреев, живших до сих пор в гетто. Осталось в живых из еврейского населения гетто численностью 450 тысяч человек лишь около 50 тысяч, остальные вывезены из гетто и уничтожены, а гетто ликвидировано. Способ убийства этих людей был двойкий: обыкновенный расстрел из ружей и пулеметов и посредством удушения газом в закрытых вагонах. Точных сведений, однако, нет.

30 октября 1942 года. В окрестных местечках — Друя, Обсы, Видзы, Дрисвяты, Казани и многих других — происходили “чистки”, то есть малое число работоспособных евреев погнали в одно центральное гетто, устроенное в Свенцянах, а остальных — детей, женщин и мужчин старшего возраста — расстреляли. Из этих местечек молодые люди бежали, спасаясь от смерти, в виленское гетто. Но здесь руководитель, г. Генс, всех новоприбывших задержал, обыскал, отобрал найденные при них деньги и отослал прибежавших обратно в Свенцяны. Таково было требование немецких властей и гестапо. Генс объяснял на собрании колонновожатых, что так надо было сделать, ибо при молодых, работающих на немцев людях останутся жить и уцелевшие старшие, то есть что в Свенцянах может быть устроено самостоятельное гетто, наподобие виленского, которое будет так же долго существовать, как существует и виленское гетто. Насколько это верно — неизвестно. (Верно: 23.02.43.) Сегодня были произведены обыски в гетто и в двух рабочих блоках “Кайлис” — искали новоприбывших людей из местечек, где происходят “чистки”.

Одновременно с продолжающимся уничтожением евреев на всей занятой немцами территории происходит насильственное переселение и другого местного населения — поляков и литовцев. Им приказано переселиться со своих насиженных земельных участков, из своих имений, причем запрещено брать с собой инвентарь, скот, запасы снятого только что урожая и лучшую мебель. Разрешается брать с собою немного мягких вещей и кое-что из дешевой мебели. На место выселенных насильственным образом, под страхом смерти, сельских хозяев помещают немцев из Германии. Выгнанные со своих старых, обжитых мест литовцы начинают роптать и понимать, что немцы совсем не считаются с ними, не относятся к ним, как к верным пособникам, так много помогавшим при завоевании края, содействовавшим в борьбе против русских войск. Они начинают понимать, что время, когда они были

“помогалочками” вроде тех, какими дети пользуются во время еды, уже прошло, и что скоро немцы проглотят их самих...

1 ноября 1942 года. Сегодня гестапо арестовало четырех еврейских девушек по обвинению в интимных сношениях с немцами — девушек расстреляли. Они работали в немецких военных учреждениях, как работали многие еврейские женщины, — убрали комнаты офицеров, унтер-офицеров, фельдфебелей. Нет никаких доказательств, что эти девушки действительно сожительствовали с немцами, но не было бы также ничего удивительного, если бы это соответствовало истине. Разве могут молодые девушки противостоять требованиям немцев, иногда откровенному принуждению? Но они же и расплачиваются за это жизнью...

Хочется сказать несколько слов и об интимных отношениях в самом гетто. В ненормальной обстановке — в квартирах, густо заселенных жильцами, на чердаках, на лестницах, в подворотнях — люди находят время встречаться, чтобы провести друг с другом хоть самое короткое время.

Между молодыми людьми возникают порой самые возвышенные, самые пылкие романы, но нередки и простые физические отношения в тесноте и темноте бессонных ночей, на общих деревянных нарах, при молчаливом согласии соседей по комнате. Нередко женщины, мужья которых погибли или увезены неизвестно куда, должны были, чтобы остаться в живых, “приписаться” под видом жен к мужчинам, имеющим рабочие свидетельства, чьи настоящие жены, в свою очередь, тоже уже расстреляны. Такие связи возникали нередко как обыкновенные торговые сделки, даже и за деньги, но затем перерастали в любовные семейные отношения. Но, случается, мужчина, имеющий жену, начинает интересоваться какой-нибудь одинокой женщиной, у которой увели мужа: вдруг завязывается настоящий роман с изменами, сценами ревности

и т. д. О потомстве никто не думает, его всячески стараются избегать. Немецкие власти не допускают прироста еврейского населения. А если все же рождается ребенок, то в госпитале его уносят в специальное помещение, вроде погреба, откуда не слышно крика и плача новорожденных. Иногда новорожденного приходится умерщвлять. Лишь в случае категорического протеста родителей ребенок остается жить.

Может быть, интимные отношения часто возникают в гетто даже слишком легко. Неуверенность в завтрашнем дне способствует этой легкости отношений. “Живи, пока живется”, бери от этой страшной жизни все, что можешь сегодня, сейчас от нее взять, — завтра тебя самого, может быть, уже не будет в живых. При этом жажда жизни, молодость оказываются сильнее смерти и старости. При малейшей возможности жизненные силы пробиваются сквозь черную кору постоянно ожидаемой гибели...

5 ноября 1942 года. Трагизм происходящего трудно даже вообразить. В самом деле, можно ли представить себе такое положение, когда сами же евреи охотно отдают на убой за совершенный проступок людей, о которых доподлинно знают, что они этого проступка не совершали?.. Между тем, именно это произошло сегодня.

В пятницу, 30 октября, еврейские рабочие, возвращающиеся с лесозаготовок, привезли с собой продукты, полученные в деревнях в обмен на отданную крестьянам одежду. На вокзале они были задержаны и обысканы. Съестные припасы у них отобрали, но самих рабочих благодаря заступничеству немецких солдат, руководителей этой группы, не арестовали и отпустили в гетто. Через несколько дней гестапо, узнав о происшествии, потребовало от представителя гетто выдать на расстрел за совершенное “преступление” 100 человек. Представитель гетто, приводя всевозможные доводы, просил гестаповцев смягчить наказание. После долгого торга “сошлись” на 10

женщинах, не имевших к произошедшему на вокзале ни малейшего отношения. Как ни дико покажется это умственно здоровому человеку, известие, что удалось так легко “покончить дело”, было встречено с радостью. Тотчас нашли 10 одиноких женщин, чьи мужья были уведены прежде, и передали их г. Вайсу. Все они расстреляны.

8 ноября 1942 года. Сегодня состоялись торжественные похороны еврейского полицейского Носона Шлиосберга. В последнее время он возглавлял еврейский рабочий лагерь по заготовке дров в деревне Сорок Татар в 23 верстах от Вильно и там был убит. Говорят, что убили его советские партизаны. Убитый деспотически, жестоко обходился с рабочими, притом содержал их в крайней нужде и тяжелых условиях. Сам он жил в большом достатке и чувствовал себя в лагере маленьким царьком. Когда к нему из леса пришли неизвестные люди, в его квартире находилось несколько рабочих. Им предложили выйти, самому же полицейскому прочитали приговор: за жестокое отношение к рабочим, за издевательство над своими братьями он осуждался на расстрел. С него сняли сапоги, другие вещи и деньги у него не взяли (это опровергает официальную версию убийства с целью грабежа), а потом выпустили в него восемь пуль. Тяжело раненого, его привезли в Вильно в гестаповский госпиталь, где он и умер.

Похороны Шлиосбергу устроили действительно самые торжественные. Улицы от госпиталя до ворот гетто были открыты для прохода. За катафалком следовали самые “важные” лица гетто: Якоб Генс, его помощник Деслер, начальник воротной стражи Левас и прочие. Пожарники в медных касках из пожарной команды гетто несли горящие факелы. Полицейские “украсили” свою одежду черным крепом. Объявление, расклеенное на улочках гетто, гласило: “7 ноября 1942 года умер старший полицейский Носон Шлиосберг, руководитель лесного рабочего лагеря в местечке Сорок Татар, который был тяжело ранен грабителями и после тяжелых мучений умер. Он исполнил

свой долг, пал жертвой на своем посту. Честь его памяти. Похороны состоятся в воскресенье, 8 ноября, в 9 часов утра. Представитель гетто и шеф полиции Я. Генс". Но жители гетто не разделяли траур руководителей. "Собаке — собачья смерть", "Так будет со всеми ними", — слышалось в толпе.

В тот же день в 3 часа дня состоялись совсем другие похороны. Тихо скончался в госпитале гетто доктор Геллер, работавший в отделе статистики. Не выдержало больное сердце. Угасла чистая жизнь. Д-р Геллер был известен как достойнейший, кристально честный человек. Все легко узнавали его низенькую фигуру (он был горбат), он мало говорил, но глаза его всегда были полны сочувствия к каждому, кто обращался к нему с просьбой или вопросом. Безысходное положение, в котором находятся евреи, заставляло его постоянно и глубоко страдать. Только недавно прочитал он для желающих две лекции по истории еврейских гетто. Похороны д-ра Геллера были очень скромными, — не сравнишь с торжественно выставленным на всеобщее обозрение катафалком полицейского. Но светлый образ его надолго сохранится в памяти виленских евреев, если они, конечно, останутся в живых.

ДЕКАБРЬ 1942 ГОДА. КВАРТИРА

Чтобы составить представление о квартирах, в которых живут еврей-“счастливыцы”, пока еще не уничтоженные благодаря тому, что трудятся на предприятиях, обслуживающих немецкую армию, — заглянем в один из лучших домов — так называемый блок, отведенный под жилье для наиболее привилегированных рабочих меховой фабрики “Кайлис”, изготавливающей тулупы для немецких солдат и шубы для офицеров. Этот дом находится напротив здания фабрики на ул. Шептицкого (Миндаугиене) № 7.

Квартира, которую мы осматриваем, как и большинство квартир в этом доме, состоит из двух комнат и кухни. Войдя в дверь, мы прежде всего попадаем в кухню, размером пять метров на три. В кухне живут шестнадцать человек. Стены, потолок и пол — все почти одного цвета — темные, сырые и грязные. Стены и потолок покрыты плесенью, а пол почти всегда мокрый, особенно в том месте, где находятся водопроводный кран и раковина. В углу напротив двери стоит большая печь, занимающая квад-

ратный метр площади. Посреди комнаты и вдоль стен поставлены деревянные нары, сколоченные из разных, какие только удалось найти, досок, положенных на козлы. На этих нарах, а где нет нар, прямо на полу, лежат какие-то лохмотья и темное постельное белье. По стенам развешено множество узелков с вещами — эти узелки занимают почти всю поверхность стены, вязанки лука, кое-что из домашней рухляди.

На нарах посреди кухни лежит бледная, исхудалая молодая женщина и кормит грудью ребенка. Тут же сидит ее муж, лет тридцати, красивый, черноволосый, с тонким орлиным носом на узком лице. У их ног устроилась старушка, мать мужа, с таким же тонким, красивым лицом и орлиным носом, но седая как лунь. На других нарах, стоящих вдоль стены у окна, налево от входа, размещается другая семья, состоящая из мужа и жены, еще совсем молодых людей. Женщина больна ангиной, у нее очень высокая температура; горло больной обернуто шалью, но лежит она возле мокрой стены, у разбитого окна, а на дворе зима, бушует вьюга. Каждая из этих семей завесила свои нары большой тряпкой — не то грязной простыней, не то старой и тоже грязной скатертью: “занавес” несколько скрывает их семейный быт от посторонних глаз и немного заслоняет от холодного ветра, врывающегося в кухню всякий раз, когда кто-нибудь отворяет дверь. Еще дальше, совсем в углу, — третья семья из четырех человек: муж, жена, сын и девушка-племянница. У этих нет нар — они сидят и спят прямо на полу, на своих мешках, набитых теми немногими вещами, которые им удалось захватить с собой, когда их погнали в гетто. Этот угол ничем не огражден, ничем не завешен. На полу около печи, на разостланной газетной бумаге, живет молодая девушка, сестра милосердия. Тут же, рядом с печью, на двух деревянных ящиках пристроен старый дырявый матрац, из которого сыплется гнилая солома. На нем — поперек — лежат три совершенно чужих друг другу человека. По другую сторону печи, на полу, на расстеленных тряпках, ютятся два брата, оба больные, с желтыми лицами и

лихорадочно блестящими глазами. В этой же кухне моются и варят себе еду остальные жильцы квартиры. Дым наполняет кухню, выедаёт глаза тем, кто обитает в ней. На полу стоят лужи от наливаемой у раковины воды. Есть в кухне маленький общий столик, которым пользуются по очереди. Но едят по большей части каждый на своих нарах, на своих мешках, в своем углу на полу. Говорят же все одновременно и достаточно громко, в кухне стоит несмолкаемый говор, который сверлит уши, как дым ест глаза.

В каждой из двух комнат квартиры живет по десять человек. Нары здесь сделаны в два и три яруса, одни над другими, на полу никто не спит, но в меньшей из комнат, размером три метра на полтора, тесно так, что люди буквально трутся один о другого, едва находя возможность не то что двигаться, но повернуться. Духота невыносимая, спать при закрытом окне невозможно, даже зимой круглые сутки приходится держать открытой форточку.

Непереносимость таких условий существования особенно ощутима в вечерние часы, когда после работы все собираются вместе, спешат, в тесноте, духоте, при отсутствии самых необходимых предметов обихода, приготовить себе пищу, начинают укладываться спать. Нервы у людей напряжены, каждый за последние несколько месяцев пережил столько, что этого хватило бы многим людям на долгие-долгие годы, к тому же в крошечных комнатках собраны люди, совершенно разные по характеру, воспитанию, образованию, нравственным правилам, — немудрено, что по малейшему поводу и без повода возникают ссоры, поднимаются крик, ругань, доходит дело и до драк...

Мы побывали в квартире рабочего блока, которая много лучше и удобнее других. В самом гетто в одной комнате, случается, живут и по двадцать, и по тридцать человек. Живут люди также в погребах, подвалах, коридорах, сырых, темных трущобах. Глядя на то, как живут оставленные пока в живых “счастливы”, не перестаешь удивляться, что в таких условиях люди вообще сохраняют способность жить.

ДЕКАБРЬ 1942 — 1 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА.

ЭКЗЕКУЦИЯ У ВОРОТ

5 декабря 1942 года. Эти дни были полны печали и тревоги, печали от страшных известий об участи евреев из соседних городков и местечек, тревоги о своей собственной участи. До виленского гетто дошли сведения, что евреи, жившие в Поставах, Дупиловичах, Глубоком, полностью уничтожены. Ликвидация их происходила следующим образом. По приказу гестапо исполнители акции окружали район гетто, поджигали и забрасывали гранатами деревянные домишки, а всех, кто пытался выбраться из пылающих строений, спасти бегством, встречали пулеметным огнем. По улицам металась живые факелы и падали, как почерневшие сучья, а тот, кто не успевал сгореть, погибал от пули. Уцелевших почти нет. Лишь несколькими одиночкам, обгоревшим и полусумасшедшим, удалось добраться до леса или спрятаться у окрестных жителей.

В настоящее время небольшое число евреев сохранилось в виленском и ковенском гетто, а также в Паневежах, Свенцянах и Ошмянах. Что будет с ними, неизвестно.

По большей части они заняты на тяжелых работах, приносят пользу немецкой армии, но никакой уверенности, что их оставят в живых, у них нет. Ходят слухи, будто немцы довольны их работой и обещают евреям больше не истреблять. Властитель виленского гетто объявил цинично, что до апреля евреи могут быть спокойны, так как теперь зима, земля промерзла. Но это, конечно, только насмешка. Крестьяне, живущие около страшной местности Понары, рассказывают, что и теперь там копают ямы. Говорят, что на этих днях на Понарах расстреляли сто поляков, арестованных за участие в политических организациях. Вывезли и расстреляли также всех сидевших под арестом в местной тюрьме. Таким образом тюрьму периодически очищают от ее обитателей. Сколько десятков тысяч расстрелянных закопано на Понарах — неизвестно. Ямы, которые вырыли там русские военные для хранения горючих материалов, — огромны. Железные листы, которыми эти ямы были устланы, немцы вынули и забрали, а ямы заполнили тысячами трупов и залили их хлорной известью.

8 декабря 1942 года. Сегодня еврейский руководитель гетто г. Генс по приказу гестапо изъял все имеющиеся у частных лиц запасы продуктов — белой муки, из которой пекли булочки для продажи, сахара, из которого изготавливали конфеты. Конфеты и булочки продавали как в самом гетто, так и вне его, в частности в немецких и литовских учреждениях, куда евреев приводили на работу.

Такая торговля приносила кое-какие доходы, без которых было очень трудно обойтись, так как за работу евреям платят до смешного мало. Дневной заработок составляет 12 рублей, а хлеб стоит 50–60 рублей за килограмм. Понятно, что семье из четырех человек ежедневно нужно не меньше двух килограммов хлеба, это уже 100–120 рублей. Даже если не покупать больше никаких продуктов питания, надо прибавить к этой сумме плату за квартиру, освещение и отопление. Это составит минимум 200 рублей

в день. Приходится разными путями добывать хоть часть недостающих средств.

Отсутствие заработков отрицательно влияло на материальную и нравственную обстановку в гетто. Сначала большинство его обитателей жило от продажи вещей, которые они сумели сберечь и взять с собой при переселении в гетто. Некоторым удалось получить вещи, которые они оставили на хранение знакомым неевреям. Часто эти знакомые вещей не отдавали, сочиняя разные небылицы. Но были и другие, которые возвратили евреям все, что получили от них, иногда они брали плату за хранение, но, бывало, отдавали вещи безвозмездно. Евреи продавали также чужие вещи, найденные в квартирах уже увезенных на расстрел соседей. Когда ни своих, ни чужих вещей уже почти не осталось, выменивали один у другого каждый то, что ему легче было сбыть, и, отправляясь на работу, выносили из гетто, чтобы продать, а также обменять на продукты или на что-нибудь необходимое. Жизнь заставила развивать разные производства. Когда приостановились массовые чистки осени 1941 года, те, кто имел какую-либо возможность добывать муку, сахар, табак, гильзы, начали печь булочки, пироги, изготавливать конфеты, набивать папиросы. Женщины и дети продавали все это с лотков и из-под полы у ворот гетто. Появились даже лавочки, ресторанчики, кафе. А во дворе дома № 15 по Мясной улице (на углу Госпитальной) возникли маленькие торговые ряды, получившие ироническое название “Гали”, где можно было приобрести разную галантерейную мелочь — пуговицы, иголки, мыло, нитки, резину на подошвы. Евреи, выходя на работы в город, с большим риском доставали и затем проносили в гетто нужные продукты, и сбывали их ремесленникам и лавочникам.

Эти производства и торговля были, конечно, запрещены, но продолжали существовать, несмотря на запрет. И вот теперь г. Генс расправился с ними со свойственными ему быстротой и решительностью. Закрыты все лавки съестных припасов, рестораны, кафе, уничтожены торго-

вые ряды на Мясной улице, имевшиеся там товары и продукты конфискованы. Особенно много готового товара, муки, сахара конфисковано на домашних кондитерских фабричках, а места производства закрыты и опечатаны. Особое внимание еврейские полицейские власти обратили на продажу водки, так как уже и за пределами гетто стало известно, что водку, которая совершенно исчезла в городе, можно достать в гетто.

Все эти мероприятия, правда, очень болезненны для отдельных частных лиц, но признаны необходимыми всем населением гетто. В связи со сменой руководства гестапо в гетто напряженно ожидают визита нового властелина. Обнаружение производств и торговли грозило обернуться катастрофой.

12 декабря 1942 года. Сегодня в виленской польской газетенке “Гониец Цодзиенни” напечатана пара маленьких заметочек, наглядно иллюстрирующих внешний вид города после полутора лет пребывания немцев. Жизнь в городе почти вымерла. Улицы опустели. Магазины закрыты. Движения почти никакого. Опустошение доходит до того, что, как гласит дословно заметка, “позавчера днем прохожие, идущие по Большой улице, увидели бегущего посреди улицы зайца. Наскоро была устроена за ним охота, и зайца поймали в воротах одного из домов”. Заголовок заметки: “Охота на зайца на Большой улице”. Так-то бедный заяц поплатился жизнью за то, что принял бывшую столицу Литвы г. Вильно за пустое поле. Но заяц не ошибся — город, действительно, стал пустым, вымершим полем. Большинство населения — евреи — убиты на Понарах и упрятаны в гетто, поляки вывезены в Германию на работы. Вторая заметочка рассказывает, что с крыши костела св. Катарины (на Виленской улице) ветер сорвал лист железа, который упал прямо на тротуар, но, к счастью, никто не пострадал. А причина простая: редко можно встретить прохожего на улицах недавно оживленного города Вильно.

28 декабря 1942 года. Гетто опять пережило тяжелый день. Вечером, когда люди, измученные, возвращались с работ, неожиданно появился Мурер, гроза виленских евреев, с другими сотрудниками гестапо и принялся у ворот тщательнейшим образом обыскивать всех входящих, причем некоторые мужчины и женщины, по его выбору и указанию, должны были раздеваться донага. На этот раз требовали не продукты, а деньги, до последнего гроша, и те немногие ценные вещи, которые еще остались у некоторых, — часы, обручальные кольца. Тех, у кого при обыске находили что-нибудь, немилосердно били. Руководил акцией сам Мурер, избивали людей несколько еврейских полицейских, возглавляемых начальником воротной стражи Левасом. Женщин заставляли раздеваться на глазах немецких офицеров и всех присутствующих. Люди должны были стоять раздетыми три минуты, некоторым женщинам Мурер приказывал делать гимнастику. Тех, у кого находили что-нибудь припрятанное, секли, нанося по 25 ударов. После порки избитые, с ботинками в руках и одеждой под мышкой, выбегали на улицу. Экзекуция сопровождалась громким смехом ее руководителей. Мурер, видимо, вообще любит смотреть на обнаженных женщин. Иногда этот немец заходит в баню, когда там моются женщины, при этом он запрещает им стыдливо отворачиваться. В караульное помещение у ворот впускали группами по 20 человек. Стоял мороз, на улице выстроились длинные ряды усталых, замерзших людей, со страхом ожидавших своей очереди подвергнуться позорной процедуре. Обыск продолжался до поздней ночи. Отобранные деньги, часы, обручальные колечки небрежно бросали на стол, в общую кучу, как бы намеренно показывая этим, что не в них дело, речь идет о том, что евреям не дано права владеть всем тем, чем владеют все остальные.

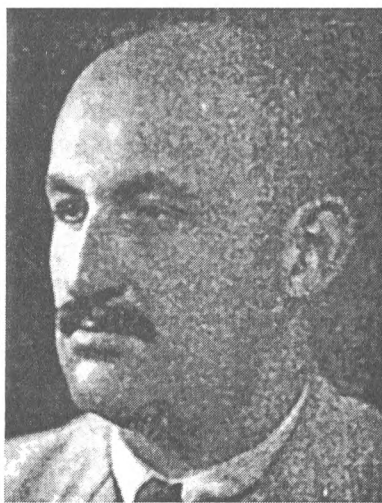
Когда эта возмутительная акция была окончена, Мурер поучительно произнес, обращаясь к начальнику стражи у ворот Левасу: “Ты молодец. Вот так-то надо проводить проверку евреев”. Надо добавить, что Левас несколько

У входа в гетто проверяют наличие “желтого шайна”.
У кого удостоверения нет — того ожидают Понары

Мартин Вайс, представитель гестапо в гетто

Саул Деслер, заместитель руководителя гетто,
начальник еврейской полиции

дней назад попал у Мурера в опалу: его должны были прогнать со службы и арестовать за попытку провезти в гетто контрабандным образом воз с мукой. После экзекуции этот рьяный исполнитель приказов начальства подошел к Муреру и просил помилования. Довольный его “работой” гестаповец объявил Левасу, что он остается на своем посту и должен действовать впредь согласно данному ему сегодня наглядному уроку. Еврейские полицейские закончили этот вечер большой попойкой. Участие в экзекуции оказалось для них еще и весьма прибыльным: многие успели перед обыском передать им деньги и вещи в надежде после хоть что-нибудь получить обратно. Теперь все, что было отдано, навсегда осталось в карманах у полицейских.

31 декабря состоялась свадьба начальника “Торвахе”, воротной стражи гетто, Леваса и дочери некоего Кушнера. Свадьба привлекла внимание населения гетто именно потому, что женился “сам” Левас — гроза несчастных евреев, руководитель всех обысков, избиений, поборов, откровенных грабежей. Свадьбу устроили торжественную. На церемонии присутствовала вся “знать” гетто. Под венец новобрачных вели — начальник полиции, правая рука шефа гетто г. Деслер и уполномоченный гетто при немецкой Бирже Труда г. Бройдо с женами. Был традиционный балдахин, был раввин с бородой, бросили на пол стакан, который остался цел, и потому пришлось бросить его еще раз, чтобы он все-таки разбился на счастье молодым супругам. Гостям подавали чай, вкусные торты, печенье — все как в доброе, мирное время. Прочие жители гетто про себя желали новобрачной, чтобы она скорее овдовела, а молодому мужу, чтобы свадебный балдахин обернулся для него катафалком...

1 января 1943 года. Новый год евреи встречают в ожидании, что он принесет им избавление от мук. Все желают друг другу какого-нибудь чуда, которое еще может спасти от гибели тех, кого ежедневно подстерегает смерть.

История адвоката Каплана (набросок)

Облик адвоката Каплана — высокого роста, большой лоб, бородка (имеется фотография). Его красивая жена. Счастливая семейная жизнь. Почет.

Большая квартира, красиво обставлена. Зал с колоннами, приемная, просторный кабинет. В кабинете — глубокие кожаные кресла для гостей. Очень красивая спальня.

Польский магистрат г. Вильно получил перед 1-ой мировой войной денежный заем от Англии. После войны для урегулирования вопроса о долге в Англию посылают адвоката Каплана. Он умен, образован, отличный профессионал. Его успешная деятельность приносит большие выгоды всему населению.

Начинается 2-я мировая война. После захвата немцами Вильно адвокат, его жена и сын, мальчик 12 лет, отправлены в гетто. Квартира разгромлена, имущество разграблено. Оборванный, исхудалый, с опухшими ногами, он работает каменщиком. Рано, чуть свет, тащится с партией евреев-рабочих далеко за город и вечером, уже в темноте, возвращается обратно. Стража у ворот — литовцы и еврейские полицейские — бьют рабочих, обыскивают их, отнимают все, что они пытались пронести: хлеб, картофель, полено, чтобы затопить печь. Все это разрезано на куски, спрятано под рубахой, в штанах, в шапке, в ящике для инструмента. Обысканных заводят в пустое помещение близ ворот (бывшая колбасная Глезера), мужчин и женщин раздевают догола, секут. Тут же находится представитель гестапо М.

Адвокат приходит домой, т. е. в угол маленькой, темной, сырой комнаты, где живут еще пять семейств (обстановка кв. № 5 1-го блока “Кайлис”). Он молчаливо переживает происходящее, все больше хиреет, болеет, но работает (картина работ).

Он умирает в госпитале. Картина еврейского госпиталя в гетто. Вид врачей. Больные в коридорах, по 8–10 человек в маленьких палатах. Стоны и вопли беспомощных больных.

Сон адвоката перед смертью. В его бывшую квартиру кто-то стучится. Служанка отпирает дверь. Вваливается красноармеец, усталый, голодный, в шапке с наушниками, валенках, в изорванной одежде. Прибегает мальчик, сын адвоката, падает к ногам красноармейца, обнимает его ноги. Адвокат и его жена приносят красноармейцу хлеб, спрашивают его, близко ли русские, скоро ли придет спасение. Каплан просыпается, видит, что он в госпитале гетто, и умирает.

Его, вместе с другими шестью мертвецами, в заколоченных ящиках ставят на телегу, накрывают черным сукном и везут на кладбище (две-три улочки гетто). Провожать разрешено только до ворот гетто. Дальше идти нельзя. Никто не плачет, кроме жены. Остальные завидуют. Счастливец — он умер своей смертью. Его не мучили, не застрелили на Понарах, как тысячи других...

ФЕВРАЛЬ 1943 ГОДА. ЛИТОВЦЫ И ПОЛЯКИ

3 февраля 1943 года. Сегодня началась облава на литовцев и поляков.

Литовцев, до сих пор помогавших немцам в истреблении евреев и прочих “вредных элементов”, хотят теперь отправить помощниками на фронт, сражаться с большевиками. Но герои грабежей и убийства беззащитных людей ни в коем случае не хотят воевать ни за немцев, ни за “свое отечество”, в чем убеждают их немцы, ибо они уже видят, как будет выглядеть их “отечество” под властью немцев. Они сбрасывают выданные им немецкие мундиры и вместо того, чтобы погружаться в поданные для них вагоны, разбегаются кто куда — в леса, по деревням. В поисках беглецов немецкая полиция безопасности СС стала задерживать на улицах прохожих и проверять у всех документы. Поляков тоже задерживают, сажают на грузовики и доставляют в полицейские комиссариаты. Занятых на немецких и литовских предприятиях и в учреждениях отпускают, а остальных высылают на работы. Ули-

цы города в последнее время и так были малолюдны, теперь они совсем опустели. Только кое-где слышен лай собак да перекличка ловчих.

Литовцы и поляки хоть в некоторой степени испытывают теперь тот страх, в котором уже почти два года живут евреи, оставшиеся пока в живых после всех “чисток”.

Когда евреев, как стадо баранов, уводили на убой, поляки говорили, что они бы никогда такого не допустили, что они восстали бы и с оружием в руках защищали свою жизнь и честь. Но вот настала их очередь — и никакого протеста, никакого сопротивления пока не видать...

В этой ситуации оказываются возможны совершенно парадоксальные факты. Те самые литовцы, которые раньше сгоняли евреев в гетто и расстреливали на Понарах, сами теперь спасаются от преследующих их немцев “у евреев”, в районе гетто. Под покровом темноты они стараются незаметно перелезть через стены гетто, чтобы спрятаться на чердаках или в подвалах. Но теперь уже еврейская полиция получила от немцев строгий приказ не допускать этого.

9 февраля 1943 года. Архиепископ Литовский в Ковно отказался благословлять литовский легион, отправляющийся на фронт.

13 февраля 1943 года. Почти два месяца назад, 18 декабря прошлого года, гестапо арестовало группу евреев, возвращавшихся с работы в Дембувке (имение около Вильно). В группе было 19 человек (4 мужчин и 15 женщин), каждый вез в подшитых под одеждой мешках несколько килограммов муки. При обыске их сильно избили, затем отправили в литовскую полицию безопасности, а оттуда в арестантское помещение гетто (в Лидском переулке). Но когда об этом узнал Мурер, то приказал немедленно доставить всех в распоряжение гестапо, в Лукишскую тюрьму, откуда в последнее время нет возврата. Некоторые из руководителей гетто попробовали догово-

риться с немцами о выкупе арестованных. Это было очень сложно, тем более что и значительных денежных сумм или ценностей в гетто уже не было, приходилось с большим риском добывать то, что кое у кого еще было припрятано в городе. И все-таки за три раза удалось освободить всех. Последних девять человек освободили сегодня...

Время от времени Лукишская тюрьма полностью очищается от обитателей, то есть всех вывозят ночью на Понары и расстреливают. Тотчас после этого тюрьма снова раскрывает свою ненасытную пасть и поглощает новые жертвы. Чтобы быть расстрелянным, не надо быть большим преступником, а для еврея достаточно просто быть евреем. Если еврей попал в тюрьму, у него очень редко оказывается возможность выйти из нее живым. Разве что кто-то, связанный с немецкими властями (например, из руководителей гетто, лично в этом заинтересованный), берется за него хлопотать, и притом удается собрать требуемую большую сумму денег. Но и деньги не всегда помогают. Судьба человека зависит от каждого отдельного офицера гестапо. Если один соглашается за известную сумму освободить арестованного, а другой на это не идет, то надо ждать, пока этот другой уедет, например, в отпуск. Между тем выжить в тюрьме непросто. Арестованные спят в нетопленных камерах, прямо на полу; зимой люди опухают от холода, обмораживают ноги. Есть дают кусочек хлеба, примерно 50 граммов (столько попадает в камеру, половину забирает себе тот, кто раздает хлеб), два раза в день разведенный цикорий (это называется "кофе") и один раз пустое варево, почти воду, называемое "супом"... Но если кто-нибудь из столпов национал-социализма (Геббельс, Геринг, тем более сам Гитлер) произносит в Германии речь, где непременно говорится что-нибудь плохое о евреях, участь всех арестованных евреев решена — их расстреливают в ту же ночь. (Приписка. Так 22 февраля был расстрелян рабочий-скорняк Бенъямин Бреслин. Он отдал знакомой польке пальто своей уже раньше расстрелянной жены с просьбой продать и на выручен-

ные деньги купить ему хлеба. Польку задержали, пальто отняли, а Бреслина расстреляли. С ним вместе расстреляли еще 9 евреев. Как раз накануне произнес речь Геринг.)

16 февраля 1943 года. В День государственной независимости Литвы немцы наглядно показали литовцам, как они, немцы, понимают это событие. Появился приказ, запрещающий литовцам устраивать в честь праздника какие-либо демонстрации, шествия, собрания как на улицах, в открытых местах, так и в закрытых помещениях. Даже в церквях запрещено произносить по этому поводу речи и проповеди. Не разрешено вывешивать отдельно литовских государственных флагов — они могут быть вывешены лишь рядом с немецкими флагами. Только теперь, кажется, литовские националисты поняли, что их самостоятельность для немцев гроша ломаного не стоит.

Кое-где в городе произошли столкновения между литовцами и немцами. В гостинице “Европа” на Доминиканской улице поднялась револьверная стрельба; на место происшествия прибыли в бронированной машине вооруженные гестаповцы. Стало известно об убийстве гестаповцами нескольких литовцев. Так, 16 февраля застрелен на месте директор мельниц Бронислав Шакен. В литовской газете опубликовано много соболезнований жене и детям трагически погибшего директора. Рассказывают, что в частной, мирной беседе с немецким офицером литовец спросил: “Когда вы перестанете оплакивать Сталинград?” Ответом на вопрос был выстрел из револьвера, которым он был убит на месте.

19 февраля 1943 года. Опять секли евреев у ворот гетто. Лиза Ш. принесла пару килограммов картофеля. Тут же стоял Мурер. Он сорвал с женщины платье и собственноручно нанес ей 15 ударов резиновой палкой.

21 февраля 1943 года. Во всем крае начались экзекуции над местными крестьянами за невыполнение обяза-

тельных поставок продовольствия для немцев. 14 февраля в Троках расстреляно четверо крестьян. Их привели на рынок со скованными руками, и немецкий офицер всех их убил. В местечке Жижноры за такое же преступление приговорено к смерти пять человек крестьян. Расстреливал их тот же офицер, что и в Троках.

5 АПРЕЛЯ 1943 ГОДА. ОБМАНУТЫ И УБИТЫ

Этот день был самым страшным днем для всего населения виленского гетто. В этот день разыгралась новая кровавая трагедия после долгого времени затишья. В этот день в лесу на ст. Понары среди бела дня расстреляно около пяти тысяч человек. В самом убийстве невинных людей ничего нового не было, но способ подготовки и выполнения этой “операции” потряс всех еще оставшихся в живых евреев...

Незадолго до этого дня гестапо потребовало через представителя виленского гетто г. Генса, чтобы все евреи из окрестных небольших городков, где они еще оставались в гетто, и рабочих лагерей были немедленно доставлены в Вильно, а затем в Ковно, Жосли, Вевьи. Генсу было поручено объехать все малые гетто Виленской губернии и заверить евреев, что это, мол, делается для того только, что их гетто находятся недалеко от фронта, а также чтобы предохранить евреев от обвинений в сношениях с русскими партизанами. Были даны заверения, что евреи будут в

целости и сохранности переселены на места нового пребывания. Им позволили взять с собой все свое имущество и съестные припасы.

Первая небольшая часть евреев Свенцянского гетто в несколько сот человек, в том числе члены Еврейского Совета и более богатые евреи, благополучно прибыли подводами в виленское гетто. Это успокоительно подействовало на остальных, и все добровольно и охотно стали собираться в Вильно и Ковно, доверяясь обещаниям Генса, что им ничего не угрожает, что все будет в полном порядке и что транспорты на места назначения отведет виленская еврейская полиция. По поручению гестапо г. Генс побывал в Михалишках, Ошмянах, Сольях и прочих местечках Виленской губернии, где были еще разбросаны небольшие гетто, и всюду г. Генс убеждал евреев, что везет их на жизнь, а не на смерть. В самом виленском гетто тоже стали составлять списки желающих переселиться к родственникам в Ковно; в списках оказались и старожилы гетто, и несколько сот вновь прибывших сюда из окрестных местечек, лесных и рабочих лагерей.

В воскресенье 4 апреля 1943 года из виленского гетто вышла первая группа — около 400 человек, записавшихся ехать в Ковно, под конвоем еврейских полицейских отправилась на вокзал и разместилась в товарных вагонах. Накануне этого дня еврейские рабочие из технических мастерских виленского гетто по приказу гестапо работали на ст. Вильно, где стояло 80 вагонов, заполненных евреями, привезенными из окрестных мест и назначенными к отправке в Ковно. Эти еврейские рабочие заделывали окна вагонов проволокой и забивали досками все отверстия, чтобы нельзя было оттуда вылезти. Это было уже само по себе подозрительно, но факт, что транспорт отведет в Ковно еврейская полиция, и заверения гестапо, данные представителю виленского гетто г. Генсу, успокаивали всех. И люди, сидевшие в вагонах, были даже веселы, пели песни, ели и пили, так как захватили с собой из

своих местечек и городков значительное количество продуктов. Они были довольны, что едут в большой город Ковно, где гетто считалось самым просторным и относительно благоустроенным.

Но вот к последнему вагону, где находились еврейские полицейские во главе с представителем гетто г. Генсом и шефом еврейской полиции г. Деслером, подходит польский железнодорожный рабочий, смазчик, и, оглядываясь по сторонам, чтобы не быть замеченным немцами, шепотом говорит: “Евреи, берегитесь! Поезд идет не в Ковно, а только до Понар. На это только расстояние выдано угля и смазочных материалов. Спасайтесь!” Это известие ошеломило представителя гетто г. Генса. Он сразу понял, что тут что-то неладно. Но он все же не допускал, чтобы его так обманули. Ведь он имеет бумагу от окружного комиссара г. Вильно, что везет транспорт в Ковно. Ему ведь г. Мурер показал бумагу г. Миллера, представителя ковенского гестапо, что им нужны 5000 еврейских рабочих. Он спешит к дежурному по станции немецкому офицеру, но тот заверяет его, что поезд идет в Ковно. Представитель виленского гетто возвращается обратно в вагон и сообщает о своих подозрениях своему помощнику г. Деслеру, но размышлять уже некогда: поезд трогается с места, и еврейская полиция, встревоженная и взволнованная, едет неизвестно куда, сидя в последнем вагоне огромного эшелона.

Но вот поезд проезжает через небольшой тоннель перед ст. Понары, и тут послышался вдруг таинственный немецкий и литовский говор ожидавших здесь агентов гестапо и литовских солдат особого отряда. Все сразу стало ясно. Коварный план гестапо вполне удался...

Поезд останавливается на полустанке Понары, и тут сразу начинается ужасающая, подлая, потрясающая, просто невероятная кровавая массовая бойня. В последний момент перед началом экзекуции к вагону, в котором сидели еврейские полицейские, подбежал г. Вайс и велел им немедленно сесть в грузовую машину и ехать в Вильно, в

гестапо, и там ждать его приезда. Еврейская полиция таким образом была спасена.

Начали открывать по порядку вагоны, выводить оттуда людей, загонять на подготовленную площадку, окруженную литовскими солдатами, а также в огромную яму. Там все должны были под дикими ударами нагаек и ружейных прикладов раздеться, снимая даже нижнее белье и оставаясь совершенно голыми. Все мужчины, женщины и дети голыми загонялись через узкий канал из одной ямы в другую. В ошеломленную неожиданностью, потрясенную массу людей разъяренные, пьяные литовские солдаты — числом около ста — под руководством десятка немцев, агентов гестапо, стреляли из ружей, револьверов и пулеметов, туда же, в яму смерти, бросали ручные гранаты. Ружейные пули, которыми расстреливали несчастных, были “дум-дум”, они разрывали тела убиваемых.

Когда люди в задних вагонах увидели, что происходит, они в отчаянии и панике стали выламывать окна и двери и разбегаться в разные стороны. Но литовские солдаты и агенты гестапо стали расстреливать убегающих на лету, как улетающих птиц, и жертвы падали тут же, на полотне железной дороги, или недалеко в лесу, где настигали их смертельные пули. В отдельных случаях агенты гестапо и сам г. Вайс гонялись за убегающими по лесу и там убивали их револьверными выстрелами. Некоторые молодые и здоровые люди отчаянно бросались на своих убийц, предательски заманивших их в ловушку, и маленьким перочинным ножиком или чем-нибудь другим, оказавшимся под рукой, наносили им удары. Тут были убиты двое литовских солдат и ранен один немец из гестапо.

Расстрел обманутых людей продолжался с 11 часов утра до 3 часов пополудни. Убито было около пяти тысяч человек. Спаслись очень немногие. Один человек спасся, спрятавшись в вагоне с вещами, где он пролежал под мешками с одеждой и едой два дня. Некоторые уцелели от пуль, удачно спасшись бегством, и при помощи окрестных жителей на следующий день пришли в виленское гет-

то. Немецкие власти, узнав об этом, издали приказ, чтобы евреи, самовольно прибывшие в виленское гетто, были немедленно выданы им в руки.

Несколькими днями раньше на ст. Ново-Свенцяны подобным же образом был расстрелян транспорт евреев из гетто г. Свенцяны. Еврейская полиция виленского гетто вывела этот транспорт из гетто г. Свенцяны, убеждая людей, что их переселяют в Вильно, но подвезли их по узкоколейному пути только до ст. Ново-Свенцяны. Там было приказано еврейской полиции немедленно ехать обратно в Вильно, а транспорт переняли уже ожидавшие здесь литовские солдаты особого отряда под руководством агентов гестапо и, отведя прибывших к опушке леса недалеко от станции, стали расстреливать безоружных людей. Убитых закопали тут же, в приготовленные заранее ямы.

Тут, как и на Понарах, отдельным людям удалось спастись. На ст. Ново-Свенцяны маленькая девочка с простреленной ножкой добежала до леса, уселась, обессиленная, на пень и в отчаянии и страхе осматривалась по сторонам. Издали она увидела какую-то приближающуюся к ней женщину, и как велика была ее радость, когда оказалось, что это была ее собственная мать... Такая же сцена повторилась в виленском гетто. Восемилетнему мальчику удалось спастись от смерти на Понарах. Встретившие его по дороге польские мальчики сняли с него пальтишко и ботинки, но показали ему дорогу в Вильно. Когда он, босой, пришел в город, в гетто, то к великому своему удивлению вдруг увидел на улице спасшегося от смерти своего отца. Но матери своей и двух сестричек он уж не увидит больше: они убиты и лежат, холодные, в общей могиле...

В истории истребления людей, кажется, не было еще подобного коварного способа массового убийства. По обдуманному заранее плану были подлой ложью заманены в ловушку тысячи молодых и здоровых людей и убиты, как животные на бойне. Эти молодые и здоровые люди, профессиональные рабочие и специалисты-ремесленники, все время работали на немцев и были уверены, что, принося

своей работой пользу, останутся жить. Но гестапо не нужна была их работа, а только их уничтожение. Если бы они знали, что их вывезут на расстрел, как это делали до сих пор в Вильне и в других местах, если бы поняли, что это была, так сказать, обыкновенная “чистка”, то они могли бы подготовиться к защите, они недешево отдали бы свои молодые жизни. Это, наверно, понимали и гестаповцы, потому и решили применить к крепким провинциалам новый дьявольский план, пользуясь при этом содействием полиции виленского гетто, тоже введенной в заблуждение.

Наглость гестаповцев, их уверенность в послушании и исполнительности еврейской полиции были настолько велики, что на другой же день после этой страшной трагедии, когда все гетто было потрясено известием об ужасающей бойне, устроенной в лесу при ст. Понары, агенты гестапо, с г. Вайсом во главе, приехали на своей большой зеленой машине, в которой могут поместиться человек 30–40 и в которой часто из тюрьмы вывозили на расстрел на Понары арестованных людей, и потребовали от Генса немедленно дать им 25 еврейских полицейских, бывших накануне на Понарах. В гетто начался обычный переполох, увеличенный страхом вчерашних убийств. Все стали прятаться по углам. Перепуганный представитель гетто наскоро собрал требуемое число полицейских и выдал их г. Вайсу, который увез их на своей машине. Куда и зачем они уехали — никто не знал. Как потом оказалось, их увезли сначала в виленское гестапо, а оттуда на Понары, они должны были собирать и хоронить мертвых евреев, лежавших в разных местах в лесу, где были настигнуты пулей. Кроме того, еврейским полицейским было приказано собрать и загрузить в товарные вагоны одежду убитых, лежавшую в первой огромной яме, где они раздевались перед смертью; эта одежда вместе с оставшимися в вагонах домашними вещами и съестными припасами была отправлена в Вильно. Тут-то в одном из вагонов и нашли спрятавшегося еврея.

Доверчивость провинциальных евреев, уверенность, что их везут действительно в ковенское гетто, были так велики, что они взяли с собой в дорогу все свои вещи, подушки, одеяла, кухонную посуду и разную домашнюю утварь. Все это было привезено в Вильно на склады гестапо, где еврейские же рабочие из виленского гетто, в присутствии агентов гестапо и под их контролем, должны были тщательно сортировать вещи, тщательно их обследуя, не спрятаны ли где деньги и драгоценности. Деньги, если их находили, хорошую одежду и вообще лучшие вещи забирала немцы. Все прочее — старая одежда, порванные одеяла, подушки, кухонная рухлядь — было отослано в виленское гетто. Когда десятки подвод, нагруженные вещами убитых, стали въезжать в гетто, население гетто вздрогнуло, как бы пронзенное электрическим током. Жестокость убийц дошла до такой степени цинизма, что они открыто показывали всем несчастным, что было сделано с их братьями и что ждет их впереди...

Все поняли этот вызов, но безоружные и бессильные люди ничего иного не могли делать, как только в ужасе и страхе ждать своей очереди. Да набожные евреи, как обычно в таких случаях, объявили ближайшие дни днями поста и траура в память убитых. Это все, что сделали несчастные рабы...

Когда через несколько дней немецкая Биржа Труда потребовала от гетто известное количество евреев на работы, то еврейская Биржа Труда при виленском гетто многозначительно ответила, что рабочих вывезли в Ковно...

МАЙ 1943 ГОДА. “СОБАЧЬИ НОМЕРКИ”

В мае 1943 года все евреи, находящиеся в гетто и рабочих блоках, получили удостоверения личности (“Personal Ausweis”). Новые удостоверения имели форму книжечки желтого цвета. На первой странице стояла большая буква “M” (Mann) — для мужчин, или “W” (Weib) — для женщин. Далее следовало примечание, что “Personal Ausweis” действителен только вместе с рабочим удостоверением, выданным немецкой Биржей Труда еще в апреле 1942 года. Тут же, на первой странице, стояла печать в форме Звезды Сиона с надписью в середине “Polizeiamt Wilno”, номер удостоверения, фамилия и имя владельца, имя его отца, год и место рождения, семейное положение, личные приметы и профессия. Затем была подпись представителя и начальника полиции гетто Я. Генса, оттиск пальца владельца удостоверения, место и дата выдачи: Вильно — Гетто. Май 1943 г. На третьей странице был указан номер рабочего удостоверения, полицейский участок, куда приписан владелец, и явочный пункт в гетто.

В придачу к удостоверению каждому еврею выдали круглый жестяной номерок, вроде собачьего. На кружке белой жести отштампована Звезда Сиона и в ее середине — порядковый номер, буквы “WG” (виленское гетто) и опять-таки “M” или “W”. Эти “собачьи номерки”, как называли их сами гестаповцы, евреи обязаны носить, как собаки, на шее и предъявлять по первому требованию немецким и еврейским властям.

Выдача удостоверений личности и “собачьих номерков” вызвала большую тревогу среди населения гетто. Все были убеждены, что это не к добру. По гетто поползли зловещие слухи. Говорили, что пожилые люди паспортов и номерков не получают и будут убиты как “лишние” и ненужные. Седые женщины стали красить волосы, старались придать себе более молодой вид. Некоторые мужчины, если имелась такая возможность, записывали своих матерей “женами”, поскольку жены работающих мужей имеют много больше шансов сохранить жизнь, чем их матери. Вообще все старались при этой регистрации записаться годами помоложе.

Паника была на руку еврейским полицейским властям, занятым выдачей удостоверений и номерков. Кое-кто, как вообще при подобных акциях, погрел себе руки поборами и взятками. Гестапо же получило сравнительно точную статистику населения гетто.

Вскоре стало ясно, что выдача паспортов и номерков никому по-настоящему не была нужна. Это мероприятие, как и многие иные проводимые немцами, как раз и имели целью запутать и запугать евреев, поддерживать в них постоянную неуверенность и тревогу. К тому же среди гестаповцев немало подлинных садистов, “играющих” с евреями, как кошка с мышью, прежде чем окончательно ее задушить.

ИЮНЬ—ИЮЛЬ 1943 ГОДА. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ГЕТТО

26 июня 1943 года в гетто чуть не произошел “дворцовый переворот”. Вышли наружу внутренние противоречия, обострившиеся за последнее время между руководящими лицами, в связи с вопросом об уходе молодежи из гетто в леса. Дело в том, что после убийства 5 апреля 1943 года около 5000 человек, завезенных обманном образом на Понары, у молодежи, да, впрочем, и у большинства обитателей виленского гетто, созрело твердое убеждение больше не давать убивать себя без сопротивления, как это было до сих пор, — люди решили организовать самооборону в самом гетто или уходить из гетто в леса. Так как для организации самообороны нужно было много оружия, которого нельзя достать, то остается второй вариант, а именно — уход в леса. Но уйти в леса могут только молодые и сильные люди, а в гетто остались бы тогда только те, кто послабее, люди старшего возраста, многие женщины, дети, не способные много и тяжело работать, и немецкие власти, не имея от них никакой суще-

ственной пользы, уничтожили бы их всех, как это сделано уже в Варшаве и других городах, где было много евреев.

Представитель виленского гетто г. Генс стоял на точке зрения сохранения гетто во что бы то ни стало, даже ценой выдачи на убой все новых людей по требованию немецких властей, торгуясь каждый раз с немцами о количестве затребованных евреев. Он называл это тактикой лавирования, выжидая лучшего будущего, предполагая таким образом сохранить хоть часть обитателей гетто.

Организатор молодежи г. Глазман был противником выдачи новых людей, но, не будучи в состоянии организовать самооборону в гетто, стоял за уход молодежи в леса.

Генс считал массовый уход молодежи из гетто равносильным уничтожению всего гетто и потому решил этому противодействовать всеми средствами. В течение последних недель производились тщательные обыски при входе в гетто и в самом гетто, а также в двух блоках меховой фабрики "Кайлис". Искали оружие и выявляли людей, нежелательных Генсу, организующих уход молодежи в леса.

Первым и самым главным организатором молодежи в гетто Генс считал Глазмана, и вот 26 июня, в субботу, среди бела дня начальник криминальной полиции гетто г. Остер по приказу Генса арестовывает у входа в гетто возвращающегося с работы Глазмана. В караульном помещении при входе в гетто ему накладывают на руки цепи и уводят во двор бывшего Еврейского Совета на Рудницкой улице № 6. Там его сажают на приготовленную подводу, привязывают к перекладине телеги и везут в назначенное для него место новой работы за пределами города, в имении Реша. Но тут происходит нечто непредвиденное и неожиданное для близоруких, слишком уверенных в себе исполнителей этого плана. Как из-под земли появились сторонники Глазмана, разогнали полицейских, сняли его с подводы, распилили цепи и увели его на ул. Страшуна № 6. Оказалось при этом, что и среди полицейских г. Глазман имел многих сторонников. Г. Генс между тем стоял за воротами гетто, на углу Рудницкой и Завальной, и, по-ви-

димому, ждал выезда подводы с увозимым Глазманом. Но видя, что никого нет, он поспешил обратно в гетто и тут узнал, что замысел, к стыду его организаторов, сорвался. Генса это очень разозлило. Он с револьвером в руке пробежал по Рудницкой улице прямо в комендатуру. Нет сомнения, что если бы борьба вокруг подводы с Глазманом еще продолжалась, то Генс принял бы энергичные меры, и, возможно, это повлекло бы за собою жертвы. Но все уже было кончено. Авторитет власти Генса сильно пошатнулся, а ореол славы Глазмана стал велик, как никогда. Именно это, в сущности, только и требовалось доказать.

Вечером того же дня Глазман добровольно уехал на работы в имение Реши (16 километров от Вильно) в сопровождении нескольких своих сторонников (но не тех полицейских, которых посылал раньше г. Генс), а Генс в тот же вечер произнес речь в театре, что он, мол, свою линию проводит и будет дальше проводить со всей решительностью. Если кто-нибудь хочет перенять у него руководство гетто, то он готов передать свою должность другому. Пока же никто не берет на себя его обязанности, он будет вести дело так, как считает необходимым. Он объяснил разницу взглядов, говорил, что речь идет о жизни большинства евреев и сохранении всего гетто, а не о малой группе “героев”, и закончил тем, что, хотя он и отдавал людей на расстрел, он иначе поступить не мог (почему? — об этом он теперь еще не может говорить), и что хорошим, порядочным людям он никогда ничего плохого не делал и делать не будет.

На следующий день начались репрессии в отношении сторонников Глазмана. Одиннадцать полицейских были смещены и посланы на тяжелые работы в Порубанок и другие места. Но когда эти бывшие полицейские вместе с другими сторонниками Глазмана возвращались вечером с работы, то при входе в гетто “народ” устраивал им овации.

На этом закончился этот “путч”, который должен был только доказать руководителю гетто г. Генсу, что он не так силен, как думает, что симпатии большинства на сто-

роне другой линии проведения внутренней и внешней политики в гетто.

30 июня 1943 года. Проводя свою тактику, г. Генс задержал трех молодых людей, желавших уйти в лес.

4 июля 1943 года. В субботу в 5 часов вечера в помещении театра состоялось собрание бригадиров, на котором новый представитель гестапо г. Китель произнес речь. Сам факт, что гестаповец произносит речь перед еврейской аудиторией, был очень удивителен. За все время существования гетто — это первый случай. Этот факт красноречиво говорит о том, что немецкие власти совершенно не опасаются евреев, — евреи уже так подавлены и терроризированы, что немцам с их стороны ничего не угрожает, и они могут совершенно свободно, как у себя дома, в полной безопасности ходить по улочкам гетто и делать, что им угодно.

К тому же немцы очень доверяют еврейской полиции гетто. И надо признать, что еврейская полиция, во главе с ее начальником Деслером, вполне заслужила доверие гестапо. В подтверждение можно привести следующий пример. На улице Росса находятся большие огороды, до войны принадлежавшие польским монахиням, а теперь конфискованные гестапо. Там жил гестаповец Вайс, жестокий палач, насквозь пропитанный кровью беззащитных евреев. И вот для охраны его жизни были приставлены восемь еврейских полицейских, которые ежедневно командировались к нему на огороды и которым на ночь выдавали оружие. Таков парадокс! Еврейские полицейские с оружием в руках охраняют жизнь того, кто отнял жизнь у десятков тысяч невинных евреев и кто собственноручно, ради своего удовольствия, застрелил сотни евреев и этим хвастал.

Сменивший Мурера и Вайса новый вершитель судеб виленских евреев г. Китель обратился к собранию бригадиров со сладким словом “господа” (“мейне геррен”) и сказал, что он, мол, человек не кровожадный, но за каждое нарушение его приказов или неточное их исполнение

будет расстреливать. Так, он раньше всего инструктировал бригадиров, чтобы они строго следили за своими рабочими. Точно знали число выводимых и приводимых обратно в гетто людей и о каждом недостающем рабочем немедленно доносили еврейской полиции. За каждого удравшего из гетто еврея ответственны все жильцы общих квартир, они должны поэтому своевременно доносить полиции о намеревающихся убежать. До среды, 7 июля, евреи гетто должны сдать все золотые вещи и драгоценности, а также деньги, оставляя себе только 30 немецких марок получаемого на каждого человека жалования. После этого срока он будет проводить неожиданные обыски, тот, у кого найдется недозволенное, не останется в живых. Он назвал себя специалистом по обыскам, немилосердным по отношению к провинившимся. Что касается пищи, то он обратился уже к окружному комиссару за разрешением евреям вносить в гетто небольшое количество хлеба, картофеля, супа и зелени. На этом кончилась его речь, оставившая весьма неопределенное впечатление.

8 июля 1943 года. Мне кажется, я могу сказать, как монах в пушкинском “Борисе Годунове”: “Еще одно, последнее сказанье, и летопись окончена моя”. Я писал почти о всех событиях еврейской жизни с начала войны между Советской Россией и Германией до 1943 года. Но мне кажется, я не успею все переработать, переписать и приготовить к печати. Пусть это сделает тот, кто будет иметь мои черновики, да простит он мне неряшливость, неразборчивость и несистематичность писания. Условия работы были очень ненормальные. Ни места, ни бумаги, ни чернил. Писал в страшной тесноте, иногда в клозете, иногда в сарае, когда не было чернил, то писал карандашом, писал на колене или на подоконнике, почти никогда — за столом. Но все же хотелось писать. Что-то меня тянуло, что-то требовало от меня: “Пиши, пиши”... Что не запишешь — забудешь... А события, происходящие теперь, так быстры, так ошеломительны, что если не запишешь

их сегодня же, немедленно, то завтра они уже покажутся неполны, неточны, — другие, идущие следом события заставят увидеть их по-новому, отодвинут на другой план. Надо записывать немедленно, потом может быть поздно...

А если бы я сам смог переработать и приготовить материал к печати, то я был бы счастлив...

Пока же пишу далее — о новых событиях.

11 июля 1943 года. Гестаповец Китель уже доказал свою “некровожадность”, о которой говорил в речи. 9 июля были без всяких причин и совершенно неожиданно уничтожены сразу два рабочих лагеря евреев — в Кенах и Безданах. В первом лагере, в Кенах, трудилось 282 человека на торфяных разработках, в Безданах — около 300 евреев на торфяных, сельскохозяйственных и других тяжелых работах. Кроме того, недалеко от ст. Безданы работало в лесу несколько десятков евреев по заготовке топлива для военного автомобильного парка № 562.

Все шло нормально. Евреи работали старательно и не подозревали никакой беды. И вдруг гром грянул. В 1 час дня в пятницу в Кены приехал г. Китель, собрал всех евреев в закрытом и огороженном колючей проволокой лагере и произнес речь о том, чтобы евреи прилежно работали, тогда им ничего не будет угрожать. Он закончил свою речь, вышел из лагеря, дал сигнал — свистнул, и тут же орава спрятанных поблизости литовских полицейских из особого отряда окружила лагерь, забросала его зажигательными и взрывчатыми снарядами и всех уничтожила; отдельные части человеческих тел, руки, ноги летали в воздухе. Удирающих застреливали из ружей и пулеметов, а остальные сгорели в пламени или были разорваны ручными гранатами. Крики сжигаемых слышны были далеко в окрестности.

Так было в Кенах, так было и в Безданах, с той разницей, что к безданскому лагерю прибавили случайно 24 человека из лесной группы евреев — рабочих литовского автомобильного парка. Спаслись только 11 человек этой лесной

группы, работавших далеко в лесу или ушедших в соседнюю деревню вместе со своими немецкими руководителями работ за покупками перед обратным отъездом в Вильно.

Отряд экзекуторов выехал из Вильно утром в пятницу; евреи, работающие при гестапо, должны были погрузить на автомашины пулеметы, оружие и амуницию, пули, гранаты и прочее. Они уже знали, что готовится кровавая экспедиция, но не знали, где, когда и над кем все совершится. И вот молнией пронеслась кошмарная весть: в Безданах и Кенах уничтожили, ни за что ни про что, около 600 беззащитных евреев.

Евреи из третьего лагеря в Белых Баках, где недавно убили за побег шести рабочих 67 человек, разбежались, куда глаза глядят, — в поля, леса, на произвол судьбы. Чего ждать от литовских экзекуторов, возглавляемых немецкими гестаповцами-садистами? Лучше погибнуть в лесу от голода и холода, чем от рук этих палачей. Люди бежали как были: без вещей, без пищи, мужчины, женщины с детьми. Лишь бы убежать подальше от страха, подальше от мучительной смерти.

Когда в виленском гетто узнали о событиях в Кенах и Безданах, горе объяло евреев. “Что будет с нами?!” — встал роковой вопрос. “Скоро ли и под каким предлогом уничтожат и нас всех?” — спрашивали друг у друга перепуганные люди. Тревога царила всюду. И вот в стенной газете гетто появилось объяснение кровавой драмы: еврейские полицейские власти сообщали, что ликвидация лагерей произведена из-за того, что евреи из этих лагерей имели якобы контакт с партизанами и что, мол, правы были руководители гетто, когда противодействовали уходу молодых евреев в леса. К тому же, раболепно добавляли сочинители заметки, немецкое командование считается с еврейскими рабочими, но предупреждает, что безответственные поступки отдельных лиц подвергают опасности все гетто. В этой же стенной газетке сообщается о введении запрета всякого рода собраний и прочих общих встреч в гетто без разрешения властей.

В воскресенье, 11 июля, палач, совершивший эти кровавые акты, неожиданно появился в гетто. Он был сильно пьян. Лицо и шея были красны, налиты кровью. Он пришел в театр и уселся во втором ряду, согнав с мест всех евреев, сидевших в первом. Представление тотчас было прервано, публика немедленно разошлась по домам. Улицы были сейчас же закрыты для движения, и все евреи в ужасе разбежались по своим углам в тесных общих квартирах гетто.

13 июля 1943 года. Напряжение достигло наивысшей степени. Казалось, уже начинается ликвидация. Люди потеряли голову. Ночью в гетто многие не раздевались и всю ночь не спали, ожидая в смертельном страхе, что вот-вот ворвутся гестаповцы и литовские полицейские, и начнется ужасный конец. Так прошла ночь. Утром атмосфера становилась все более сгущенной, и катастрофа, казалось, приближается все ближе и ближе. С каждым часом становилось все яснее, что гром может грянуть. Люди в отчаянии метались, как угорелые. Друг с другом никто не говорил, всякое слово казалось лишним. Если кто-нибудь заводил о чем-нибудь речь, его тотчас обступали со всех сторон, всем чудилось, что сказано что-то очень важное, новое. Каждое слово переиначивали, и через несколько минут оно уже было неузнаваемо. Если кто-нибудь говорил, что гестапо требует 1000 голов евреев на убой, то через несколько минут эта цифра вырастала уже до 15000. Одни говорили, что гестапо требует выдачи на расстрел всех женщин и детей. Другие говорили, что есть приказ утром не выпускать из ворот идущих на работы женщин и что это должно подтвердить правильность предположения о начавшейся ликвидации гетто. Так прошел почти весь день. Когда рабочие вернулись с мест своих работ, тучи, висевшие весь день над гетто, еще более сгустились и всех придавили своей свинцовой тяжестью. Официальные представители гетто гг. Генс и Деслер не потеряли, однако, головы. Они обратились за помощью к немецким

военным и гражданским властям, указали на пользу, которую евреи приносят своей работой, и просили выступить против несправедливого желания гестапо уничтожить всех евреев виленского гетто.

Вечером 13 июля стало известно, что гроза прошла стороной. Катастрофы, которая должна была разразиться над гетто, на этот раз не случилось. Генс и Деслер вернулись от виленского окружного комиссара г. Гингста, у которого прошло собрание всех инспекторов военных частей, где работают еврейские рабочие, и сообщили, что решено евреев виленского гетто не убивать. Эта радостная весть с быстротой молнии разнеслась по улочкам гетто, перелетела в оба рабочих лагеря “Кайлис”, находящиеся за стенами гетто, на ул. Шептицкого № 7, и наполнила сердца всех измученных страхом смерти людей надеждой жизни, хоть тяжелой, почти кошмарной жизни, но все-таки жизни. Люди знали также, что это только отсрочка смерти, что раньше или позже немецкое гестапо уничтожит все население согласно своей программе и желанию своего фюрера, но жить хотя бы еще некоторое время все же лучше, чем умереть сейчас же, немедленно. Вместе с этой радостью опять затеплилась в сердцах несчастных евреев и слабая надежда, что подоспеет какая-нибудь помощь, может быть, случится что-нибудь важное на театре военных действий, какое-нибудь событие в немецкой или русской стране, которое спасет евреев, обреченных на смерть.

Пока же смерть отступила назад. Как оказалось, военные и отчасти гражданские власти выступили против гестапо, пожелавшего немедленно уничтожить всех евреев, настаивали перед высшими властями, чтобы евреев, работающих на пользу армии, оставить — пока они нужны — в живых. Виленское отделение гестапо согласилось отложить операцию на другой срок и обратилось за разрешением этого вопроса в Ковно, Ригу и Берлин.

В ночь с 15 на 16 июля борьба между двумя течениями, которые в последнее время кристаллизовались в гетто,

Вершители судеб виленского гетто, представители гестапо Ганс Гингст и Франц Мурер

Ицик Витенберг, один из лидеров еврейской молодежи гетто, погибший в гестапо в июле 1943 года

между “глазманистами” и “генсенистами”, едва не приняла открытый характер.

Незадолго перед тем в городе арестовали некоего Козлаускаса, который в ходе допроса выдал гестапо еврея Ицика Витенберга, указав на него как на коммуниста, стоящего в тесных отношениях с советскими партизанами и группирующего вокруг себя еврейскую молодежь в гетто. Гестапо потребовало выдачи Витенберга. Но когда присланные за ним два литовских полицейских вели его по улочкам гетто, ему удалось бежать от них и скрыться. Странники Витенберга собрались на Ошмянской улице и решили с оружием в руках защищать его от ареста и до последнего защищаться самим, если в гетто придут литовские или немецкие полицейские силы. Генс тотчас понял серьезность положения. Уже в 6 часов утра по его приказу во дворе бывшего Еврейского Совета на Рудницкой улице № 6 была собрана большая группа рабочих-транспортников, попросту говоря — ломовых извозчиков, людей физически сильных, но по большей части необразованных, нравственно неразвитых, а также откровенных уголовников, “подонков”. Генс обратился к ним с речью, потребовав немедленно доставить Витенберга. После истории с Глазманом и “чистки”, которую Генсу пришлось провести в рядах собственной полиции, он опасался поручить операцию полицейским. Натравливая толпу на Витенберга и его сторонников, он говорил им, что это единственный для них способ спасти свою жизнь и жизнь своих близких. Но, арестовав Витенберга и передав его в руки гестапо, Генс, без сомнения, предполагал таким образом отвести грозу от гетто.

Темная толпа, бросившаяся в район Ошмянской улицы, где находился центр организованной группы молодежи, так называемых “глазманистов”, чтобы арестовать Витенберга, совершенно неожиданно для себя натолкнулась на вооруженное сопротивление. Более того, в руках возчиков и уголовников были только ломы, топоры и

камни, а сторонники Витенберга оказались вооружены пистолетами и ручными гранатами. Борьба была неравная, и толпе, натравленной на молодежь, пришлось отступить с “поля боя”.

Видя безвыходность положения, Генс вступил в переговоры с “глазманистами”, доказывая, что из-за одного человека могут погибнуть тысячи, — гестапо, узнав о происходящем, немедленно приступит к ликвидации гетто. Витенберг сам принял решение отдать себя в руки гестапо. Он был отвезен туда руководителем полиции гетто Деслером и, как говорят, сумел взять с собой яд. В гестапо его страшно пытали, добываясь сведений об участниках молодежной организации, но Витенберг ничего не сказал и принял мученическую смерть; наутро, желая продолжить допрос, немцы нашли в подвале его холодное тело.

Это событие всколыхнуло все гетто. Большинство его жителей с болью в сердце и трепетом душевным говорило о Витенберге как о герое, отдавшем жизнь во имя всех пока уцелевших евреев. Усилились симпатии к тем, кто стоял на позиции Глазмана и Витенберга. По слухам, сам Генс пообещал не принимать важных решений, не советуясь со сторонниками вооруженного сопротивления. Несколько дней все с тревогой ждали реакции немецких властей, но ее вроде бы не последовало.

Трагические события, произошедшие в понедельник, 26 июля 1943 года, показали, что успокаиваться у евреев нет никаких оснований, что немецкое руководство постоянно держит их под прицелом. Поводом для трагедии стал продолжающийся уход людей в леса. Ночью с воскресенья на понедельник 26 июля еврейская полиция по приказу гестапо арестовала 11 бригадиров вместе с их семьями, а также членов семей ушедших, и отвела их в арестантское помещение в Лидском переулке. В 11 часов утра того же дня приехала машина гестапо и увезла всех арестованных прямо на Понары, где их расстреляли. Всего забрали и убили на этот раз 32 человека. Бригадиры или колонновожатые тех организаций, где работали сумевшие бежать

из гетто евреи, заплатили за их побег жизнью. Их расстрел официально объяснили тем, что они своевременно не сообщили, как это было им приказано, об ушедших людях.

Руководитель гетто Якоб Генс попробовал спасти арестованных. Он доказывал представителю гестапо г. Кителю, что некоторые из них лишь недавно стали бригадирами, что некоторые из ушедших в леса уже не работали в организациях, бригадиры которых признаны ответственными за побег, он предложил, наконец, взамен арестованных, людей в большинстве своем молодых и притом хороших специалистов, некоторое число обитателей гетто старшего возраста, уже неспособных к активной работе. Г. Китель согласился на это предложение, забрал отданных ему на расстрел пожилых людей, но расстрелял также и бригадиров. Г. Генс имел еще один случай убедиться в том, что рассчитывать на справедливость при переговорах с немецкими властями не придется. Расстрелянные были люди всем известные, популярные среди населения гетто — многие восприняли их гибель как большое личное горе.

Вечером г. Генс приказал жителям гетто явиться во двор бывшего Еврейского Совета. Собрались, однако, очень немногие, пришлось даже дополнительно посылать полицейских по квартирам — созывать народ. В своей речи Генс всячески ругал организаторов ухода в леса, заявил, что они ставят на карту существование всего гетто, и призывал всех отказаться от подобных мыслей, порвать всякие сношения с безответственными лицами, приведшими евреев к этой страшной трагедии. Одновременно он убеждал слушателей, что возвратившийся именно в этот день из Ковно начальник гестапо г. Нейгебауэр заверил его, что численность населения гетто утверждена высшей властью и в дальнейшем уменьшаться не будет. Таким образом, можно работать спокойно, но при этом все должны следить друг за другом и немедленно доносить о каждом намечаемом случае побега. Не тот изменник и провока-

тор, кто сообщает об этом полиции, но тот, кто умалчивает и губит этим все гетто.

Несколькими часами раньше перед собранием бригадиров выступил г. Китель: он сообщил, что расстрелял сегодня 11 бригадиров и что при повторных случаях ухода в леса последуют еще более жестокие репрессии.

На следующий день был введен ряд ограничений и строгостей. Были отменены все пропуска, выданные отдельным лицам для хождения на место работы в одиночку. Теперь на работу разрешено ходить только группами не менее, чем из пяти человек. Запрещено работать дальше, чем в одном километре от города, а также в местах, где одновременно работает менее, чем пять человек. Там, где работает больше, чем десять человек, введены “десятники”, ответственные за приход на работу и с работы всех десяти человек.

27 июля опять были взяты некоторые члены семейств ушедших ранее в леса евреев. Дело приняло, по-видимому, серьезный оборот, и совершенно неизвестно, какие размеры примут акции гестапо.

Рассказывают, что началом трагических событий стало предательство провожатого-поляка, взявшегося указать путь ушедшим в лес евреям. Некоторые из них вручили ему свои документы и “собачьи номерки” для передачи оставшимся в гетто родным, чтобы подтвердить, как было с ними условлено, что все обошлось благополучно, но провожатый отнес книжки и номерки в гестапо. По картотеке было не трудно узнать имена и место работы ушедших людей, а, следовательно, имена членов их семей, а также бригадиров и колонновожатых организаций, где они работали.

28 июля в Вильне случайно узнали, что один из двух до сих пор еще оставшихся еврейских рабочих лагерей, а именно в Новой Вилейке, на днях ликвидирован. Всех работавших там евреев расстреляли. Крестьяне той мест-

ности сообщили, что евреи вывезены гестаповцами из лагеря якобы в виленское гетто, но так как в Вильно они не прибыли, то понятно, что их отправили на Понары. Остался ли последний лагерь — в Жежморах, или и там все уже расстреляны, пока неизвестно, так как сообщение с провинцией стало невозможно из-за новых строгостей.

29 июля 1943 года в Вильно приехала комиссия, чтобы посмотреть, как работают евреи, и вынести определение, оставить ли их еще в живых или уже ликвидировать. Решение о ликвидации было принято, по-видимому, еще в первых числах июля, но за евреев хлопотали военные части, где они работают и где без них пока трудно обойтись.

Состав комиссии очень серьезный: генерал, начальник гестапо всех восточных земель, прибывший из Риги, начальник виленского гестапо и его помощник, начальник снабжения армии, несколько высших офицеров службы безопасности (СД). Комиссия посетила мастерские в гетто, фабрику меховых изделий “Кайлис”, кожевенную фабрику “Фуре” и другие военные учреждения, где работают евреи. Приезд комиссии вызвал в гетто большое волнение. У ворот ее ожидали сам г. Генс, его помощник по полицейской части Деслер, начальник воротной стражи Левас и с ними двое полицейских. Больше ни одной живой души, даже из числа полицейских, на улицах не было. Гетто будто вымерло. Комиссия должна была убедиться в том, что все без исключения евреи заняты на работах. То, что комиссия увидела в мастерских и на других производствах, должно было доказать ей, как много сумели создать евреи за время, пока находятся в гетто, и какую пользу они приносят, несмотря на невыносимые условия жизни и труда. Но мнение комиссии, состоящей в основном из гестаповцев, предсказать невозможно. Вопрос о жизни уцелевших донныне виленских евреев теперь решается, и евреи с трепетом ждут своей участи.

Уйти в леса уже нельзя. Новые правила, введенные в дополнение ко всем, что были прежде: в 8 часов вечера

все жильцы должны быть у себя дома, а в 9 часов коменданты квартир обязаны сообщать полиции об отсутствующих, — не оставляют для побега никакой возможности. Всякая его попытка угрожает смертью семье ушедшего, а часто и другим людям.

АВГУСТ 1943 ГОДА. “НА РАБОТЫ” В ЭСТОНИЮ

5 августа 1943 года проведена новая акция: из гетто вывезено около 2000 человек. Еще несколько дней назад часть евреев, занятых на небольших немецких и литовских предприятиях, назначили на новые места работы — в Порубанок и на железную дорогу. Это сразу показалось подозрительным, так как ни тут, ни там не нужно было такого количества людей, — вполне хватало своих. Тогда же стало известно, что в Вильно прибыло несколько сот латышских и эстонских полицейских солдат. Они произвели в городе несколько облав на поляков, но, по общему мнению в гетто, это было сделано для видимости: главная цель их переброски в Вильно — участие в акциях против евреев.

Когда в Вильно приехал г. Китель, нынешний вершитель судеб виленских евреев, все сразу решили, что это начало конца гетто, приступ к его ликвидации. В отличие от Мурера и Вайса, г. Китель не является внезапно в гетто, не донимает мелкими придирками, не отнимает лишний кусок хлеба или полено дров, не участвует в

телесных наказаниях провинившихся. Он истребляет евреев без “эксцессов”, в строгом соответствии с планом “работы” гестапо. Он уничтожает их поодиночке, десятками, в пятницу, 5 августа, он захотел сразу 2000 человек. Так как взять сразу такое число людей в самом гетто сложно и, по мнению немцев, небезопасно (немцы осторожны), новый план предусматривал, что брать будут группами и вне гетто — на улице, на местах работы.

Утром в пятницу, 5 августа, всех, назначенных в Порубанок и на железную дорогу, вывели как обычно из гетто. К ним присоединили также тех, кто до последнего времени работал в Бурбишках, и группу евреев, находившихся под арестом за нарушения режима. Накануне вечером представитель Биржи Труда гетто г. Сегаль объявил им, что они будут освобождены, и утром, довольные и успокоенные, они отправились вместе со всеми. По дороге, уже на Киевской улице, часть колонны окружили гестаповцы и полицейские, прятавшиеся в воротах домов. Они хватали людей и отводили в бараки неподалеку от вокзала.

Группу рабочих из амуниционных лагерей “Бурбишки” — более ста физически наиболее крепких мужчин — взяли в ловушку на Радунском мосту, перекинутом высоко над железной дорогой. Когда группа вошла на мост, к ней спереди и сзади подступили подразделения полицейских солдат, руководимых гестапо. Удирать было некуда: спереди и сзади — вооруженная полиция, по бокам — высокие железные ограждения моста. Выбралось из западни только шесть человек. Четырех выручил случайно проезжавший мимо немецкий офицер, начальник амуниционного лагеря, двое удрали позже, когда им поручили закручивать проволокой двери вагонов с пойманными людьми.

Огромная группа — свыше тысячи мужчин и женщин, — направленная на аэродром “Порубанок”, была захвачена уже там. Вооруженные солдаты прижали рабочих к высокому забору с колючей проволокой в три ряда наверху. Некоторые рабочие, увидев, что попали в запад-

ню, бросились перелезть через забор. Солдаты открыли стрельбу. Люди, пронзенные пулями, падали на землю или оставались висеть на колючей проволоке. Больше двадцати человек было убито на месте.

Наиболее удачно сложились обстоятельства у тех, кто работал на железной дороге под охраной старых немцев из организации “Тодт”. Тут сумело убежать несколько сот человек, а раненых оказалось только десять.

Гестаповцы приехали с грузовой машиной и на лесопильный завод (бывш. “Шапиро”), где было занято человек тридцать евреев, всех поймали и увезли.

Схваченных евреев весь день держали в бараках у железной дороги, затем погрузили в товарные вагоны и отправили “в Ригу”. К поезду как будто прицеплен вагон, где находятся хлеб, ведра для воды, кружки. Немецкие власти заявляют, что людей действительно везут на работы в Ригу, но мало кто верит этому. За два года существования гетто все уже хорошо изучили, что значит “вывезти на работы”. За эти два года никто из вывезенных не возвратился обратно, ни от кого из них не получено никаких известий. Все помнят те пять тысяч евреев, которых 5 апреля увезли “в Ковно”, тоже “на работы”, все видели их вещи, открыто привезенные с Понар в гетто. Некоторым, конечно, хочется верить, что поезд и впрямь ушел в Ригу, — слишком тяжела утрата близких...

Характерна роль еврейских руководителей гетто, которые помогли гестапо провести эту акцию. Накануне г. Генс строго приказал всем, кто отобран, идти на новое место работы и пригрозил, что за неявку будет отправлять в арестантское отделение на Лидской улице, откуда гестапо в первую очередь увозит людей на Понары. После акции руководитель еврейской Биржи Труда г. Бройдо произнес речь на Рудницкой улице и заявил, что по-другому ничего нельзя было сделать — никто добровольно не согласился бы поехать “в Ригу”. Между тем немецкие власти якобы обещали ему, что людей действительно берут на работы, и он сам тоже убежден в этом.

8 августа в гетто явились начальствующие лица виленского гестапо — гг. Нойгебауэр, Майер и Китель. Перед бригадами и колонновожатыми выступил сам начальник гестапо г. Нойгебауэр. Он заверил всех собравшихся, что ничего плохого с вывезенными евреями не произойдет, что все они будут работать, что родственникам их скоро будет предоставлена возможность написать им письма и послать необходимые вещи (поскольку взяты они были врасплох), если же кто из членов семей захочет добровольно присоединиться к ним, то сможет поехать следом. Он говорил, что немцам нужны рабочие руки, что все рабочие — поляки, литовцы или евреи — для них равны, все одинаковы. Какое неожиданное, трогательное заявление!!! Он объяснил также, что власти должны были прибегнуть к такому способу набора необходимого числа людей, так как по своей воле никто, скорей всего, поехать бы не пожелал. Впредь немецкие власти намерены вербовать людей иначе: в гетто будут направляться лишь требования на необходимое число рабочих с тем, чтобы именные списки составлялись в самом гетто. В заключение начальник гестапо заверил собравшихся, что гетто может жить спокойно, евреям пока ничего не угрожает. Речь гестаповца г. Генс тут же перевел на еврейский язык, бригады и колонновожатые поспешили передать сказанное всем остальным. Но большинство евреев уже хорошо знает цену словам гестаповцев и не придает этим словам никакого значения. Одна надежда теплится в сердцах измученных людей — надежда на скорую смену режима в Германии, наподобие того, как это уже произошло в Италии.

10 августа жители 1-го блока рабочего лагеря “Кайлис” пережили большую тревогу. В 6 часов утра послышались шаги марширующих солдат, и тотчас по всей улице оказались расставлены патрули. Молнией сверкнула мысль: ликвидация! Все были уверены, что блок окружают латышские и эстонские солдаты в форме немецких СС и СД и вот-вот повезут евреев на Понары — расстре-

ливать. Люди второпях натягивали на себя одежду и выбегали из квартир в надежде где-нибудь укрыться, некоторым удалось перелезть через забор, другие пытались спрятаться поблизости. Лишь какое-то время спустя жители блока разглядели, что они не окружены, что солдаты рассыпались только вдоль улицы, это подействовало успокоительно, да и начальник отряда объяснил перепуганным людям, что идет облава на поляков и литовцев, уклоняющихся от призыва на службу. Придя в себя, рабочие поспешили на фабрику, находящуюся тут же, напротив жилого блока. Сумевшие скрыться в начале операции ушли или во 2-й блок, в котором солдат не было, либо дальше в гетто. Вскоре они тоже появились на своих рабочих местах. Только четыре человека, мать с двумя детьми и одинокий рабочий, были по дороге арестованы и отведены в гестапо. Их судьба пока неизвестна. Все их “преступление” состоит в том, что они пытались спасти свою жизнь.

Панику, поднявшуюся в блоке, можно легко понять. План уничтожения евреев выполняется непрерывно, формы уничтожения — самые разнообразные. Все уверены, что неожиданный вывоз среди бела дня “на работы” будет широко применяться и впредь. Недаром начальник гестапо пригрозил в своей речи, что если евреи не согласятся уезжать добровольно, то гестапо примет свои меры. А так как еврейские руководители гетто хотели бы и надеются сохранить хоть кое-что и выиграть время, то они тоже всячески агитируют людей добровольно уезжать “на работы”, куда только ни решит отправить евреев гестапо, перенявшее с 1 августа 1943 года руководство всеми биржами труда.

Между тем стало известно, что вывезенные “в Ригу” действительно проехали через Ригу в Эстонию, где помещены в огромные бараки вблизи моря и, кажется, в самом деле будут использованы на каких-то работах. Из нескольких полученных писем можно понять, что люди там терпят большую нужду, но все же надеются жить.

Не обманываются ли они в своих надеждах, как обманывались до сих пор, об этом мы узнаем в недалеком будущем. Пока же, с помощью нескольких возвратившихся из Эстонии бригадиров, еврейские руководители гетто стараются сделать “рекламу” лагерям и убедить оставшихся поехать туда по своей охоте, если этого потребуют немецкие власти. Осторожные люди, однако, видят и в вывозе “на работы”, и даже в получаемых письмах всего лишь инсценировку, гестаповскую ловушку, имеющую целью постепенную, не слишком явную ликвидацию гетто. Поэтому настроение у обитателей гетто очень подавленное.

24 августа 1943 года. Как было обещано, евреев перестали хватать врасплох и тут же увозить из города, как это проделали 5 августа, а стали вызывать каждого отдельно, повесткой, доставленной на квартиру. Каждый, кого вызвали, должен быть готов к отъезду и явиться в назначенный день и в указанное место. Вся эта работа поручена еврейской полиции. По данным г. Генса, за два месяца нужно вывезти несколькими группами 4000 человек. Несмотря на уверения Генса, большинство населения гетто по прежнему горькому опыту уверено, что везут на убой.

В первую очередь потребовали семейства тех, кого неожиданно схватили 5 августа. Если тогда взяли мужа, то теперь отправляли следом жену и детей; если взяли жену, вызывали мужа и детей. Затем стали брать всех недавно перемещенных в виленское гетто из провинциальных рабочих лагерей. Этого числа людей оказалось недостаточно, и призывные повестки стали рассылать тем, кто был поселен в гетто с начала 1943 года. Таким образом круг лиц, назначенных к вывозу, постоянно расширяется и захватывает все новые и новые категории живущих в гетто.

Сборным пунктом для вывозимых стало помещение на Шавельской улице № 1, где прежде была чайная. Дом и часть прилегающей улицы огорожены канатами, проход

посторонним лицам запрещен. Несмотря на установленный порядок вывоза, мало кто приходит сюда добровольно, — еврейская полиция силой приводит арестованных людей. Когда кто-нибудь из намеченных к отправке прячется, берут взамен родных, даже соседей по квартире. “Круговая порука” приносит плоды: соседи не только указывают, где спрятался вызванный на сборный пункт, но порой сами его и находят. Среди населения гетто снова началась паника. Каждый с ужасом ждет призывной повестки — “смертного приговора”, как их тут называют.

Не счесть трагедий, которые разыгрываются у сборного пункта. Вот женщина, муж которой был вывезен раньше, теперь еврейская полиция ведет и ее. С ней хочет ехать сын, уже достигший самостоятельности и имеющий собственную рабочую книжку. Поскольку он не получил повестку, мать умоляет его остаться: она знает, что едет на смерть, она должна умереть вместе с мужем, но, может быть, сыну еще удастся уцелеть. И вот он стоит, оглушенный, и тупо смотрит на дверь, поглотившую его мать. Вот другая женщина, ее ребенок опасно болен, лежит в госпитале, она не хочет оставлять его. Но полиция без всякого сострадания приводит ее на сборный пункт. Третья женщина-мать: ее младшая дочь два года работала портнихой на немецком предприятии, но недавно ее неожиданно перевели для работы на железную дорогу, откуда вместе со многими другими она в первый же день попала в товарный вагон и увезена неведомо куда. Теперь настала очередь матери. Старшая, замужняя дочь решила добровольно ехать с ней. Муж не хочет отпускать ее, но ехать по собственной охоте тоже не хочет. Жена расстается с ним и отправляется с матерью — умирать... В гетто немало людей, которых рабочие, имеющие свидетельства, чтобы спасти им жизнь, “приписали” к себе под видом членов семьи. И вот уже фиктивная “жена” должна следовать за взятым ранее “мужем”, “муж” — за “женой”, “родители” — за чужими детьми, которым некоторое время назад, во время “чистки”, спасли жизнь.

На рассвете всех явившихся и приведенных на сборный пункт выводят через запасные ворота в Николаевский переулок и гонят на улицу Росса, в бывший русский монастырь. Сюда подходит железнодорожная ветка, здесь удобно быстро погрузить в вагоны вывозимых евреев. В тесноте, как сельди в бочке, без горячей пищи, а большинство и вовсе без пищи, так как то немного, что удалось прихватить с собой, давно съедено, даже без глотка горячей воды, окруженные еврейской полицией и ее помощниками из числа бывших уголовников и иных темных, нравственно отсталых людей, благополучно уцелевших после всех “чисток” и “вывозов”, ждут предназначенные к отправке своего часа. Двор монастыря огражден высокой каменной стеной, а за ней уже другая охрана — вооруженная литовская полиция.

Сведения, доходящие из Эстонии, оставляют мало надежды на спасение. Условия жизни в эстонских лагерях ужасные. Люди поселены в огромных, нетопленных бараках. В помещении сколочены общие деревянные нары в три этажа. Спят на голых досках, в качестве постельных принадлежностей выдают тощую, набитую травой подушечку и солдатское одеяло. Кроме жестяной миски и ложки, ничего другого иметь при себе не разрешается. Сапоги и одежда всегда мокры от работы в болотистых местах, но запасных вещей иметь нельзя, и на смену ничего не выдают. Пища тоже очень скудная: 250 грамм хлеба в сутки, два раза теплая вода с цикорием и один раз пустая похлебка. Рабочий день продолжается 14 часов, мужчины, женщины, старшие дети (всех маленьких детей расстреляли) корчуют пни и корни в темных, густых болотистых лесах. Тела людей покрыты ранами и язвами. Порядки в лагерях беспощадны, охрана постоянно жестоко избивает рабочих. А болеть нельзя: если в группе рабочих кто-нибудь болен дольше двух дней, расстреливают всю группу. От тяжелого труда, плохой пищи, холода, болезней люди мрут, как мухи. Бежать почти невозможно: кругом болота, овраги, непроходимые леса. Да и зоркая, бес-

пошадная стража вокруг. Смерть в лагерях Эстонии милее жизни.

Все это свидетельствует, что под видом вывоза “на работы” проводится систематическое истребление еврейского населения. И ужаснее всего, что руководители гетто гг. Генс, Бройдо и прочие, верные своей тактике — отдавать немцам требуемое число людей с тем, чтобы спасти хотя бы некоторых, — участвуют в истребительной операции, даже взяли на себя ее проведение. Все их заявления о характере предпринятого вывоза людей, о порядке его проведения, сроках, назначенном числе рабочих оказались обманом. За два минувших года жители виленского гетто видели много всевозможных “чисток” и акций по уничтожению людей. Но никто не мог себе представить, что это возьмут на себя еврейские руководители гетто, еврейская полиция, призвав на помощь самую темную часть населения, представителей преступного мира, воров, грабителей, пообещав им, что сами они не будут вывезены, до конца останутся в гетто и, возможно, уцелеют вообще. Это — позор, беспрецедентный позор! Позор, когда еврейские руководители гетто берут на себя “работу” по отправке на смерть евреев, — пусть этим занимается гестапо, позор, когда “избранникам” за выполнение этой работы обещают жизнь. Многие в гетто убеждены, что все должны или жить вместе или вместе погибнуть.

25 августа 1943 года. С первым транспортом в эстонские лагеря прибыло 825 человек, взятых 5 августа на местах работы. 725 было из Вильны (некоторым удалось все же убежать при захвате и перед погрузкой), 100 добрали, проезжая мимо, из рабочего лагеря в Новой Вилейке. Во втором транспорте было отправлено 1400 человек, доставленных уже еврейской полицией из гетто. В этой партии оказались уже люди старшего возраста, слабые здоровьем, дети. Когда перед самой отправкой гестаповцы осмотрели всех, кто находился на сборном пункте, они остались недовольны “качеством товара”, и в последнюю

минуту, ночью, еврейской полиции пришлось возвратиться в гетто и искать по квартирам рабочих покрепче. В вагоны погрузили хлеб и квас, поставили ведра для естественных надобностей, после чего двери и окна 35 товарных вагонов, в которых вывозили евреев (по 40 человек в каждом), были наглухо заколочены, закручены проволокой и запломбированы. Еврейскую полицию, сначала приставленную было сопровождать транспорт, отослали обратно в гетто, — ее заменили немцы из СС.

Перед отъездом от партии отделили 34 человека и поместили отдельно в одном из помещений сборного пункта. Видимо, г. Генс решил оставить эту группу в гетто. Когда гестаповцы ее обнаружили, он объяснил, что в составе группы оказались специалисты, которых военные власти требуют возвратить по месту их работы на немецких предприятиях. Вместо них он готов тотчас же представить для вывоза такое же число других людей. Представитель гестапо согласился на замену, но когда были приведены еще 34 человека, забрали и увезли и тех, и других.

Никто на этот раз не мог убежать, спастись. От сборного пункта до вагона каждую группу в 40 человек вели отдельно, под сильной охраной, у вагона всех пересчитывали, записывали. Еврейские полицейские, возглавляемые своим начальником Деслером, и помогающие им подонки из преступного мира силой, выкручивая арестованным руки, уводили людей из дома, гнали на железную дорогу, помогали загружать в вагоны, жестоко избивая резиновыми палками, отправляли на смерть. Как можно не понимать ужаса и позора происходящего!.. Но в гетто не сложилась организация, не нашлось сил для противодействия, а того, что можно было сделать в этом направлении, не допустили еврейские руководители виленского гетто.

1—19 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА.

ГИБЕЛЬ ГЕНСА

Уже несколькими неделями раньше всем стало известно, что с приездом Кителя гетто в Вильне будет ликвидировано... Но когда это произойдет, никто не знал. Еще накануне рокового дня из гестапо сообщили, что они требуют только 1000 мужчин. Но на следующий день все изменилось.

“Акция” началась в пять часов утра 1 сентября 1943 года. Гестаповцы вошли в гетто и потребовали выдать им 1000 здоровых мужчин. Представители гетто обещали выполнить это требование и начали собирать людей. Но большинство мужчин спряталось, и до пяти часов вечера успели собрать только 600 человек. Гестапо предъявило ультиматум: до семи часов требуемое число людей должно быть выдано; в противном случае немцы начнут брать людей сами. Недостающих 400 человек, по-видимому, добыть не удалось, и гестапо впустило в гетто эстонских полицейских солдат. Послышались взрывы гранат, стрельба из револьверов и пулеметов. Стали взрывать “малины” —

заранее устроенные в стенах и погребках укрытия. Пробив дыру в стене или в полу, где находилась “малина”, солдаты бросали туда ручные гранаты. Погибало сразу несколько десятков человек. Первым, еще утром, совершенно случайно был застрелен некто Байгель, начальник арестантского отделения гетто на Лидской улице: услышав на улице шум, он высунулся из окна, чтобы посмотреть, что происходит, и получил пулю в голову. Евреев, взятых живыми, поодиночке выводили из гетто, тщательно обыскивали, бросали в приготовленные грузовые машины и увозили. За каждым грузовиком ехала машина гестапо с установленными на ней пулеметами.

Первыми, еще до начала общей “акции”, начали выводить молодых мужчин и женщин, которые принадлежали к организации, решившей защищаться с оружием в руках. Их, по-видимому, выдали провокаторы. Этих людей приводили в гестапо и страшно избивали, допытываясь имен соучастников и всех подробностей заговора. Иногда их даже доставляли назад в гетто, добываясь, чтобы они показали места, где хранится оружие. Когда были взяты все эти молодые люди, началась общая ловля. Гестаповцы говорили, что вначале они требовали, мол, только 1000 мужчин, но так как сами евреи не дали к сроку этого числа людей, то теперь нужно сдать 3000 человек. Но это, конечно, были только слова. Выходило, что евреи сами виноваты — не хотели добровольно дать 1000 человек, вынудили немцев прибегнуть к силе и взять больше. На самом деле это был лишь предлог для начала полной ликвидации гетто.

Люди, не имевшие приготовленных “малин”, метались с места на место, некоторые прятались на крышах, чердаках и в погребках. Одна польская женщина, увидев спрятавшегося на крыше еврея, сообщила об этом гестаповцам. Окрестные жители уже ждали, как черные вороны, того момента, когда можно будет броситься на добычу — расхищать вещи, оставленные в гетто увезенными на расстрел евреями.

“Акция” продолжалась четыре дня: среду, четверг, пятницу и субботу, 1–4 сентября 1943 года. Четыре дня и четыре ночи продолжалась кровавая драма виленского гетто, четыре кошмарных дня и четыре кошмарных ночи пережило его население... Несколько сот человек было убито на месте выстрелами, осколками гранат, обломками взорванных домов, и около 8000 человек было схвачено и вывезено из Вильно...

В первый день хватали всех без разбору мужчин — кто только попадался под руку, без вещей и даже без шапок. Арестовали и г. Бройдо, энергичного деятеля виленского гетто, руководителя еврейской Биржи Труда. Он вышел к воротам гетто, будучи уверен, что его как уполномоченного немецкой власти никто не тронет. Но он ошибся. Начальник гестапо немедленно арестовал его и приказал отправить на железную дорогу. Врачей в белых госпитальных халатах, как они были, эстонские солдаты сразу погнали к воротам и бросили в грузовые машины. Женщин тогда еще не брали. Хаос был невероятный. Когда представитель гетто Генс увидел, что дела приняли катастрофический оборот, что под угрозой дальнейшее существование всего гетто, он взял инициативу в свои руки и пришел к соглашению с гестапо о том, что даст требуемое число людей. Тогда эстонских солдат вывели из гетто, и “акцию” продолжала проводить еврейская полиция, которая первоначально разбежалась и спряталась. На помощь своим полицейским Генс призвал всех подонков, воров и ломовых извозчиков, которые помогали ему в предыдущих “акциях”. Тем, кого Генс хотел спасти, он выдал специальные карточки и повязки “вспомогательной полиции” на рукава, и все они принялись энергично за “работу”. Первым их делом было выманить как можно больше людей из “малин”. Для этого они прибегали к такой хитрости: войдя во двор, где находилась “малина”, они громко, во всеуслышание кричали, чтобы все вышли, т. к. весь дом будет взорван, а когда люди выходили, их немедленно хватили и увозили. В других домах еврейская полиция

объявляла, что если мужчины добровольно не выйдут, то вместе с обнаруженными мужчинами заберут также их семьи. И тогда многие жены сами уговаривали мужей выйти добровольно. Но некоторые жены переодевались в мужское платье и уходили вместе с мужьями, когда женщин еще не брали...

Генс хотел во что бы то ни стало собрать нужное число людей и выдать немцам, чтобы только избежать вступления гестаповцев в гетто. Но людей все еще не хватало. Чтобы заполучить сразу большое число людей, еврейская полиция пошла на обман: войдя в дом, где жили рабочие автомобильных мастерских, полицейские сказали им, что их выпускают из гетто на обычную работу в мастерские. Но когда рабочие — 300 человек — вышли, их сразу окружили и вывезли на грузовых машинах из гетто прямо на железную дорогу и сейчас же загрузили в вагоны. Начальник автомобильных мастерских майор Плаге, человек приличный и очень энергичный, сейчас же поспешил на железную дорогу, чтобы спасти своих людей. Он пришел к соглашению с Кителем о замене хоть некоторой части “своих”, необходимых ему для работы специалистов на других евреев. Около 50 человек уже были выведены из вагонов и готовились уйти, как вдруг появился начальник виленского гестапо Нойгебауэр и велел им немедленно войти обратно в вагоны. Следом были забраны и те люди, которых привели для замены...

Группа молодых людей решила защищаться до последней капли крови. Они были хорошо вооружены и хотели вступить в борьбу с гестаповцами. Но Генс, узнав об этом, решил не допустить уничтожения гетто, к чему непременно привела бы такая схватка. Главная часть бойцов находилась в доме на улице Страшуна, и Генс всячески старался не допустить туда гестаповцев и их пособников. Он говорил им, что там нет мужчин, что там уже все проверено, что там находится только арестантское отделение. Таким образом удалось избежать полной катастрофы. Приготовившаяся к самозащите группа была устранена от борьбы...

Во время “акции” в гетто были выключены электричество и вода. Были также взорваны минами три больших каменных дома, и под их обломками погибло несколько сот человек. Паника была неимоверная. Еврейская полиция была жестока и действовала предательски. Женщины и дети, а отчасти и мужчины, слыша взрывы и видя разрушения, стали сдаваться, вылезать из своих укрытий. Женщины и дети, чьих мужей и родителей схватили в первые три дня, на четвертый день сами соглашались присоединиться к своим мужьям. Но мужчины были уже увезены. Группы отправляли сразу же, в тот самый день, как грузовики привозили их на железную дорогу. Товарные вагоны подавали составами по 50 вагонов в каждом на железнодорожную ветку на улице Росса, где был раньше склад дров и каменного угля. В каждом вагоне назначался комендант из находившихся в нем людей. В вагон загружались хлеб, консервы и бутылки с водой. Затем двери закрывались, закручивались проволокой, пломбировались, и через несколько часов поезд отъезжал под охраной гестаповцев и вооруженных солдат. Куда везут этих людей, отдельно мужчин и отдельно женщин и детей, никто не знал. От людей, уехавших в первых транспортах 5 и 25 августа, получили письма с пути. Но что с ними стало дальше, неизвестно. Умрут ли они от голода и холода на тяжелых каторжных работах или от пуль гестаповцев где-нибудь на лесной поляне, не все ли равно!..

Гетто после вывоза людей выглядело, как поле боя после сражения. Развалины домов, засыпанные погребая, а под обломками трупы людей. Живые люди выглядели тогда тоже как трупы. Почерневшие, с осунувшимися от голода и страха лицами, с воспаленными, лихорадочными глазами, они сновали по улицам, спеша узнать, кто из знакомых остался в живых, кто вывезен, кто убит. Некоторые сошли с ума и бродили по улицам в тихом помешательстве, другие с воплями и дикими криками бегали по улицам гетто, ломая руки и заливаясь горячими слезами.

В понедельник, 5 сентября 1943 года, виленское гетто было объявлено закрытым, т. е. никто не мог ни войти туда, ни выходить оттуда. На виленском вокзале был вывешен плакат, гласивший, что “Вильно свободно от евреев”. Действительно, ни один еврей не показывался больше на улицах города. Если же немцы все же брали иногда евреев из гетто для работы, то они прежде всего снимали с них желтые латы. Еще задолго до последней “чистки” гестапо забрало оттуда работников, которые его обслуживали. Всех их, около 70 человек, они перевели на ул. Росса, где находились огороды гестапо и тюрьма для уголовных преступников-“арийцев”. Этим евреям снабдили арийскими удостоверениями личности и сняли с них желтые знаки. Кроме того, на каждого из них был составлен акт, будто он совершил какое-нибудь уголовное преступление и приговорен к определенному сроку заключения. Все это только для того, чтобы иметь нужных, но скрытых рабочих-евреев.

На протяжении двух лет после захвата немцами города евреи, как правило, специалисты, отбираемые на работу в гестапо, были заняты там самым разным делом. Сапожники шили для офицеров сапоги, портные — одежду, механики ремонтировали всякого рода аппаратуру и т. д. Но если нужно было для реабилитации перед высшими властями “освободиться” от известного числа евреев, гестаповцы легкой рукой расстреливали своих мастеров. Когда начальник трофейных складов обратился с претензией в гестапо, что у него забрали сапожника-еврея, и услышал в ответ, что гестапо был необходим специалист-сапожник, он — сам гитлеровец, нацист, — заявил разгневанно: “Выкопайте своих специалистов, зарытых на Понарах”...

В закрытом уже гетто оставалось около 10 тысяч человек. Дороговизна там была невероятная. Хлеб стоил около 100 рублей за килограмм, картофель — 60 рублей, масло — 300 рублей за килограмм. Сообщение между евреями, жившими в гетто, и евреями, живущими в блоках “Кайлис” и других местах, было окончательно прервано.

Раньше можно было, в случае надобности, пройти из гетто в блоки или из блоков в гетто — в баню, в госпиталь, за лекарством, что-нибудь купить, повидаться с кем-нибудь. Теперь все контакты были прерваны. В городе были, кроме блоков “Кайлис” и гетто, еще несколько блоков: один при военном госпитале на Антоколе для 50 евреев, два — для рабочих военных автомобильных мастерских на Легионовой и Сиротской улицах. Все они стали теперь оазисами в пустыне: никакого сообщения между блоками и каждым из них с гетто больше не было...

14 сентября 1943 года застрелен руководитель виленского гетто Якоб Генс. В четыре часа пополудни он был приглашен в гестапо, и через два часа в гетто уже стало известно, что его застрелил лично начальник гестапо Нойгебауэр в здании гестапо на ул. Мицкевича (Гедимины) № 36.

Еще утром того дня Якоба Генса предупредили, что его собираются “ликвидировать”, и советовали ему бежать или скрыться где-нибудь в гетто. Но он ответил, что его бегство может привести к гибели всего гетто и поэтому он идет в гестапо, хоть и предчувствует беду. У ворот гетто он простился со своим братом Соломоном Генсом, просил принести ему коробку папирос и ушел, сказав, что если не вернется до восьми часов вечера, значит, вообще больше не вернется. Он больше не вернулся.

Почему погиб Якоб Генс? Одни говорили, что он будто бы принадлежал к какой-то подпольной литовской военной организации и тайно помогал евреям уходить из гетто к литовским партизанам, укрывавшимся в лесах от принудительной службы в немецкой армии, и прибавляли, что застрелили его вместе с еще двадцатью бывшими литовскими офицерами, у одного из которых нашли в списке его фамилию. Другие говорили, что его обвиняли в связи с боевой группой евреев, находившейся все время в гетто и приготовившейся к обороне в случае ликвидации гетто. Эта группа была с его ведома хорошо вооружена,

имела даже пулеметы и ручные гранаты. Во время последней “чистки” гетто 1–4 сентября он, Генс, сознательно поддерживал выдачу евреям немцам, чтобы таким образом избежать столкновения этой группы с проводившими “акцию” немцами и эстонскими солдатами, когда они хозяйничали в гетто, отвлекал их внимание от местонахождения группы, а затем, после окончания “акции”, он, Генс, допустил, чтобы члены этой вооруженной боевой организации постепенно уходили из гетто в леса. Согласно третьей версии, его застрелили потому, что он категорически отказался согласиться с ликвидацией всего гетто.

Рассказывали также, что за несколько дней до гибели Якоб Генс узнал о готовящейся ликвидации гетто и, сильно взволнованный, сообщил новость близким своим сотрудникам, гг. Трапидо и Загайскому (первый был заведующим продовольственным складом гетто, а второй — начальником криминальной полиции). Положение очень серьезное, — сказал Генс, — Китель хочет непременно погубить виленское гетто. Он привез начальника гестапо Литвы к взорванным в гетто домам и объяснил, что все гетто состоит или из партизан, или из спекулянтов. Он нарочно не показал при этом удивительно устроенные и прекрасно работающие мастерские виленского гетто. Начальник гестапо согласился с мнением Кителя и подписал приказ об уничтожении виленского гетто. День ликвидации назначен на 23 сентября.

“Я еще попробую удвоить продукцию в мастерских, доказать полезность евреев и постараюсь спасти гетто, — будто бы сказал в отчаянии Якоб Генс. — Но если ничего не поможет, то 22 сентября я открою ворота гетто и позволю всем евреям разбежаться кто куда захочет, а мы выйдем из гетто последними и подожжем его со всех сторон”.

Эти слова Якоба Генса слышал игравший поблизости в карты начальник еврейской полиции Деслер и донес о решении коменданта гетто гестапо. На следующий день у Генса был отобран имевшийся у него револьвер. Его потребовали в гестапо и там застрелили. Так погиб человек,

который хотел с честью выйти из того запутанного положения, в которое сам поверг виленское гетто.

Какая из версий верна — неизвестно, но престиж коменданта гетто Якоба Генса после его гибели сразу поднялся очень высоко, и имя его покрылось ореолом славы. Хотя раньше было в гетто два мнения о Якобе Генсе, были у него сторонники и противники, теперь все сходилось в одном: в лице своего коменданта гетто потеряло человека, игравшего огромную роль в жизни евреев. Трагическая смерть Якоба Генса увековечила его память в истории виленского гетто и поставила его во главе многих десятков тысяч евреев, погибших от рук убийц.

Якоб Генс был литовский еврей, прежде служил в литовской армии в чине капитана. У него была жена-литовка и дочь. В гетто он сначала занимал должность интенданта (заведующего хозяйством) еврейского госпиталя, а с октября 1941 года до рокового 14 сентября 1943 года сначала в Еврейском Совете, а потом единолично исполнял тяжелую и ответственную работу руководителя виленского гетто. За это время он показал себя человеком решительного и сильного характера, быстро ориентирующимся в сложных ситуациях и твердо и бесцеремонно проводящим в жизнь все свои решения, если он считал их практически важными и необходимыми.

Весть об убийстве Якоба Генса молнией пронеслась по всему гетто и поразила его обитателей. Все сразу почувствовали себя осиротевшими и беззащитными.

Комендантом гетто был назначен подлец, предатель и сам по себе полное ничтожество Саул Деслер, который, видя приближающуюся катастрофу и конец гетто, сбежал вместе с начальником воротной стражи Левасом, не забывшим прихватить портфель с отобранном у жителей золотом и крупными суммами общественных денег...

Среди оставшихся еврейских полицейских воцарилась анархия. Власть взяли в свои руки противники официальных ненавистных, продажных руководителей полиции гетто. Шапку убитого коменданта Якоба Генса надел

Обергарт, бригадир еврейских рабочих на немецких амуниционных складах. Он перенял и пост шефа полиции гетто. Раньше он все время ходил без желтых лат, считаясь у немцев “полезным евреем”. Но ни организаторского таланта, ни умения ориентироваться в сложной тогдашней обстановке он не обнаружил.

18 сентября 1943 года, в субботу, около 10 часов утра виленское гетто опять было окружено — теперь латышскими солдатами, переодетыми, по обыкновению, в немецкие мундиры, и в гетто вошел знаменитый г. Китель. Все поняли, что опять начинается что-то недоброе, и в ожидании новой “акции” люди стали разбегаться и прятаться в “малины”. Полновластный хозяин гетто г. Китель уселся на стул посреди Рудницкой улицы и потребовал, чтобы к нему немедленно явились 150 мужчин, якобы необходимых дополнительно для работы в блоке военных автомобильных мастерских. Туда еще накануне охотно переехало около 1000 евреев, стараясь как можно скорее уйти из кошмара гетто. Эти требуемые 150 человек немедленно явились. Тогда Китель потребовал еще 500 мужчин. Когда через несколько часов было собрано и это число, правда, уже не добровольно, а по выбору самого Кителя из состава так называемой “вспомогательной полиции”, то Китель потребовал еще 1000 человек, а затем еще 2800 человек. Все поняли, что это не что иное как издевательство над несчастными евреями, и никто на улицах гетто больше не показывался. Между тем над опустевшими улочками гетто опустился темный вечер. Тогда Китель вдруг приказал всем собранным евреям, а также и тем, которые были уже посажены в большой грузовик, разойтись по домам, и вместе со своими солдатами, опасаясь, по-видимому, темноты, ушел из гетто, сняв также и наружную охрану из латышских солдат. Говорили, что он получил какой-то приказ из гестапо “приостановить эту работу”.

В это время кое-кто пытался спастись, зная тайные наземные пути, выводящие на соседние улицы, располо-

женные вне района гетто, хотя при этом велика была опасность оказаться пойманным. Более безопасно, но несравненно труднее было выбраться из гетто по подземным коммуникациям городской канализации и водостоков. Но чтобы вылезти оттуда на поверхность, нужно было предварительно подготовить выход в подвале какого-нибудь из городских домов. Это можно было сделать, пока не отменили специальных разрешений, дающих евреям из гетто право работать в различных частях города. Такие выходы могли заранее подготовить, например, водопроводчики, которых раньше посылали на работы при полицейских участках. Продвижение под землей по канализационным трубам было сопряжено с огромными трудностями. Идти надо было все время согнувшись, часто, что называется, в три погибели. Так как каналы в некоторых местах не превышали высотой 40–50 сантиметров, по ним приходилось пробираться ползком, на животе. Воздух в каналах был тяжелый, всюду мокро, грязь. Только на разветвлениях улиц, в подземных башнях, можно было отдохнуть и выпрямиться. Чтобы пройти подземными каналами одну улицу, нужно было потратить целый день.

После вывоза людей в первых числах сентября и закрытия наглухо гетто пошли слухи, что с понедельника 20 сентября гетто перейдет из подчинения гестапо в ведение немецкой армии или обычной немецкой полиции. Говорили, что с 20 сентября гетто будет называться рабочим лагерем, где работающим будут давать, как во всех рабочих лагерях, по 42 декаграмма хлеба, два раза в день кофе и суп. Ведь совсем недавно в гетто привезли для еврейских швейных мастерских массу материала, чтобы шить одежду для немецкого войска. Людям хотелось верить, что это правда, тем более, что назначенный срок так близок, осталось пережить только одну ночь и один день — воскресенье. К тому же все думали, что в воскресенье, в праздничный день, вообще не будет никаких “акций”, поэтому с нетерпением ждали, когда, наконец, минуют эти сутки. Но увы! Уже с самого утра в воскресенье, 19 сентября

1943 года, в гетто явился так называемый “особый отряд” литовских “активистов”, которые, исполняя приказы гестапо, расстреливали евреев в лесу на Понарах.

Опять начались хаос и паника, которые усилились еще оттого, что среди евреев в гетто фактически не осталось никого, кто мог бы что-то узнать о происходящем. Положение было поистине трагическое. Все думали, что настал последний день существования гетто. Как обидно! Евреи виленского гетто за два года пережили такое множество потерь, столько горя и лишений, столько страшных, мучительных дней и ночей, и теперь, когда близко, кажется, освобождение, когда видится уже конец войны, теперь нужно умереть от рук палачей. Нет! Это слишком горькая, слишком безжалостная ирония судьбы...

Но... Вдруг — что за чудо! Неожиданно весь страшный “особый отряд” покинул гетто, приказав еврейским полицейским, стоявшим у ворот, никого не впускать внутрь. “Активисты”, по-видимому, ожидали какого-то приказа вершителя еврейских судеб Кителя, но, не дождавись такого, ушли сами.

Что-то будет завтра?..

23–25 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА.

ПОСЛЕДНИЙ АКТ

23 сентября 1943 года начался последний акт страшной драмы. В 11 с половиной часов утра гетто было густо окружено немецкими солдатами, вооруженными с ног до головы, в стальных касках, с ручными гранатами, ружьями, точь в точь как на поле сражения. На этот раз солдаты не только кольцом обступили гетто: их тесно сомкнутые ряды были расставлены от ворот гетто вдоль улиц Гетманской и Сиротской до ул. Росса, где проходила ветка железной дороги. Тут прежде загружались эшелоны евреями, высланными в Эстонию.

Представители немецкого гестапо гг. Китель и Ликнер еще накануне рокового дня объявили евреям с балкона кабинета бывшего коменданта гетто Якоба Генса, чтобы к 12 часам следующего дня все были готовы к отъезду, так как виленское гетто “эвакуируется”: одна часть людей поедет в гетто в Шавли, другая — в рабочий лагерь г. Вейвариг в Эстонию. Все, кого после этого найдут в гетто, в “малине”, будут расстреляны на месте. Впрочем, дома

в гетто будут взорваны, так что спрятавшиеся все равно погибнут.

Всем стало ясно, что наступил последний день их жизни. Большинство людей, уже измученных голодом и долгими бессонными ночами, было настолько истощено, что отнеслось к этому почти равнодушно: пусть уже будет, что будет, лишь бы скорее конец. Индифферентность, апатия, бессилие, физическое и моральное, до такой степени ослабили людей, что о каком-либо противодействии не могло быть речи. Чтобы окончательно истощить людей, духовно и физически, немецкие власти специально оставили население гетто на некоторое время даже без той ничтожной пищи (несколько декаграмм хлеба и какая-то мелочь), которую евреи раньше получали по карточкам. С этой же целью гетто еще раньше было наглухо закрыто — никто не мог принести извне никаких продуктов. Вследствие этого в последние дни хлеб в гетто стоил 150–160 рублей за килограмм, а картошка 70–80 рублей, но и за эту цену достать что-нибудь было очень трудно.

Все население теперь ясно поняло, что убийство коменданта Якоба Генса было началом конца, предвестием ликвидации. Если раньше еще могло быть организовано какое-нибудь сопротивление, то со смертью Генса это стало совершенно невозможно, так как в гетто не было никакой организаторской силы, никакого авторитетного человека, вокруг которого могли бы собраться остатки молодых сил, уцелевшие еще в гетто, частью сгруппированные в кружки. Тут-то обнаружилась ошибочность тактики Генса, который все время шел по линии уступок немцам и выдавал по их требованию новые и новые тысячи людей, которых под разными предлогами вывозили из гетто. Он не только не организовал евреев в гетто для борьбы с врагом, а наоборот, ослабил их, довел до того плачевного состояния, в котором они оказались в последний день.

Те немногие молодые люди, которые еще находились в гетто, немедленно, ночью и на рассвете рокового дня, пытались разными путями покинуть строго охраняемую

Учитель Янкель Каплан

Адвокат Абрахам Хвойник

Казнены гестапо за попытку
уйти из гетто в сентябре 1943 года

Часовой мастер Гриша Левин

Ася Биг

Казнены гестапо за попытку
уйти из гетто в сентябре 1943 года

территорию. Одни проламывали ворота, ведущие на соседние улицы, главным образом на Конскую (Басачковую) площадь, другие спустились в канализационные каналы. Еврейские полицейские чином повыше большей частью уже раньше покинули гетто. Нажив самыми нечестными путями много денег, а также заведя знакомство среди литовских полицейских, дежуривших у ворот гетто, они заранее приготовили себе удобные местечки и теперь попрятались там. Все это было возможно до 11 часов утра 23 сентября. В 11 с половиной в гетто вошел г. Китель с солдатами, агентами немецкой и литовской полиции и начал выводить людей.

Точнее было бы сказать — никто их не выводил. Люди выходили из гетто сами, небольшими группками, иногда поодиночке. За их спиной слышались грохот и треск разбиваемых стен, дверей, окон, возгласы, плач. В суматохе родители теряли детей, дети родителей. Подавленные, еле волоча ноги, с маленькими узелками в руках, люди медленно шли между шпалерами солдат, большей частью из перебежчиков-украинцев, и, приговоренные, направлялись на улицу Росса, к месту погрузки. Там, на глухой и пустынной улице, украинские “перекульщики” вырывали из рук несчастных последний узелок и били их нещадно.

По дороге, на Сиротской улице, происходила сортировка. Улица была разделена грузовыми машинами на две части. Здесь мужчин отделяли от женщин и детей и отправляли дальше, на сборный пункт для погрузки в товарные вагоны, а женщин, детей и стариков без различия пола загоняли в обширный двор существовавшей здесь еще в польские времена Биржи Труда (№ 19) и в соседний двор церкви отцов-миссионеров. Там, на сырой, болотистой земле, вблизи искусственных рыбопромысловых прудов, расположилось около шести тысяч человек. Они пролежали под дождем страшные два дня и две ночи. Ни пить, ни есть никому не давали. Теснота, грязь, плач детей, вздохи и мольбы старых и больных — вот картина этого последнего прибежища.

Сюда, на Сиротскую ул. № 19, привели вышедших из подземных ходов канализации молодого талантливого учителя Каплана, адвоката Хвойника, часового мастера Левина и молодую девушку Биг, которые были задержаны немцами и при задержании застрелили двух гестаповцев. Они были повешены на деревьях, тут же, во дворе Биржи Труда.

В субботу, утром 25 сентября, собранных здесь людей выгнали на улицу и снова начали сортировать. Более молодых, крепких, одиноких, тех, при ком не было детей, — речь идет в основном о женщинах, поскольку мужчин уже увезли раньше — отправляли на правую сторону улицы, прочих, а с ними большое число оставшихся после первой сортировки одиноких, беспризорных детей, поместили по левой стороне. Если на минуту еще можно было допустить, что люди, поставленные направо, будут действительно отправлены куда-то на работы, как утверждали гестаповцы, то относительно всех, кто оказался слева, не могло быть и малейших сомнений: их ожидало немедленное уничтожение.

Тут разыгрывались поистине трагические сцены. Многие старались во что бы то ни стало оказаться среди “счастливых”. Некоторые матери, чтобы спасти своих детей, завязывали их в мешки и носили на спине, делая вид, что это какие-то оставшиеся у них вещи; другие — как это ни страшно сказать — наоборот, бросали своих детей и, называя себя бездетными, перебежали направо.

Но по окончании сортировки всех отправили на ту же ул. Росса, где загрузили в приготовленные товарные вагоны и ночью отправили на Понары. По всем признакам было очевидно, что при ликвидации гетто людей отправляют не на работы, а определенно на смерть. Им не давали с собой ни пищи, ни воды, вещи их тоже остались валяться в монастырском дворе. Некоторые женщины, которым во время движения удавалось протиснуться в маленькое вагонное оконце, прыгали на ходу из поезда и,

если не разбивались так, что не могли уже идти, скрывались в лесах.

“Эвакуация” продолжалась весь день 23 сентября до позднего вечера и продолжалась на завтра, 24 сентября. Затем в гетто ворвались солдаты и начали грабить опустевшие квартиры. Немецкие, литовские, украинские солдаты вывозили и вытаскивали обнаруженные в домах вещи — за два года евреи успели заново обрести кое-каким имуществом, правдами и неправдами перенести в гетто кое-что из вещей, оставленных в городе. Квартиры были разгромлены, окна и двери открыты настежь, стекла выбиты. В покинутых домах горели электрические лампы, зажженные людьми перед уходом, потом их уже некому было потушить. Это при том, что по приказу в городе с наступлением темноты должна была соблюдаться маскировка, и за малейшие нарушения правил затемнения полагались самые суровые кары. Днем было что-то особенно страшное в этом заполнявшем окна пустых домов ровном, меркнувшем свете. По опустевшим улицам гетто расхаживали полупьяные украинские солдаты и на музыкальных инструментах, украденных в уничтоженном еврейском театре, наигрывали веселые песенки...

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ 1943 ГОДА.

ОТГОЛОСКИ

Итак, история виленского гетто закончилась. За два года национал-социализм ликвидировал в одном только Вильно более 70 тысяч евреев. Осталось пока еще около тысячи человек в блоке фабрики “Кайлис”, такое же число в блоке военных автомобильных мастерских (Г.К.П.), 50 человек в военном госпитале и 70 человек, работавших в мастерских гестапо.

Уцелело после ликвидации еще несколько сот человек из тех, кто, несмотря на угрозы немцев, не оставил “малины” и разного рода укрытия. С каждым днем жизнь в “малинах” становилась тяжелее. В районе гетто отключили воду и свет, спрятавшиеся исчерпали запасы пищи. Обитатели “малин” питались “затиркой”, приготовленной из перемолотых в мясорубке сухарей, гороха, ржи. Добывать воду было очень трудно и сопряжено с опасностью для жизни. За водой пробирались к домам, стоящим на границе гетто, и после его ликвидации занятым немецкими учреждениями (бывшие здания Еврейского Совета и ев-

рейского госпиталя). Люди в “малинах” задыхались из-за отсутствия свежего воздуха, они сидели в одном белье, тела их часто покрывались язвами. Когда жить в “малинах” стало больше невозможно, те, кто посмелее, выходили оттуда на улицу, многих из них быстро арестовывали; оставшиеся в убежищах тоже попадались раньше или позже. То их губил след пролитой воды, то неосторожный звук, то дым печурки, — чаще всего их выдавали свои или чужие. Свои выдавали, когда вышедшего из “малины” хватали на улице и страшно избивали в подвалах гестапо, чужие — когда хотели прислужиться к немцам. Горе было обнаруженным обитателям “малин”. Уже выходя из главных ворот бывшего гетто, они должны были снять с себя почти всю одежду и положить в специально приготовленный ящик, потом их вели в полицейский комиссариат, где жестоко избивали (случалось, литовские полицейские брали себе молодых женщин на одну ночь), оттуда доставляли в гестапо, снова били и увозили на Понары. Несколько недель продолжались аресты людей, прятавшихся в “малинах” и вышедших на улицу. Ежедневно на дровяном рынке, на Завальной улице, собирали в партии по несколько десятков истощенных, изнуренных голодом людей, скрывшихся при ликвидации гетто, и отправляли на расстрел.

Лишь в исключительных случаях Китель и его подручные оставляют человека, попавшего к ним, в живых. Тут иногда помогают евреи, работающие в гестапо, прежде всего их бригадир Каменмахер. Он просит пощадить кого-либо из задержанных как опытного специалиста нужной профессии, и, будучи в хорошем расположении духа, иногда в нетрезвом состоянии, Китель или другой гестаповец выбрасывают приговоренного из камеры смертников перед самой отправкой на Понары.

В отношении к евреям гестаповцы не просто жестоки — сама их жестокость пропитана садизмом. Один из них, Фидлер, например, не только жестоко, в кровь избивает евреев, работающих в лесу на Понарах, там, где постоян-

но совершаются массовые расстрелы, но еще и требует, чтобы рабочие непрерывно пели разные еврейские песни. Особенно нравится ему песенка “Семь хороших лет”. После тяжелого рабочего дня евреи, возвращаясь пешком в Вильно (около 12 верст), должны по дороге, не умолкая, петь. Постоянно доказывает свой талант садиста известный “деятель” по ликвидации гетто Китель, молодой и очень красивый немец. Садистским “артистизмом” он отличается от своих предшественников. Прежние сатрапы издевались над евреями дико, шумно, — въезжали, например, на велосипеде в густую толпу возвращающихся с работ, раздавая налево и направо удары рукояткой револьвера по головам. Китель никогда и никого не бьет по лицу, как любили делать все прежние гестаповцы, никого не топчет ногами, — он уничтожает свои жертвы цинически спокойно, деликатно, тихо. Если он сам расстреливает людей, то при этом “вежливо” говорит каждому, чтобы тот “не волновался”, “не нервничал”, и при этом направляет свой автоматический пистолет в головы несчастных и убивает их по очереди, как воробьев, не торопясь и ничем не смущаясь. Если Китель соглашается, по ходатайству своих рабочих, освободить кого-нибудь из находящихся в подвалах гестапо евреев, то есть послать их в Эстонию, в блоки “Кайлиса” или автомобильных мастерских, он при этом одновременно отправляет на расстрел всех задержанных женщин, имеющих маленьких детей. Этому извергу доставляет удовольствие, когда мать, спасая собственную жизнь, отказывается от ребенка. Стоит только женщине сказать, что это не ее ребенок, Китель тотчас приказывает бросить его в грузовую машину и везти на расстрел. Одна такая мать, некто Коварская, когда Китель спросил ее, идет ли она на расстрел вместе с дочерью, шестилетней девочкой, поспешно сняла руки с плеч ребенка и отодвинулась в сторону. Мать тогда осталась жить и вместе с мужем была переведена в рабочий блок “Кайлис”. Опомившись, они потом все время плакали.

Все гестаповцы, имевшие отношение к уничтожению

евреев, не забывали себя при грабеже еврейского имущества. Уезжая в отпуск, каждый из них увозил с собой золото, дорогие украшения, хорошие вещи. После ликвидации гетто Китель часто приезжал туда с находящимися в гестапо, арестованными евреями, по его приказу вскрывали пока еще не обнаруженные “малины”, разваливали печи, ломали стены — искали, согласно сведениям, полученным от задержанных, тайники, где спрятаны ценности.

Евреев, покинувших “малины”, нередко выдавали и крестьяне окрестных деревень, куда некоторым удавалось добраться. Одним надоедало давать беглецам хлеб, других привлекала премия, предлагаемая немцами за каждого обнаруженного еврея, — несколько килограммов сахара и соли. Были среди крестьян и такие, которые принимали евреев за определенную сумму денег. Но нередко, вытребовав наперед или попросту отняв все деньги, передавали “постояльцев” в руки гестаповцев, освобождаясь от ответственности за укрывательство.

Поначалу некоторых из уцелевших при уничтожении гетто принимали и прятали в рабочих блоках “Кайлис”. Но так как с течением времени число искавших спасения и убежища увеличилось, начальник блоков инженер Папп приказал подчиненным — комендантам, полицейским — никого больше в блоки не впускать. После этого распоряжения у ворот блоков разыгрывались иногда буквально душераздирающие сцены.

Когда больная, согнутая в три погибели старушка (бывшая владелица обувного магазина г. Ярмовская), едва держась на ногах от слабости, брела мимо 1-го и 2-го блоков “Кайлиса”, умоляя впустить ее хотя бы переночевать, все двери остались закрытыми. Люди боялись ее лохмотьев, вшей, боялись заразиться, боялись за себя, за свою шкуру, боялись послушаться немцев. После ликвидации гетто больниц для евреев в городе не было; если немцы заподозрят, что в блоке есть тифозный больной, они уничтожат весь блок. Старая женщина была обречена умереть на улице, как бездомная собака.

Часто с улицы доносился крик вышедшего из “малины” и ищущего приют человека, застигнутого литовским полицейским или просто шантажистом: “Евреи, спасите меня!” — но это был глас вопиющего в пустыне. Никто не вмешивался, даже близко к нему не подходил, все боялись оказать несчастному помощь. Это невероятно, это просто невозможно, но это горькая истина.

Некоторые литовские полицейские использовали возникшую ситуацию — у задержанных на улице евреев требовали деньги и вещи, то, что у них еще оставалось при себе, а потом, по мере честности, либо отпускали на свободу, либо доставляли в гестапо. Бывали случаи, когда они приводили к себе домой задержанных на улице еврейских женщин и требовали от них определенных услуг. В награду они освобождали женщин, а иногда приводили к блокам “Кайлис” и, несмотря на протесты тамошней стражи, насильно вталкивали в ворота. Случалось, литовские полицейские из жалости или за деньги приводили к “Кайлису” задержанных на улице евреев, но поскольку, как правило, этих несчастных внутрь не впускали, оставляли их на улице, где вскоре их задерживал какой-нибудь другой полицейский и, уже не церемонясь, доставлял в гестапо, а оттуда была только одна дорога...

ОКТАБРЬ 1943 — МАРТ 1944 ГОДА.

БЛОКИ

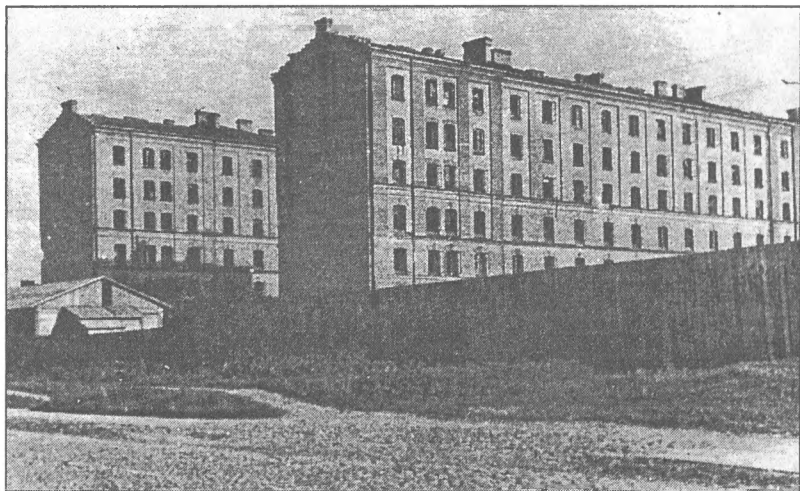
Итак, после ликвидации гетто в Вильне осталось всего около трех тысяч нужных пока евреев: в блоках меховой фабрики “Кайлис”, автомобильных мастерских и еще нескольких учреждениях. В целом же город был “свободен от евреев” (“юденфрей”), как были “свободны” все местечки и многие города Польши, Латвии, Эстонии, Литвы, Белоруссии, Украины. В трех блоках “Кайлиса” и автомобильных мастерских люди жили также в постоянном ожидании ликвидации — увоза на Понары, т. е. для немедленного уничтожения, или перевода куда-нибудь в другое место, в Эстонию, например, где убийство будет медленным, на изнурительных работах (если опять же вдруг не расстреляют по дороге в каком-нибудь лесу).

Режим в блоках был строгий. Выходить из ворот запрещалось, никого из посторонних в блоки тоже не впускали. За порядком следила еврейская полиция, но затем общий надзор переняла немецкая полиция и СС. Были

составлены полные списки жителей, все взяты на строгий учет, постоянно проводились проверки.

Немцы прекрасно знали, что в блоках находится какая-то часть евреев, спасшихся во время уничтожения гетто. 15 октября, видимо, для выявления их была проведена контрольная проверка рабочих, живущих в двух блоках “Кайлис”. В этот день к шести часам утра рабочие как всегда ушли на фабрику. Правда, накануне стало известно, что утром будет проводиться какой-то контроль, и все провели беспокойную ночь, но так как до шести ничего не случилось, начался обычный рабочий день. В девять появились гестаповцы: они вывели оставшихся в домах жителей 1-го блока во двор 2-го блока, там же были собраны находившиеся на месте жители 2-го блока: детей до 13 лет приказано было оставить в квартирах.

Эти перемещения, особенно же приказ, касавшийся детей, вызвал и среди рабочих на фабрике большое волнение. Уже некоторое время назад гестапо высказывало мнение о целесообразности сделать из двух блоков “Кайлис” один. Многие решили, что теперь план проводится в жизнь, при этом все “лишние” люди и дети до 13 лет будут уничтожены. Рабочие с фабрики увидели через забор, как гонят во двор 2-го блока жителей 1-го, услышали крики избиваемых при этом людей. Конечно, все сразу же решили, что женщин и детей, остававшихся дома, отправляют на Понары расстреливать. Люди побросали работу и выбежали из фабричных помещений. 2-й блок был окружен гестаповцами и солдатами особого литовского отряда, специально назначенного для убийств. Этот отряд, приехавший на своей полицейской машине зеленого цвета, с находящимися на ней пулеметами, вооруженный револьверами, ружьями, ручными гранатами, навел ужас на рабочих. Но всего ужаснее было появление известного ликвидатора гетто — Кителя. Когда жителей блока проводили поочередно из одного двора в другой, отделяя всех, кто не принадлежал к семьям рабочих, он лично стоял со своими гестаповцами у ворот и пристально

Блок военных автомобильных мастерских (Г.К.П.) —
одно из немногих мест, где оставались евреи
после ликвидации гетто

Дорога на Понары, ставшая дорогой смерти
для тысяч виленских евреев

всматривался в лицо каждого проходящего человека, задерживая каждого, кто казался ему подозрительным.

Среди задержанных оказался Смутьгевский, бывший в гетто адъютантом Якоба Генса и руководителем отдела Биржи Труда. При ликвидации гетто он сумел бежать, пробился во 2-й блок, где жители прежде всего избивали его за бывшее “усердие”. Теперь, увидев Кителя, он сам подошел к нему, упал на колени и умолял оставить его в живых. Китель с усмешкой спросил его, имеет ли он семью, и, когда узнал, что у Смутьгевского уцелели жена и дочка, велел привести их. Смутьгевский благодарил гестаповца, уверенный, что оставлен в живых. Но напрасно. Китель посадил его вместе с другими тридцатью лицами, не принадлежащими к семействам рабочих “Кайлиса”, в грузовую машину и отвез на Понары.

Пока во дворе 2-го блока происходила проверка жителей, рабочие фабрики были в страшной тревоге. Некоторые метались по фабричной территории, кричали, чтобы и их пристрелили тут же, если забирают их жен и детей. Руководящие лица фабрики старались всячески успокоить рабочих, но ничего не помогало. Когда на фабрике появился небольшой отряд литовских полицейских, рабочие двинулись ему навстречу с криками: “Отдайте нам наших жен и детей или застрелите нас”. Полицейские сначала отступили, потом выхватили револьверы и стали стрелять в воздух. Толпа рабочих подалась назад. Мастера заталкивали их в фабричные помещения, уговаривали приступить к работе и обещали им, что жены их и дети будут в целости, что ищут только евреев, бежавших из гетто. Особенно благородно проявил себя, успокаивая рабочих и стараясь угасить конфликт, заведующий хозяйством г. Височинский.

Наконец открылись ворота, и во двор фабрики вошла первая партия жен и детей, прошедшая проверку и выпущенная из блока. Рабочие стали понемногу успокаиваться, поверив, что и в самом деле увидят еще свои семьи. Через три часа, к полудню, все благополучно вернулись в

свои квартиры. Тридцать обнаруженных в блоках беглецов из гетто были увезены и расстреляны, а жизнь в блоках опять вошла в обычное русло.

Но и после этой проверки, несмотря на все строгости, какая-то часть спасшихся при разгроме гетто в “малинах” и иных тайниках евреев прибивалась к блокам и разными способами попадала в них. К началу ноября в блоках “Кайлис” таких людей набралось ни много ни мало около двухсот, за их укрытие руководители блоков, прежде всего инженер Папп, должны были ответить головой. На помощь им пришел комиссар фабрики “Кайлис” г. Фридрих, который сумел “легализовать” часть этих людей, а другую часть поместить в блоки автомобильных мастерских с согласия начальника этих мастерских, очень доброжелательного человека майора Плагге.

Часто проводились проверки, чтобы установить точное соответствие жителей блоков занесенным в списки (28 октября такая проверка прошла в блоке автомобильных мастерских, 30 октября, 4 и 6 ноября — в блоках “Кайлис”). При проверке в блоке автомобильных мастерских было обнаружено, что среди присутствующих не хватает одной семьи (Залкинд), состоявшей из мужа, жены и ребенка. Тотчас всех жителей выстроили во дворе, забрали 25 человек (каждого третьего в одном ряду), по большей части это оказались женщины, и тут же увезли на Понары. Расстрел стал таким обычным явлением, что люди уже отнеслись к нему как к чему-то само собой разумеющемуся. Увезли 25 человек, а остальные как ни в чем не бывало разошлись по квартирам. Тех, кого взяли на Понары, заставили раздеться уже в грузовике, чтобы не тратить времени на месте, а там ставили на укрепленные над ямами доски и расстреливали. Машины с вещами убитых тотчас отъезжали обратно в гестапо.

Главным блюстителем порядка в блоках “Кайлис” был представитель СС г. Рихтер. Он возникал внезапно, то рано утром, то среди дня, а то и поздно вечером, стремительно направлялся в какую-нибудь квартиру, на чердак,

в погреб. Он постоянно что-то искал, вылавливал что-то недозволенное, запрещенное. В квартирах с появлением г. Рихтера тотчас начинали лихорадочно прятать продукты. Евреям было запрещено иметь что-либо из съестного, кроме того, что выдавалось им для пропитания немецкими властями. Преступлением был найденный хлеб иного сорта, какое-нибудь мясо, кроме лошадиного, которое иногда выдавали евреям. Представитель СС и его помощники зорко следили также за тем, чтобы никто не выходил на улицу. Даже из одного блока в другой, находившийся на расстоянии нескольких сот метров, не разрешалось ходить в одиночку. Передвигаться можно было только группами, под конвоем еврейских полицейских, если для передвижения была причина, признанная уважительной: в баню (размещенную в 1-м блоке), к врачу и т. п.

Молиться и учиться тоже было запрещено. Но люди продолжали тайком и молиться, и учиться, разбегаясь в разные стороны, едва во дворе блоков появлялся “властелин” из СС. В глубоком погребе 1-го блока, на высоком чердаке 2-го собирались старики, чтобы помолиться; там же для маленьких детей устроили школу, а молодежь устроила даже что-то вроде клуба, где бывали иногда музыкальные вечера, выступления нескольких уцелевших после ликвидации гетто еврейских артистов. На открытии клуба выступила литовка, активная участница борьбы с фашизмом А. Ж., она выразила изумление и восторг в связи с тем, какой духовной жизнью продолжают жить евреи в тех невозможных, нечеловеческих условиях, которые для них созданы.

В ноябре и декабре 1943 года арестованных евреев стали посылать из гестапо для работ на Понары. Работы ведутся в большой тайне, никто о них не должен знать. Рабочих-неевреев на эти работы не допускают, так как все, кто на них занят, будут ликвидированы. Посланные на Понары готовят к сожжению около 70 тысяч трупов расстрелянных там евреев.

15 декабря 1943 г., после некоторого периода спокойствия, “нормальная”, если так можно ее назвать, жизнь блоков “Кайлис” была неожиданно нарушена. К воротам “Кайлиса” подъехала легковая машина гестапо с тремя гестаповцами, которые арестовали коменданта 1-го блока, доктора Леона Бурака, и жившего во 2-м блоке Янкеля Тургеля с его невесткой (она была им “приписана” под видом жены). Арест доктора Бурака гестаповцы почему-то сочли нужным замаскировать: ему предложили сесть в машину, чтобы для какой-то надобности заехать с ним на фабрику, после чего машина развернулась в противоположную сторону и направилась прямо в гестапо. За Тургелем те же люди приехали уже в открытую, как только отвезли Бурака: его взяли дома, а заодно прихватили оказавшуюся в комнате невестку. Аресты вызвали среди обитателей обоих блоков большую тревогу, тем более что на следующий день, 16 декабря, снова приехала та же машина с теми же гестаповцами: на этот раз арестовали двух жителей 1-го блока, Ицика Пробе и Якова Ципмана. Тихий, скромный Ицик Пробе исполнял в 1-м блоке должность привратника. Накануне гестаповцы приказали ему находиться при них во время ареста Бурака и Тургеля, теперь взяли его самого. Радиотехника Ципмана забрали на месте работы, на фабрике электрических принадлежностей “Эльфа”, расположенной напротив “Кайлиса”. Никто не знал, что означают эти аресты, тревога усиливалась.

30 декабря 1943 г. снова та же машина с теми же гестаповцами появились прямо на фабрике “Кайлис” — был арестован руководитель обоих блоков инженер И. Папп, фактически исполнявший и обязанности директора фабрики. Вместе с ним увезли двух евреев-рабочих, оба имели фамилию Бурштейн. Эти Бурштейны вскоре были привезены обратно. Выяснилось, что их доставили в подвалы гестапо на очную ставку с арестованным раньше Янкелем Тургелем, который заявил, что оба они не имеют ничего общего с каким-то еще Бурштейном, о котором

там шла речь. Инженера Паппа обратно не привезли. Более того, в тот же день гестаповцы забрали еще трех человек — Мейлупа, Рогожина и третьего Бурштейна. Комиссара фабрики “Кайлис” в Вильне тогда не было, он находился в отпуске, в Лейпциге. Его секретарь уведомила гестаповцев, что всей работой фабрики руководит фактически инженер Папп, и без него фабрика может остановиться. Но гестаповцы отказались освободить Паппа: они предложили, чтобы комиссар “Кайлиса” тотчас по приезде лично связался с ними. Угнетенные, мрачные, полные худших предчувствий, возвратились в тот день евреи с работы в свои блоки. Большинство полагало, что, как арест Якоба Генса означал ликвидацию гетто, так и арест инженера Паппа означает ликвидацию блоков. Мало кто ел и пил — все ждали начала конца. И вдруг неожиданно, как разряд тока, по всему лагерю пролетела весть, что инженера Паппа освобождают. Фабричный возчик прибежал к воротам 1-го блока и крикнул, что комендантов срочно требуют к секретарше комиссара “Кайлиса”: позвонили из гестапо, чтобы приехали за инженером. Известие казалось невероятным, невозможным, никто не верил в такой исход дела. Но когда его подтвердил немец из СС, живший на фабрике и руководивший охраной, комендант одного из блоков Лео Златкович тотчас поехал на фабричной коляске в гестапо. Каждая минута ожидания казалась часом. Прошло довольно много времени, коляска не возвращалась, — всех охватили разочарование, апатия. И как же велика была общая радость, когда люди увидели в самом деле подъезжавшего к блокам Паппа. Его встретили с восторгом, толпа чуть раздвинулась, освободив для него узенький проход, все хотели видеть его; по лестнице в квартиру его внесли на руках. У кого оказались кое-какие деньги и была возможность достать водку, тот пил. Вместе с инженером Паппом освободили и Мейлупа. Об остальных арестованных все уже забыли. Новый 1944 год жители блоков встречали почти радостно. Возвращение инженера Паппа, чувство избавления от угрозы немедленного

общего уничтожения скрасили праздник. Люди постарались забыть пережитые только что страхи, от души желали друг другу скорого освобождения. В некоторых квартирах устроили даже вечеринки. А в подвале состоялось представление нескольких оставшихся еще в живых еврейских артистов: Садовский, Рутенберг, Гербст пели песни, читали стихи...

Из числа тех, кого арестовали в декабре, освобожден — через девять недель, 17 февраля 1944 года, — один только доктор Леон Бурак, бывший комендант 1-го блока. Его привез офицер гестапо, который вел следствие. Вид у освобожденного был ужасный: бледный, исхудавший, обросший большой бородой, со шрамом на лбу и разбитым стеклышком очков, в рваных ботинках на босых ногах. Видно было, что за прошедшие недели смерть для этого человека много раз была милее жизни — не было только яда, чтобы покончить с мучениями. Возвращение его было неожиданным, встречен он был с радостью. О судьбе остальных, взятых с ним, если кто и вспоминал, тот молчал, как молчал и сам освобожденный молодой доктор. Об этом его многозначительно предупредили в гестапо, и он молчал, как немой. Любопытно, что спустя некоторое время тот же офицер гестапо навестил его, спросил, почему он не побрит, и посоветовал лучше питаться, чтобы поправиться.

11 марта 1944 года в блоках “Кайлис” опять довелось пережить тяжелый день. В этот день немецкие полицейские собрали во дворе всех оказавшихся в ту пору безработными мужчин; из них были выбраны те, кто называл себя портными, сапожниками, слесарями. Остальным было велено немедленно разойтись по квартирам. Через несколько минут во дворе появился хорошо всем известный ликвидатор гетто г. Китель и приказал всем отобранным немедленно собрать свои вещи и погрузиться в пригнанную во двор большую машину. Тот, кто не успеет собраться, должен ехать без вещей, как стоит. Вместе

с ними отправляются и члены их семей. Китель с улыбкой посмотрел на часы и предупредил, что все, не погрузившиеся через 15 минут в машину, будут застрелены тут же, во дворе, как собаки. Говорили, будто людей отправляют в новый ковенский рабочий лагерь. Как бы там ни было, через полчаса все выхваченные рабочие, 16 человек, уже были вывезены из Вильно.

Такого рода неожиданный вывоз людей неведомо куда повторялся несколько раз в последнее время. Немцы предпочитали при этом действовать обманом. Так, хозяйничавший в блоках ээсовец Рихтер, заглянув во время рабочего дня в автомобильные мастерские, сказал, что ему нужно несколько человек, чтобы съездить в город за материалами. Охотников нашлось, конечно, много, но, когда десять отобранных “добровольцев” сидели уже в грузовике, Рихтер сообщил им, что они едут на работы “в Ковно”. Так же предложил он некоторым жителям блоков “Кайлис” перебраться для удобства в автомобильные мастерские, но машина тронулась с места, и сидевшие в ней с удивлением узнали, что их везут опять-таки “в Ковно”.

27 МАРТА 1944 ГОДА. “ПОХИЩЕНИЕ ДЕТЕЙ”

Эта жесточайшая из всех проведенных “акций” готовилась в обстановке совершенной секретности. Разрабатывали “акцию” гестаповцы Шлеме, Вайс и Шредер. Даже ее исполнителям, как литовцам, так и самим немцам, за час до начала не было известно, что происходит. Литовским полицейским велено было собраться на Лукишской площади и сказано, что операция будет проводиться против поляков; лишь когда их усадили в грузовые машины и развезли на места действия — в блоки “Кайлис”, автомобильные мастерские, военный госпиталь на ул. Росса, — они поняли, что их ждет “работа” против евреев. Карательных немецких солдат, стоявших на постах у блоков, в последнюю минуту предупредили, что они должны отстоять без смены еще короткое время, пока не закончится “одна работа”. На ул. Росса — обычном месте погрузки людей в поезда смерти — постоянно работавшим при гестапо евреям было приказано приготовить вагоны, т. е. заколотить окна и затянуть их колючей проволокой. На чей-то

вопрос, для какой цели готовятся вагоны, один из гестаповских офицеров сказал: “Даю вам слово офицера, что это не против евреев”. Скоро рабочие увидели, как в подготовленные ими вагоны сваливают, как мусор, еврейских детей, женщин-матерей и стариков.

В блоках живой материал для уничтожения готовил главный надзиратель, холодный и расчетливый, отлично вышколенный эсэовец Рихтер. Как хитрая лиса, он долго до акции высматривал жертвы, заглядывая в каждый уголок каждой квартиры, отмечая всех, кого заранее заносил в свои списки смертников. Дети в этих списках были рассортированы на три группы: до 13 лет, от 13 до 16 лет и старше 16 лет. В блоках “Кайлис” Рихтер постоянно проводил разнообразные проверки детей, так называемые “аппели”, — дети постепенно привыкли к таким “аппелям” и совершенно безбоязненно на них выходили.

В злосчастный понедельник, 27 марта 1944 года, дети, по обыкновению, были выведены на “апель” якобы с тем, чтобы после проверки по спискам отправить их на медицинское освидетельствование в блоке военного госпиталя. При этом в 6 часов утра Рихтер появился в блоках в сопровождении какого-то господина, которого он представил как “немецкого врача”, и обратился к комендантам обоих блоков с “невинным” вопросом, имеется ли у них подходящее помещение для медицинского освидетельствования детей и стариков. Он прекрасно знал, что такого помещения нет, что теснота всюду невероятная, вопрос был задан, конечно же, для маскировки, чтобы отвлечь внимание от надвигавшейся опасности. Когда коменданты указали ему на единственно возможное место — погреб, где недавно проводилась регистрация всего населения блоков (при этом измеряли рост и указывали для картотеки приметы каждого), Рихтер спокойно и мягко возразил, что там будет, конечно, неудобно. Он приказал начать рабочий день на фабрике на полчаса раньше обычного, а детей отвести в близлежащий госпиталь. “Там будет лучше”, — объяснил он спокойно.

Родители отправились на фабрику, хотя им могло бы показаться странным это изменение начала рабочего дня, а дети поскорее умылись, хоть как-то приоделись и поспешили на “освидетельствование”. Когда основная их часть уже собралась в госпитальном блоке, вдруг появилась грузовая машина с литовским особым отрядом, возглавляемым гестаповцами Шредером, Милем, Газеном. Ватага вооруженных исполнителей ввалилась в госпиталь. Старшие дети и матери, державшие на руках малюток, тотчас поняли, что попали в страшную ловушку. Начался невероятный плач перепуганных детей, вопли матерей. Один из гестаповцев велел замеченному им тут же еврейскому управдому 1-го блока Шаферу, носившему повязку на рукаве и потому принятому гестаповцем за полицейского, успокоить толпу, чтобы он мог сделать необходимое объявление. Когда шум несколько утих, гестаповец заверил всех, что никому ничего не грозит, но все должны выполнять то, что им приказывают. Тут же исполнители стали выводить детей из помещения и сажать в подвезавшие к этому времени грузовики, туда же укладывали больных, которых выносили из госпиталя на руках. Машины немедленно отъезжали одна за другой. Матерей, которые хотели ехать со своими детьми, не сажали в ту же машину, тех же, которые готовы были отпустить детей, непременно забирали вместе с ними. Некоторым детям удалось спастись, спрятавшись в самом госпитале под кроватями или во дворе под сложенными там досками. Некоторые дети спаслись бегством, выпрыгнув из автомашин по дороге на ул. Росса, кое-кто из детей сумел выбраться уже из вагона идущего поезда. Первые по большей части возвратились в блоки, вторые, обычно сильно покалеченные, доставлялись немцам окрестными жителями. Тяжело раненные девочка и мальчик, лежащие во дворе виленского гестапо, были добиты гестаповцем, ударившим их сапогом по головам. Мальчик со сломанной ногой, возвратившийся в блоки, которому доктор Канторович успел наложить гипс, был через несколько дней снова увезен на расстрел.

Дети виленского гетто

Немцы старались проследить за тем, чтобы число уничтоженных детей было в соответствии с заранее составленными списками. Из 1-го блока забрали по спискам всех намеченных детей. Комендант 1-го блока Леон Бурак, стараясь как можно полнее исполнить приказ гестаповцев, отправил на “переосвидетельствование” даже больше детей, чем от него потребовали. В тот день забирали детей 1-ой группы, т. е. до 13 лет, он же вызвал на проверку также и 2-ю группу, от 13 до 16 лет. Зато в 1-м блоке не работала “особая команда”, которая разгулялась во 2-м блоке и блоке автомобильных мастерских, где коменданты отказались выдавать детей по спискам. Во 2-м блоке гестаповцы брали без разбору тех, кто им попадался под руку, ломали двери квартир, искали спрятавшихся детей на чердаках и в подвалах. При попытке защитить детей были избиты и увезены артист Гербст и известный виленский учитель Мовша Олидский, который вел до последнего дня (27 марта 1944 года) хронологическую летопись событий. Жестоко и открыто забирали детей в блоке автомобильных мастерских. Там назначили “аппель” на 4 часа утра, а в 7 часов приехали гестаповцы с литовским “особым отрядом” — и началась дикая расправа. Одна из женщин — Жуковская — посмела сказать в лицо гестаповцу Вайсу, руководившему “акцией”: “Убийца, палач, ты не возьмешь у меня ребенка раньше, чем перешагнешь через мой труп!”. Вайс схватил ее за руки, поставил на колени, пригнул ее голову к земле и выстрелом в затылок убил наповал. И через труп матери переступил, как переступил через десятки и сотни трупов лично им застреленных людей, и ребенка забрал.

На фабрике “Кайлис” в то время, когда забирали детей, были установлены пулеметы, входы и выходы были заняты вооруженными литовскими полицейскими. Рабочие тотчас узнали, что что-то недоброе творится с детьми, хотя и не знали в точности, что происходит. Они готовы были вопреки всем приказам броситься в блоки, чтобы, если детей увозят, пойти на расстрел вместе с детьми, но

все пути для них были перекрыты. Они узнали в подробностях, что случилось в этот день, когда возвратились с работы. Горе и ужас воцарились в блоках. Люди не ели, не пили, не спали. В 1-м блоке в эти дни было отключено электричество. В полном мраке евреи оплакивали своих детей.

На следующее утро надо было, как обычно, идти на фабрику. Никакой работы люди выполнять, конечно, не могли. Как на кладбище, заломив руки, бродили они по фабричным помещениям и плакали безутешными, горькими слезами. Сердца их были опустошены, душа выгорела, остались одни скелеты.

А через несколько дней эсэсовец Рихтер снова начал ходить по квартирам — искал уцелевших детей. Он обшаривал все уголки и требовал предъявить ему тех детей, которые, по его предположению, спаслись от гибели и прятались в блоках. Будто ничего не произошло, по несколько раз в день посещал он жителей блоков и — под видом разных проверок и хозяйственных указаний — выматривал новые жертвы...

ОТ РЕДАКТОРА

Эта глава — хронологически последняя среди уцелевших записей Григория Шура. Вскоре после “Похищения детей” (в ходе акции погиб и его тринадцатилетний сын Арон) он был вывезен из Вильно. За несколько дней до освобождения Вильно Советской Армией евреи, находившиеся в рабочих блоках, были расстреляны. Григорий Шур погиб в лагере Штутгоф. Один из уцелевших узников Штутгофа вспоминал, что Григорий Шур вел себя в лагере мужественно, поддерживал и подбадривал товарищей. При ликвидации лагеря нацисты погрузили сотни заключенных на баржи, вывезли в открытое море и утопили. Среди них был и Григорий Шур.

В. Порудоминский

ЖИЗНЬ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ЛАДОНИ

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Возвратиться может любой ад, увы!
Варлам Шаламов

Эта книга принадлежит к числу тех немногих, что несут в себе безусловную правду о человеке, но правду столь тяжкую и горькую, что лучше бы ее, быть может, и не знать вовсе! Описанное Григорием Шуром рождает долгую душевную боль и естественное при боли желание крикнуть — как-нибудь заклеить, заклясть описанное столь резко и страшно, чтоб от одного намека, от слабого подobia ему люди уже отшатывались в ужасе и омерзении.

“Антисемитизм — простая разновидность каннибализма”, — так примерно хотел я начать это послесловие, но, выводя слова на бумаге, вдруг вспомнил, что это, — увы! — уже сказано. И даже давно. И не каким-нибудь там гуманистом, а лично И. В. Сталиным! (Хотя у него, кажется, не “разновидность”, а “вариант”...) И что фраза эта, как известно, не помешала ему заставить работать на этот “вариант” всю мощь советского государства! И ни эта, ни другие фразы не помешали государству, на знамени которого все-таки значился интернационализм, а в активе —

победа над фашизмом, привычно начать перемалывать новых врагов — уже не буржуев, не кулаков, не троцкистов, а просто евреев, калмыков, татар, ингушей... И ни один винтик государственной машины при этом повороте не пискнул, а большинство даже не заметило и не ощутило, что этот поворот был...

Дело не в политической мимикрии. И даже, наверное, не в антисемитизме как таковом... Смысл лежащего перед вами послания Григория Шура к потомкам, ко всему человечеству, как мне представляется, на порядок глубже любых политических дефиниций.

Но чтобы приблизиться к пониманию этого смысла, давайте задумаемся: а для чего собственно берется за перо человек, ежедневно наблюдающий мученическую гибель людей, ежечасно ждущий, что такая же постигнет не только его самого, но и близких, человек, всечасно унижаемый бессильем не то что предотвратить, но даже предугадать момент этой гибели? Просто чтоб рассказать нам, как все это было?!

Вне сомнений, Григорий Шур именно так понимал свою задачу — об этом свидетельствует не только соотношение с пушкинским Пименом (“еще одно, последнее сказанье”), но и сам тон повествования — почти отстраненный, максимально сдержанный, лишенный личных эмоций, сухоовато анализирующий (не “о зверских убийствах!..”, а “способы убийства на Понарах”, не “гибель моего мальчика”, а “похищение детей”...).

Но кому адресован этот рассказ? “Неведомым потомкам”, т. е. нам? Чтоб мы отомстили? Но в тексте нет ни призыва, ни надежды на месть. Да и не мог он не понимать, что его “Записки” станут достоянием потомков только когда (и если) историческое возмездие уже совершится. Выходит — просто, чтоб знали?.. И только ради этого он ежедневно и ежечасно рискует всем, что есть у него дорогого?.. Это было бы слишком, согласитесь!.. К тому же открытие “Записок” во время любого обыска привело бы к уничтожению не только автора, но и самих “Записок”...

Нет, я убежден: нечто куда более глубокое и важное заставляло Григория Шура, урывая минутки, рискуя всем, — все-таки писать и писать!.. Тут не забота об информированности потомков и тем более не желание посмертной известности — нет, тут правит его величество инстинкт самосохранения! И в этом нет никакого противоречия с тем, что дневник — ежесекундный источник величайшей опасности.

Оговоримся сразу: желание во что бы то ни стало сберечь себя, свое тело, брэнную свою оболочку, заложено в человека природой. Оно необоримо, а следовательно, не должно и не может быть осуждаемо. Но есть ситуации, когда это инстинктивное сбережение своего физического существования неизбежно ведет к потере человеческой сущности — той неуловимой субстанции, что собственно и делает крупного хищника из отряда приматов — человеком! Шур постоянно наблюдает утрату этой человеческой сущности самыми разными людьми, не только такими ничтожествами, как Янкель Авидан или начальник “воротной стражи” Левас, но и безусловно крупными, значительными личностями — такими, как, скажем, руководитель гетто Якоб Генс, — он видит во всех ее разновидностях, он постоянно о ней думает... Человеческое в человеке чрезвычайно хрупко и может быть разъедено долгим страхом, смято внезапным порывом паники, как у матери, оттолкнувшей собственного ребенка, чтоб только остаться жить; но этой хрупкой человеческой сущности (или душе — как хотите!) также присущ инстинкт самосохранения — и притом такой силы, которая иногда позволяет подчинить, перебороть жажду самосохранения телесной оболочки.

Но на что же опереться душе в этой нелегкой борьбе с собственной слабеющей плотью? Григорий Шур находит такую опору в своих “Записках”. Сам процесс создания текста, его написания, есть, по глубинной природе своей, диалог, собеседование, а это позволяет, выделив в себе собственную человеческую сущность как объектив-

ную данность, превратить ее в собственного собеседника, и, следовательно, ошутить как бы вне себя — как зеркало, как точку опоры.

Создание “Записок” дает их автору необходимый запас прочности, создает противовес душевной панике, метаниям, отчаянию — всему, чему так легко поддаются люди в годину массовых бедствий. “Записки” дисциплинируют и укрепляют, как некий посторонний взгляд, перед которым стыдно за каждую минутную слабость... Именно благодаря “Запискам” трехлетний кошмар гетто не разрушает личность их автора, а наоборот — возвышает и просветляет ее, делает взгляд на события все более проникновенным, сочувствие чужим страданиям все более глубоким и полным, что позволяет Шуру уводить своего читателя на ту глубину, где лежит общечеловеческая суть описываемых им исключительных обстоятельств.

Вместе с Григорием Шуром открываем мы в человеке его необыкновенную, одновременно спасительную и гибельную пластичность, способность ко всему притерпеться и... жить! Ну, скажем, быстро наладившаяся в гетто какая-никакая торговлишка, мастерские и фабрички — это куска хлеба и жизни ради, это инстинкт... Но люди, которым даже ходить по тротуарам запрещено, на наших глазах возрождают и школу, и даже театр, и жаждут послушать музыку, и читают друг другу стихи, и даже пытаются заниматься спортом — жить, жить, несмотря ни на что! “И, может быть, правы те, кто живет так, словно нет вокруг этого кошмара, кто не хочет видеть окружающей нас стены, кто словно забыл, что мы находимся на ладони железной руки, которая может захлопнуться в любой момент и раздавить всех, как мух”.

Прав или не прав, слеп или зряч человек в этом всепоглощающем желании? Спасительно оно или разрушительно? Вот главный предмет размышлений Григория Шура, и, втягиваясь в них, мы вдруг замечаем, что исключительность обстоятельств отнюдь не исключает, а предполагает общность встающих перед людьми вопросов. Жизнь в

гетто оказывается в чем-то похожа на нашу собственную жизнь, столь далекую от гетто во времени и пространстве. Ну хотя бы эта свистопляска с разными шайнами и аусвайсами — то белыми, то с красной печатью, то желтыми, — бумажками, только заполучив которые можно почувствовать себя спасенным и огражденным хоть в чем-то, — разве не напоминает она недавнюю советскую бюрократию со всеми ее бесконечными трудовыми книжками, прописками, справками?..

И это сходство отнюдь не поверхностное, но существенное, ибо любая диктатура начинается с иллюзии наведения “порядка и справедливости”. При этом порядок непременно создается таким, чтоб его обязательно нарушали, а нарушители “справедливо” наказывались. Только таким путем диктатура способна не просто разделять и властвовать, но и, указывая на мнимых “виновных”, переадресовывать им ту ненависть, которая могла бы обратиться на саму диктатуру.

Когда в виленском гетто были уничтожены “конечно, запрещенные, но продолжавшие существовать” и дававшие возможность как-то выживать тысячам людей подпольные мастерские и фабрички, то “все эти мероприятия, правда, очень болезненные для отдельных лиц, признаны были необходимыми всем населением гетто” и проведены еврейской полицией с полного одобрения большинства. Люди душили сами себя... Удивительно?.. Но разве мы с вами в годину всяческих нехваток не метали громы и молнии на головы “спекулянтов” и не считали самые суровые для них кары всего лишь “справедливостью”?

И разве воротная стража в гетто, свирепо шмонающая всех входящих и при том искренне объясняющая своим жертвам, что так надо, иначе их заменят литовцами и будет еще хуже, не напоминает нам о логике тех порядочных интеллигентов, что шли в советские чиновники и не хотя делали мелкие пакости, убеждая себя и окружающих, что иначе придут другие и будут охотно творить крупные?

Но... А какой вообще тактики и логики должно придерживаться людям, попавшим на “железную ладонь” диктатуры?

“Когда евреев, — пишет Шур, — как стадо баранов, вели на убой, поляки говорили, что они никогда такого не допустили бы, что они бы восстали и с оружием в руках защищали свою жизнь и честь”. Что ж... Я и сам много раз встречал и русских, и украинцев, уверенных в этом, а потому свысока рассуждавших о чужой трагедии. Дай им Бог прожить жизнь, не попадая в обстоятельства, когда эта уверенность исчезает, словно туман, а вопрос, как же противостоять и можно ли противостоять железному молоху, рождает только мучительные, неразрешимые сомнения!..

Григорий Шур постоянно обращается к этой теме и в прямых рассуждениях, и в сопоставлении судеб двух лидеров гетто — уже упомянутого Якоба Генса и “молодого Глазмана”. Глазман живет мечтой увести молодежь в леса, бороться с оружием в руках. Благородный и мужественный путь?.. “Но уйти в леса могут только молодые и сильные люди, а в гетто остались бы тогда только те, кто послабее, люди старшего возраста, многие женщины, дети, не способные много и тяжело работать, и немецкие власти, не имея от них никакой существенной пользы, уничтожили бы всех...” Согласитесь, для многих, — и отнюдь не худших, — доказывать свое свободолюбие и мужество подобной ценой просто чудовишно!

Неприемлемой считает эту цену и Якоб Генс. Он борется с Глазманом, считая, что только путем уступок, маневров и хитростей можно продлить существование гетто еще на недельку, на месяц — авось, за это время что-то случится, немцы потерпят поражение, придет новый начальник, кто-то наконец поймет, как глупо уничтожать столь дешевую рабсилу... Ему даже кажется, что эта тактика позволяет добиваться успеха, пусть частичного. Но, Господи, как чудовищен этот “успех”! “Ему удалось заменить пока выдачу детей назначением на уничтожение людей старшего возраста, слабых, больных, не имеющих воз-

возможности зарабатывать и жить самостоятельно, прибегающих к общественной помощи”. Разве это не та же цена, которую он сам считал неприемлемой, осуждая тактику Глазмана? Но, приучив себя к уступкам, скатываясь все дальше и дальше на своем пути, казавшемся вначале таким благим и правильным, он даже берет на себя исполнение карательных акций, “призвав на помощь самую темную часть населения”!

Так, может, он просто демагог, негодяй, спасающий хитрой риторикой лишь свою шкуру? Но когда «Якоба Генса предупредили, что его собираются “ликвидировать”, и советовали ему бежать или скрыться где-нибудь в гетто, он ответил, что его бегство может привести к гибели всего гетто, и поэтому он идет в гестапо, хоть и предчувствует беду. У ворот гетто он простился со своим братом... и ушел, сказав, что если не вернется до восьми часов вечера, значит, вообще больше не вернется. Он больше не вернулся... Так погиб человек, который хотел с честью выйти из того запутанного положения, в которое он сам поверг виленское гетто... Все сразу почувствовали себя беззащитными».

Героически и бесполезно гибнет и Глазман, и его соратник Витенберг, и Оскар Глик, этот виленский Шиндлер, сумевший выдать себя за австрийского немца и завоевать полное доверие оккупационных властей. Он “раздавал спасительные удостоверения совершенно безвозмездно, широкой рукой, выбирая людей, каждый из которых имел прочную репутацию порядочного человека, — это было для него главное...” Но и он так никого и не спас, пав жертвой глупого доноса.

Как видим, дело не в дефиците мужественных людей или хороших организаторов. Просто “жизнь на железной ладони” оставляет слишком мало возможностей для активной и осмысленной борьбы. Единственный продуктивный способ противостояния — это, не поддаваясь ни страху, ни надежде, оставаться и гибнуть человеком, несмотря ни на что, — как раввин из Ново-Вилейки, как инженер Папп, как сам Григорий Шур... Именно эта неуничто-

жимая человечность оказывается той ржавчиной, которая и разъедает в конце концов “железную ладонь” любой диктатуры.

Еще в самом начале 40-х Эрих Фромм пророчески утверждал, что безграничность человеческой изменчивости и приспособляемости иллюзорна, ибо “нормы и институты”, противодействующие человеческому благополучию, не могут “формировать человека соответственно своим стандартам, не рискуя подвергнуться воздействию тех внутренних человеческих сил, которые способны мобилизоваться, чтобы изменить эти непригодные социальные модели”¹. И любая диктатура обречена на провал по простой причине своего несоответствия человеческой природе. В конце концов она обязательно рухнет перед теми жизненными силами, что “при малейшей возможности... пробиваются сквозь кору постоянно ожидаемой гибели...” Но, Господи, сколько жизней обрывается раньше, чем наступает этот конец концов! И как ужасно бывает само его приближение!..

Описывая жизнь гетто в ее хронологической последовательности, Григорий Шур отмечает все возрастающую жестокость карателей — жестокость, переходящую всякую рациональную грань, не имеющую уже никакой цели, кроме бессмысленного глумления, издевательства. “Когда десятки подвод, груженные вешами убитых, стали въезжать в гетто, население гетто вздрогнуло, как бы пронзенное электрическим током. Жестокость убийц дошла до такой степени цинизма, что они открыто показывали всем несчастным, что было сделано с их братьями и что ждет их впереди...”

Все поняли этот вызов, но безоружные и бессильные люди ничего иного не могли делать, как только в ужасе и страхе ждать своей очереди”.

---

¹ Эрих Фромм. Человек для самого себя.

Бессилие измученных людей понятно, но для чего это нужно самим палачам? Почему гестаповцу Кителю “доставляет удовольствие, когда мать, спасая собственную жизнь, отказывается от ребенка. Стоит только женщине сказать, что это не ее ребенок, Китель тотчас приказывает бросить его в грузовую машину и везти на расстрел”?

Да, эта жестокость глумлива и бессмысленна, если только полагать, что уничтожение целого народа или каких-нибудь социальных групп, партий и т. д. может вообще быть рационально оправдано, может быть действительной целью... Если же видеть в репрессиях не способ достижения цели, а способ существования диктатуры, которая не может остановить или замедлить ход репрессий, чтоб тут же не рухнуть, то...

Впрочем, это легче объяснить через один эпизод, который и позвольте здесь привести.

В конце семидесятых на Житомиршине случилось мне познакомиться с одним “хлебнувшим лагерей” благообразным старичком. Мы с ним однажды “трохи поснидали”, усидев литровую банку самогона, и размягченный дедок вдруг признался, что особо обижаться на власть не может, ибо сидел не за длинный язык, а за то, что служил “под немцем” в полиции. Виноватым он, впрочем, себя не считал: мужик здоровый, четверо ребятишек, “а чем их кормить, комиссары не позаботились”. К комиссарам я и сам излишней любви уже не питал, но все-таки робко намекнул, что приходилось ведь и своих, поди, выдавать, и участвовать в акциях. “Ни! — твердо сказал дедок. — Своих никогда... А в акциях — что было, то было, куда б я делся?..” А выпив еще и размягчав окончательно, признался, что младенчиков — тех — да, жалко бывало, а взрослых — нет. Почему? “Да они ж как не люди! — убежденно прошептал мне дедок. — У них даже бабы от детей отказывались! Разве б наши бабы могли так?..” Вот так!.. А благостный такой был дедок, рыболов, пасечник...

И вот теперь, прочитав у Шура об экспериментах господина Кителя, я прекрасно понимаю, зачем они были ему

нужны, чем так радовали. Ведь они наглядно подтверждали в его глазах правоту той людоедской теории о “неполноценности” уничтожаемого народа, во имя которой он действовал! А она была единственным его оправданием!.. Но ведь теория требует такого ежедневного подтверждения только тогда, когда она, изъеденная сомнениями, готова вот-вот рухнуть, обнажив перед своим поклонником всю чудовищность им совершенного! И можно сказать, что бессмысленное уничтожение репрессий есть верный признак начала конца любой диктатуры.

Да, все людоедские теории рушатся, все диктатуры гибнут, но... И “возвратиться может любой ад: увы!” Со всем не обязательно со свастикой на рукаве и вскидыванием руки или под красным знаменем “пролетарского интернационализма”... По какому бы признаку не начали люди вновь делить друг друга на достойных и недостойных жить, во имя какого бы “порядка и справедливости” не начали выдавать друг другу бумажки, без которых ты только букашка, — знайте: это возвращается ад! И возможность его возвращения в новом обличье реализуется всегда, как только люди забывают о ней...

Вот в чем, по-моему, смысл послания Григория Шура. Вот почему нам стоит поучиться у него оставаться и в аду человеком. Так, на всякий случай.

Владимир КАВТОРИН

КОММЕНТАРИИ

- К с. 8. *Хедер* — в конце XIX в. еврейская начальная школа для обучения мальчиков основам иудаизма.
- К с. 10. ... с *Семеном Ан-ским, создателем всемирно известной трагедии “Гадибук”*... — Семен Ан-ский (Шлойме-Зайнвл (Семен Акимович) Раппопорт, 1863–1920), поэт, прозаик, драматург, этнограф. В ходе фольклорной экспедиции 1911–1914 гг. собрал уникальный материал: еврейские народные легенды, предания и т. д., который лег в основу пьесы “Гадибук”, впервые поставленной в Вильно в 1920 г., а затем — во многих странах Европы и Америке (в 1922 г. постановку “Гадibuка” осуществил в Москве Е. Вахтангов).
- К с. 33. ... *известное дело Бейлиса* — Мендель Бейлис, приказчик кирпичного завода в Киеве, в 1911 г. был клеветнически обвинен в убийстве христианского мальчика А. Ющинского в ритуальных целях, что послужило поводом для развязывания очередной антисемитской кампании. В защиту обвиняемого выступали В. Г. Короленко, А. А. Блок, А. М. Горький, В. И. Вернадский. На суде, проходившем осенью 1913 г., присяжные заседатели оправдали М. Бейлиса.
- К с. 40. *Кошерное мясо* — “чистое” мясо, заготовленное особым образом: в пищу идут туши только определенных животных, их забивает аттестованный раввином человек, из туши должна быть полностью удалена кровь, которую иудаизм запрещает употреблять.
- К с. 45. *Понары* (Аукштейи-Панеряй) — железнодорожная станция на промышленной окраине Вильнюса, недалеко от которой нацистами было устроено место массовых расстрелов. Всего здесь было уничтожено около 100 000 человек. В 1948 г. на месте убийств был поставлен обелиск, а в 1960 г. открыт музей. ... *Напоминавшее о самых мрачных днях Средневековья переселение евреев в гетто.* — Гетто — от итал. getta — пушечный завод в средневековой Венеции, около которого располагался еврейский квартал. Особые еврейские районы известны в европейских городах с XI–XII вв., причем в это время они создавались не столько по приказу властей, сколько по собственной воле евреев. В 1555 г. Папа Римский Павел IV издал буллу, в которой евреям приказывалось жить совершенно изолированно от христиан. С 1556 г. начинается принудительное переселение всех евреев в отдельные кварталы, с 1562 г. входит в употребление термин “гетто”.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Знакомство полвека спустя	6
Из записок Григория Шура	
Из предисловия автора	28
Июнь–июль 1941 года. Начало	31
Август–октябрь 1941 года.	
После провокации: два гетто	43
Октябрь 1941 года. “Чистки”	51
1942 год. Гетто	65
Январь 1942 года. Оскар Глик	76
Июнь 1942 года. Гетто имеет своих палачей	80
24 июня 1942 года. Годовщина	86
Июль 1942 года. Якоб Генс	89
Август–сентябрь 1942 года. Парадоксы	96
Октябрь–ноябрь 1942 года.	
Коллаборационизм и любовь	108
Декабрь 1942 года. Квартира	115
Декабрь 1942 — 1 января 1943 года.	
Экзекуция у ворот	118
Февраль 1943 года. Литовцы и поляки	128
5 апреля 1943 года. Обмануты и убиты	133
Май 1943 года. “Собачьи номерки”	140
Июнь–июль 1943 года. Борьба за власть в гетто	142
Август 1943 года. “На работы” в Эстонию	159
1–19 сентября 1943 года. Гибель Генса	169
23–25 сентября 1943 года. Последний акт	181
Сентябрь–октябрь 1943 года. Отголоски	188
Октябрь 1943 — март 1944 года. Блоки	193
27 марта 1944 года. “Похищение детей”	204
От редактора	211
Жизнь на железной ладони. Вместо послесловия	212
Комментарии	222

Григорий ШУР

ЕВРЕИ В ВИЛЬНО. Хроника 1941–1944 гг.

Редактор Т. В. Буркова
Художественный редактор Д. В. Захарова
Дизайн обложки Н. Ю. Федотов
Верстка Д. Н. Дойников, А. Д. Ефимов
Корректор Е. А. Стерлина

“Образование – Культура”

Лицензия ИД 01026 от 21.02.2000 г.

Сдано в набор 14.12.1999. Подписано в печать 21.04.2000.

Формат 60×88 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 14. Тираж 3000. Заказ 1830.

Издательство “Образование – Культура”
190000, Санкт-Петербург, ул. Декабристов, д. 11.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии им. П. Ф. Анохина
185005, г. Петрозаводск, ул. “Правды”, д. 11.

Мне кажется, я могу сказать, как монах в пушкинском "Борисе Годунове": "Еще одно, последнее сказанье, и летопись окончена моя". Я писал почти о всех событиях еврейской жизни с начала войны между Советской Россией и Германией до 1943 года... Что-то меня тянуло, что-то требовало от меня: "Пиши, пиши"...

Григорий Шур

Эта книга относится к числу тех немногих книг о Катастрофе, которые создавались не после нее, а во время, — книга не о происходившем, а о происходящем, не о пережитом, а о переживаемом.

В. Порудоминский

ISBN 5-88857-066-4

9 785888 570661